Моя Сибирь

А.И. Дмитриев-Мамонов

ПУГАЧЕВСКИЙ БУНТ

В ЗАУРАЛЬЕ И СИБИРИ

ПУГАЧЕВСКИЙ БУНТ
А.И. Дмитриев-Мамонов

А.И. Дмитриев-Мамонов

ПУГАЧЕВСКИЙ БУНТ в Зауралье и Сибири

Москва
«Вече»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46
Д53

Scan By Vitaulus & Kali

Дмитриев-Мамонов, А.И.

Д53 Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири / А.И. Дмитриев-Мамонов. — М.: Вече, 2013. — 288 с. : ил. — (Моя Сибирь).

ISBN 978-5-4444-1319-7

Знак информационной продукции **16+**

Пугачёвское восстание 1773—1775 годов началось с выступления яицких казаков и в скором времени переросло в полномасштабную крестьянскую войну под предводительством Е.И. Пугачёва. Поводом для начала волнений, охвативших огромные территории, стало чудесное объявление спасшегося «царя Петра Фёдоровича. Волнения начались 17 сентября 1773 года с Бударинского форпоста и продолжались вплоть до середины 1775 года, несмотря на военное поражение казацкой армии и пленение Пугачёва в сентябре 1774 года. Восстание охватило земли Яицкого войска, Оренбургский край, Урал, Прикамье, Башкирию, часть Западной Сибири, Среднее и Нижнее Поволжье. В ходе волнений к казакам присоединились башкиры, татары, казахи, чуваши, мокшане, эрзяне, уральские заводские рабочие и многочисленные крепостные крестьяне всех губерний, где разворачивались военные действия.

Впервые изданная в 1895 году и написанная на основе архивных документов и воспоминаний современников, книга историка и библиографа Александра Ипполитовича Дмитриева-Мамонова (1847—1915) и в наше время представляет немалый интерес как для историков, так и для рядовых читателей.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46

ISBN 978-5-4444-1319-7

© ООО «Издательство «Вече», 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ[1]

История «Пугачевского бунта», охватившего собой в 1773—1774 гг. тогдашние губернии — Оренбургскую, Астраханскую, Пермскую, Казанскую, Нижегородскую, весь южный и средний Урал и юго-западные пределы Сибири с Киргиз-Кайсацкими степями, имеет обширную литературу.

Немало лиц посвятило себя труду изучения этой эпохи. Получивший первым доступ к следственному делу о Пугачевском бунте, хранящемуся в Государственном архиве, покойный академик Н.Ф. Дубровин издал в свет в 1884 году свое обширное историческое исследование «Пугачев и его сообщники».

Несмотря, однако, на обилие печатного материала, Пугачевский бунт, в особенности в пределах Зауралья и Сибири, остается еще недостаточно исследованным, и до настоящего времени еще не сделано полной сводки, еще не составлено систематического исследования столь яркого и характерного эпизода Русской истории, проливающего свет и на переживаемое нами тревожное время, смутное аграрными и

[1] Издательство посчитало возможным отчасти сохранить орфографию, пунктуацию и написание строчных и прописных букв первого издания книги.

другими народными волнениями. Экономические и бытовые условия, вызывавшие брожения и бунты среди крестьянского населения в конце XVIII столетия, немного изменились с того времени, как тогда крестьянство, угнетаемое помещичьим произволом и самовластием, за отсутствием законных выходов из своего отчаянного положения, поднималось и бунтовало, производя огромные опустошения, под влиянием соблазнительных обещаний самозванца жаловать «крестом и бородою, рекою и землею, травами и морями и денежным жалованьем и хлебным провиантом, и свинцом и порохом и вечною вольностью», так и теперь крестьянство, все еще обездоленное, находящееся в невежественной тьме, предъявляет, под влиянием агитационного движения революционных партий, требования на свободное пользование землею и выражает свои протесты бунтами и диким разгромом помещичьих владений.

В историческом очерке «Пугачевщина в Сибири», впервые напечатанном в «Чтениях Императорского Общества истории и древностей Российских при Московском Университете», за 1898 год, и появившемся также в том же году отдельной книгой, собраны нами многие данные из дел архива Акмолинского областного правления и частью из Тобольского губернского архива, относящиеся до проявления «Пугачевского бунта» в пределах Зауралья, Сибири и Киргизской степной окраины, а также и до действий и распоряжений тогдашнего Сибирского губернатора Дениса Ивановича Чичерина, в связи с результатами «Пугачевской экспедиции» генерала Ивана Александровича Деколонга, командовавшего войсками на Сибирской пограничной линии.

Извлеченные нами данные из официальных архивных документов, освещая события «Пугачевского бунта» и деятельность лиц, стоявших во главе гражданских и военных

сфер государственного управления и в особенности Зауралья и Сибири, представляют богатый материал для исследования страны в отношении экономическом и политическом, а также для пополнения наших далеко не удовлетворительных сведений о состоянии военного дела в России в Екатерининскую эпоху.

Выпуская в свет новое иллюстрированное издание исторического очерка «Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири», приносим глубочайшую благодарность П.Я. Дашкову за сообщение иллюстраций, относящихся к эпохе «Пугачевского бунта».

А. Дмитриев-Мамонов

ГЛАВА I

Первые известия в Сибири и на Сибирской пограничной линии о появлении Пугачева. — Распоряжения Троицкого коменданта бригадира де Фейервара о сформировании военных команд на Оренбургской пограничной линии для защиты Оренбурга. — Обращение де Фейервара к командовавшему войсками на Сибирской пограничной линии генералу Деколонгу о присылке войск для усиления Оренбургской пограничной линии. — Отправление генерала Деколонга с легкими полевыми командами из Омска на Оренбургскую линию. — Слабая защитность Оренбургской линии, сведения о числе войск, расположенных по дистанциям. — Распоряжения Сибирского губернатора Чичерина об оказании помощи Оренбургской пограничной линии. — Беспорядки в Тобольске. — Движение военных команд на помощь Оренбургу. — Возмущение заводских крестьян на Белорецком заводе. — Указы Пугачева крестьянам Белорецкого и Новоникольского заводов. — Сформирование команд для защиты заводов и водворения в них спокойствия. — Несогласия распоряжений Оренбурского губернатора Рейнсдорпа с мнением Сибирского губернатора Чичерина и генерала Деколонга о направлении военных сил для подавления мятежа. — Движения отряда генерал-майора Станиславского и команды секунд-майора Заева. — Защитность крепостей Губерлинской, Ильинской и Озерной.

10 октября 1773 года комендант Троицкой дистанции бригадир де Фейервар уведомил командовавшего войсками на Сибирской пограничной линии генерала Деколонга, имевшего пребывание в Омске, что сообщение Троицка с Оренбургом злодейскими шайками прекращено, препроводив к нему копию с полученного Исетским воеводой Веревкиным уведомления от Оренбургского губернатора генерала Рейнсдорпа о появлении Пугачева.

«На днях, сверх всякого чаяния, — писал Рейнсдорп Веревкину 26 сентября 1773 года, — около Яицкого городка оказался нарушитель государственного покоя злодей казак Емельян Пугачев, именующий себя бывшим императором Петром III. Собрал большую партию и, день от дня увеличиваясь, производит разорения, не меньше и смертные убийства и стремится тем на дальнейшие во вверенной мне губернии злодеяния. Хотя к отвращению сего все здешние силы обращены, однако я, предуведомляя о сем ваше высокородие, рекомендую во вверенной вам провинции принять всю строжайшую предосторожность и благопристойным образом публиковать. Есть ли, паче чаяния, сей злодей найдет случай перебраться в Исетскую провинцию, то жители оной всеми силами постараясь, к предотвращению разорения своего, должны не только вооруженный отпор сделать, но и всесильно разбить и тем доказать верную свою Ея Императорскому Величеству службу, а разглашениям его злодейским весьма не верить, и ежели что у вас произойдет в окрестные места, для принятия предосторожностей сообщить»[1].

Это известие получено было генералом Деколонгом в Омске 14 октября.

---

[1] Д. № 134, 1773 г. Арх. Акм. Областного правления по Пугачевской экспедиции. Рапорт де Фейервара генералу Деколонгу 10 октября 1773 г.

Подобное приведенному уведомлению получил от генерала Рейнсдорпа и Сибирский губернатор Чичерин в г. Тобольске 11 октября, причем Рейнсдорп оповещал, что самозванец «повесил яицкого атамана Портнова и 12 человек старшин, крепости — Рассыпную, Озерную, Татищевскую разорил и выжег, комендантов крепостей Вяловского изрубил, а Сурина исколол и теперь для взятия и разорения приближается к Оренбургу с 5000 человек, куда его ожидают к 29 ч. сентября».

Имея известия, что прямые сношения Оренбурга с Омском, идущие чрез Троицкую крепость, прерваны злодейскими шайками, Чичерин, уведомляя генерала Деколонга о событиях в Оренбургской губернии, сообщал, «что находящиеся в Оренбурге, как на службе в местном гарнизоне, так и не в службе, польские конфедераты взбунтовались, согласившись к соединению с злодейскими шайками Пугачева, однако же умысел предупрежден, и все конфедераты заарестованы»[1].

Уведомлению о замыслах конфедератов Чичерин потому придавал особое значение, что гарнизонные войска, расположенные по Сибирской пограничной линии, заключали в составе своем значительное число сосланных поляков, представлявших неблагонадежный контингент к охранению порядка и спокойствия.

Оставшись старшим в чине на территории расположения войск Оренбургской пограничной линии, отрезанных злодейскими шайками от сношений с главным своим начальством в Оренбурге, комендант Троицкой дистанции бригадир де Фейервар для оказания помощи осажденному Оренбургу и избавления пограничной линии от неминуемого разорения, «а паче

[1] Д. № 134. Отношение Чичерина к генералу Деколонгу 11 октября 1773 г.

ко истреблению не только законам, но и человечеству вредных людей», сделал распоряжение о сформировании особого корпуса из войск, расположенных по линии, от Звериноголовской крепости до Озерной, а также из башкир и мещеряков Исетской провинции.

В состав предположенного к сформированию корпуса предназначены были из состоявших на линии 5-ти батальонов и 5-ти дистанций, выкомандированные из каждого батальона по 250 нижних чинов и от каждой дистанции по 500 человек линейных казаков и башкир. Затем в состав корпуса включены были 8-я легкая полевая команда, со всею своею артиллерию, и 2000 конных башкир и мещеряков Исетской провинции. Для усиления артиллерии корпуса с каждой дистанции из каждого батальона определено было в состав его по 2 походных пушки с принадлежностями, служителями и снарядами.

Снаряжение конной команды в 2000 человек башкир и мещеряков возложено было на Исетского воеводу статского советника Веревкина.

Командование сформированным корпусом, численный состав которого должен был простираться до 6000 человек, поручалось Верхнеяицкому коменданту полковнику Ступишину, который и должен был следовать с этими военными силами к Оренбургу.

Однако предположения де Фейервара не могли осуществиться, так как значительное число казаков, предназначенных к отправлению в поход, не явилось, большинство призванных башкир осталось не разысканными, как доносил Верхнеяицкий комендант полковник Ступишин, «многие башкиры дерзко отказываются идти в поход, как, например, даже ближайшие к Верхнеяицкой крепости старшины»[1].

---

[1] Д. № 134. Рапорт де Фейервара генералу Деколонгу 22 октября 1773 г.

Поэтому сформированный состав войск состоял всего из 2837 человек с 3596 лошадьми, 4-мя единорогами, 8-ю пушками, заключая следующие команды:

1. Восьмую легкую полевую под начальством секунд-майора Зубова, в составе 378 человек, в том числе рядовых солдат 139, драгун 58, егерей 47, артиллерийских нижних чинов 36, казаков 11. — При команде 4 единорога, 159 лошадей.

2. Верхнеяицкого батальона под начальством полковника Поливанова, в составе 447 человек, в том числе рядовых Верхнеяицкого батальона 140, казаков 147, башкир 131, 4 трехфунтовые пушки, 563 лошади.

3. Троицкого батальона под начальством секунд-майора Демидова, в составе 872 человек, в том числе рядовых Троицкого батальона 250, казаков 242, башкир 332, 2 трехфунтовые пушки, 1015 лошадей.

4. Звериноголовского батальона под начальством секунд-майора Шпанского, в составе 638 человек, в числе их рядовых Звериноголовского батальона 200, казаков 240, башкир 170, 2 трехфунтовые пушки, 820 лошадей.

5. Конную команду капитана Дубинина, в составе 562 человек, в том числе казаков ибо башкир 340, лошадей 1012[1].

Такое выкомандирование регулярных и иррегулярных войск с линии делало ее совершенно беззащитной, в особенности Уйскую и Верхнеяицкую ее части, что поставило в необходимость де Фейервара тогда же просить генерала Деколонга «о присылке на Оренбургскую линию регулярной полевой и гарнизонной команды от Сибирской линии, ибо если сила злодеев здесь распространится, то и Сибирской линии сего зла и разорения ожидать должно».

---

[1] Д. № 134. Рапорт полковника Ступишина генералу Деколонгу 20 октября 1773 года «о числе отправленного против известного государственного злодея казака Пугачева корпуса».

Не надеясь в то же время на распорядительность полковника Ступишина, которому вверялась команда над сформированными частями войск и на скорое передвижение этих войск к Оренбургу, в особенности иррегулярных его частей, так как по уведомлению коменданта Озерной крепости бригадира Корфа не только башкиры, но и казаки бегут и передаются на сторону злодеев, де Фейервар просил генерала Деколонга «о присылки с крайним поспешением одного генерала и достаточного количества гарнизонной команды. Если самому сие нужное государственное дело на себя взять и сюда отлучиться будет не можно, хотя господина генерал-майора Станиславского с крайним поспешением сюда отправить. Командам же денно и нощно, с помощью подвод, маршировать приказать»[1]. Последнее уведомление де Фейервара уже не застало генерала Деколонга в Омске, так как, с получением еще первых известий, он выступил из Омска на Оренбургскую линию, не ожидая разрешения Военной коллегии, двинув 14-ю легкую полевую команду из Петропавловской крепости, 10-ю из Омской и 11-ю легкую полевую команду из Ямышевской крепости. 25 октября Деколонг уже был в Троицке, командировав генерала Станиславского с отрядом войск в Верхнеяицк.

Насколько действительно недостаточна была защитность Оренбургской линии, видно из нижеследующего расположения войск по дистанциям:

Троицкая дистанция. Карасульская крепость. Троицкого батальона: 1 капитан, 1 обер-офицер, 34 унтер-офицеров, капралов, рядовых, 4 канонира, 30 отставных разных чинов, 30 казаков. 30 башкир; всего 130 чел. Пушек чугунных в

[1] Д. № 134. Рапорт де Фейервара генералу Деколонгу 22 октября 1773 г.

крепости, в бастионах на лафетах: 3 трехфунтовых, 1 двухфунтовая, 1 походная двухфунтовая.

Илученский редут. Троицкого батальона при одном унтер-офицере 13 солдат, 2 канонира и учеников, 10 казаков, 10 башкир; всего 35 чел. Пушек чугунных на лафетах двухфунтовых 2.

Троицкая крепость. 1 дистанционный комендант. Его штаб: 1 аудитор, 1 писарь. Состав батальона: 7 обер-офицеров, 240 унтер-офицеров, капралов, рядовых, 63 школьников комплектных и сверхкомплектных. Состоящих в батальоне сверх комплекта: 3 беглых рекрута, 171 пригнанных из Оренбурга польских конфедератов-солдат. Артиллерийской команды: и капитан, и унтер цехмейстер, 12 нижних чинов, 5 учеников Троицкого батальона солдат. Иррегулярных войск: 58 казаков, 56 башкир, 145 отставных от военной и строевой службы разных чинов. Всего 765 чел. Пушек чугунных на лафетах по крепости в бастионах: трехфунтовых 6.

Санарский редут. Троицкого батальона: 13 унтер-офицеров и солдат, 2 канонира и ученик, и казаков, 11 башкир; всего 37 чел. Пушек чугунных на лафетах: трехфунтовых 1, двухфунтовых 1.

Подгорный редут. Троицкого батальона: один унтер-офицер и солдат, 2 канонира и ученик, 9 казаков, 10 башкир; всего 32 чел. Пушек чугунных на лафетах: двухфунтовых 1, однофунтовая 1.

Степная крепость. 1 комендант, 1 писарь. Троицкого батальона: 40 унтер-офицеров, капралов, рядовых, 4 бомбардира и учеников, 32 казака, 33 отставных разных чинов; всего 171 чел. Пушек чугунных на лафетах в бастионах: трехфунтовых 4, однофунтовая походная 1.

Индымский редут. Троицкого батальона: один унтер-офицер и 13 солдат, 2 канонирских ученика, 10 казаков,

10 башкир; всего 35 чел. Пушек чугунных на лафетах: трехфунтовых 1, двухфунтовых 1.

Петропавловская крепость. 1 комендант, 1 писарь. Троицкого батальона: 44 унтер-офицеров, капралов, рядовых, 4 канонира, 34 казака, 35 башкир, 32 отставных разных чинов; всего 171 чел. Пушек чугунных на лафетах: трехфунтовых 4, однофунтовая походная 1[1].

Распределение войск по другим дистанциям было приблизительно одинаковое с приведенной Троицкой дистанцией. Число всех людей, считавшихся в составе регулярных и иррегулярных войск, колебалось по дистанциям от 1300 до 1400 человек; за исключением же из состава этих войск иррегулярных, на стойкость которых нельзя было полагаться, а также польских конфедератов, число всех регулярных войск на каждой дистанции, на протяжении до 200 верст по линии, не превышало 550 человек, имея на своей обязанности защиту четырех крепостей и четырех редутов.

Подобно тому, как генерал Деколонг поспешил оказать помощь Оренбургской линии, так и Сибирский губернатор Чичерин немедленно сделал распоряжение об отправлении войск из Тобольска к Оренбургу.

17 октября 1773 года Чичерин писал генералу Деколонгу: «Вторая губернская и две резервные роты под командою секунд-майора Заева на границу Оренбургской губернии отправлены, которые, по получении известий, через двенадцать часов действительно выступили, и при них три орудия и артиллерия. Приготовлены еще Первая губернская рота и две резервные, которые также, по получении чего важного,

[1] Д. № 134. Рапорт де Фейервара генералу Деколонгу 24 октября 1773 г. «Коликое число Троицкой дистанции в крепостях и редутах регулярных и иррегулярных команд, также пушек, служителей».

через два часа выступят; а при них, как обстоятельства будут, я и сам в готовности»[1].

При этом Чичерин уведомлял, что более у него нет в распоряжении ни одного орудия, прося о высылке из Петропавловской крепости на дорогу по его маршруту, в случае его движения, 3-х орудий с подлежащим числом служителей и зарядов.

Предположение о своем выступлении в поход Чичерин не мог, однако, осуществить по причине возникших беспорядков в Тобольске. Поэтому 27 октября он писал генералу Деколонгу: «Искра пламя и здесь блеснула, что и меня здесь удержало, третий день старался оную утушить; слава Богу, что рано захватили. Большая часть отставшихся здесь рот состоит из поляков, которых командировать надежды нет, а больше от них вреда ожидать, как уже в самом деле в Оренбурге открылось»[2].

Причина эта заключалась в том, что в Тобольске был пойман беглый с Сибирской линии, из крепости Полуденной, бывший в казачьей службе, ссыльный из запорожских казаков Василий Гноенко, «который по расспросам показал о соглашении с бывшими на линии казаками из запорожцев к измене и что он с линии бежал, дабы подговорить к тому других из таковых же казаков, присланных за вины и содержащихся под стражей в Тобольске».

Командированные в помощь Оренбургской линии военные команды из Тобольска и с Сибирской пограничной линии двигались весьма успешно: команда секунд-майора Заева 29 октября уже была в Челябинске, где, переночевав,

---

[1] Д. № 134. Письмо Чичерина к генералу Деколонгу 17 октября 1773 г.

[2] Д. № 134. Письмо Чичерина к генералу Деколонгу 27 октября 1773 г.

30-го выступила к Оренбургской линии; генерал-майор Станиславский с своей командою уже 3 ноября был в Верхнеяицкой крепости. Между тем сформированные на Оренбургской линии команды для оказания помощи Оренбургу медлили в своем движении, несмотря на обращения о присылке помощи командира Озерной крепости бригадира Корфа и на ордер генерала Рейнсдорпа дистанционным комендантам (ордер 29 октября 1773 года) об оказании скорейшей помощи Корфу при первом его требовании[1]. В особенности обнаруживал бездействие комендант Верхнеяицкой крепости Ступишин; почему генерал Деколонг, командируя генерала Станиславского в Верхнеяицкую крепость, поручал ему дознать истинные причины такого бездействия. Однако и генерал Станиславский не мог повлиять на улучшение положения дел, почему и доносил генералу Деколонгу: «На все вопросы мои: каковы обстоятельства, отобрать ответа не мог, комендант отговаривался многоделием и бессонницею. Я оставил ему одну на успокоение, уповая, что поутру воздухом прочистится, но и сию минуту было то же. Так как здешняя крепость важна для нынешнего обстоятельства, по моему слабому мнению рассуждаю, присутствие особы вашей кажется весьма не безнадежно»[2].

Распоряжение генерала Деколонга и принимаемые им меры к умиротворению замешательств в Оренбургском крае не встретили сочувствия Оренбургского губернатора Рейнсдорпа, который, как только узнал о движении войск с Сибирской линии, писал генералу Деколонгу, оговари-

[1] Д. № 134. Ордер генерала Рейнсдорпа 19 октября 1773 г. «состоящим Верхнеяицких и Уйских крепостей господам дистанционным и крепостным комендантам».

[2] Д. № 134. Донесение генерала Станиславского генералу Деколонгу 4 ноября 1773 г. Крепость Верхнеяицкая.

ваясь, что он не предварял его о событиях во вверенном ему крае на том основании, «что не думал, чтобы злодейства плута Пугачева столь расширились, и мнил здешними войсками разрешить. Однако на милость Божию уповая, как скоро здешние силы соберутся, так над ними злодеями атаку учиню. Но как от Троицкой дистанции коменданта де Фейервара уведомлен, что по требованиям его и со стороны вашего превосходительства, при господине генерал-майоре Станиславском, две полевые команды в секурс сюда отправлены, то в рассуждение сего ему де Фейервару предложил, по причине продолжающегося в башкирском и киргиз-кайсацком народах колебания, до усмотрения здешних обстоятельств, оные команды сдержать и расположить для охранения линии, одну на Уйской, а другую на Орской дистанциях»[1].

Узнав же, что Верхнеяицкий комендант полковник Ступишин предназначался де Фейерваром в главные начальники сформированных им команд, генерал Рейнсдорп ордером дал знать Ступишину, «что как для поимки известного государственного злодея Пугачева воинских сил собрано в Оренбурге уже немало, при которых и предводителей находится достаточно, то вашему высокородию от своего места отлучаться не для чего». Такие распоряжения генерала Рейнсдорпа, явно указывавшие на нежелание его допустить в деле усмирения волнений посторонних самостоятельных действий, направленных к восстановлению спокойствия, дабы тем как бы оставить за собою одним славу подавления мятежа, естественно, не могли оставаться без влияния на дальнейший ход событий, давая тем возможность бунтов-

[1] Д. № 134. Отношение Рейнсдорпа к генералу Деколонгу 27 октября 1773 г.

щикам все более и более расширять поле своей преступной деятельности.

Только в первых числах ноября команды, сформированные на Оренбургской линии, прибыли из Верхнеяицкой крепости в Озерную, причем, однако, из состава иррегулярных войск, команд секунд-майора Демидова и капитана Дубинина, 469 человек башкир бежало, дойдя до Ильинской крепости. Поэтому комендант Озерной крепости бригадир Корф мог выступить 8 числа ноября к Оренбургу всего в составе 2404 человек, в том числе регулярных 1395 и иррегулярных 1009 человек[1].

Волнение стало распространяться и на расположенные в Оренбургской губернии заводы чрез посредство подосланных мятежниками лиц. 26 октября, как доносил Верхнеяицкому коменданту Ступишину Янов, управляющий Белорецким заводом Мясниковых и Твердышевых, «крестьянин Матвеев с другими лицами, в том числе и прежде бывший выборный, привезли с собою указ называемого третьего императора; и как в то время для расчета при конторе было много заводских крестьян, Матвеев, подойдя к конторе, закричал: слушайте третьего императора указ! Прочтя этот мнимый указ, спросил крестьян: будут ли они государю служить? На что все заводские крестьяне единогласно отвечали: готовы служить головами. Потом Матвеев приказал заводского прикащика и конторщика схватить, почему крестьяне этих лиц сковали и посадили под караул, а затем по приказанию же Матвеева прекратили заводские работы и подожгли завод, порешив идти в службу к третьему императору».

[1] Д. № 134. Донесение Корфа генералу Деколонгу 8 ноября 1773 г.

Предъявленный крестьянам Белорецкого завода указ был нижеследующего содержания:

САМОДЕРЖАВНОГО ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ФЕДОРОВИЧА ВСЕРОССИЙСКАГО и прочая, и прочая, и прочая.

«Сей мой именной указ в завод Михаилу Осипову, Давыду Федорову и всему миру мое имянное повеление: как деды и отцы ваши служили предкам моим, так и вы послужите мне великому государю верно, неизменно, до капли своея крови исполняйте мои повеления; исправьте вы мне, великому государю, два мортира и с бомбами и со скорым поспешением ко мне представьте, за что будете жалованы крестом и бородою, рекою и землею, травами и морями, и денежным жалованьем, и хлебным провиантом, и свинцом, и порохом и вечною вольностью. И повеления мои исполняйте с усердием, ко мне приезжайте, то совершенно меня за оное приобретя можете и себе монаршескую милость. И если вы моему указу противиться будете, то вскорости восчувствуете над собою праведен мой гнев и власти Всевышняго Создателя нашего избегнуть не можете. Никто вас от сильные нашея руки защитить не может. 1773 г. октября 17 дня»[1].

Почти одновременно с крестьянами Белорецкого завода стали волноваться и заводские крестьяне Новоникольского завода, принадлежавшего Мосолову, откуда бежавший от преследования крестьян заводский приказчик привез с собой коменданту Озерной крепости указ Пугачева:

[1] Д. № 134. Рапорт Ступишина генералу Деколонгу 20 октября 1773 г.

САМОДЕРЖАВНОГО ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ФЕДОРОВИЧА ВСЕРОССИЙСКАГО и прочая, и прочая, и прочая.

«Дан мой именной указ в завод Новоникольский медеплавильной Назару Сорокину с командою: взять в крепости пушки и ядры и свинец и порох. И великого государя приказ поспешить тебе скорым поспешением. Да никто тебя Сорокина с командою не обидит и брать яму подводы, сколько Назару Сорокину потреба; а кто же Сорокина с командою обидит, тот приемлет от великого государя гнев. 1773 г. октября 22 числа»[1].

Для защиты заводов от вторжения в них мятежников, а также для приведения заводских крестьян в повиновение Верхнеяицким комендантом Ступишиным сформированы были три команды из башкир и мещеряков: 1-я в 129 человек, под начальством подпоручика Козловского; 2-я в 200 человек — прапорщика Кандалинцева; 3-я в 312 человек — прапорщика Гагарина.

Командированная в Белорецкий завод команда Козловского, несмотря на незначительность ее состава по сравнению с населенностью завода, в котором числилось на работах 810 человек, вскоре водворила порядок, и все заводские крестьяне местным священником приведены были к присяге, «обязуюсь не верить обнадеживанию и воровскому ласкательству, каковые самозванец выражает в своем присланном воровском указе; а где той партии кто окажется, — имать и представлять для учинения с ними по законам в Верхнеяицкую крепость, за надлежащим караулом»[2].

---

[1] Д. № 134. Рапорт де-Марина генералу Деколонгу 10 ноября 1773 г.

[2] Д. № 134. Донесение Ступишина генералу Деколонгу 2 ноября 1773 г.

Волнения среди заводских крестьян стали проявляться и в средней части Урала, почему Сибирским губернатором Чичериным послано было 500 казаков, под командою секунд-майора Чубарова, к Екатеринбургу для защиты там находящихся заводов с тем, чтобы эта команда состояла в распоряжении полковника Бибикова, управлявшего Уральскими заводами.

Мнение генерала Рейнсдорпа о том, что при соединении местных военных сил он будет в состоянии подавить начавшийся мятеж и потому не нуждается в помощи войск, расположенных вне района подведомственной его управлению территории, не разделялось Сибирскими властями, имевшими сведения о незначительности состава регулярных войск в Оренбургском крае и не доверявших стойкости казаков и инородческого населения.

Придерживаясь приведенного мнения, Сибирский губернатор Чичерин, озабочиваясь оказать помощь самому Оренбургу, писал генералу Деколонгу: «Усматривая из дошедших до меня сведений, что злодей с пятью тысячами человек стоит под Оренбургом и что на отражение и истребление оной толпы в Оренбурге регулярных войск столько быть не может, казаки же ненадежны, потому приемлю представить вашему превосходительству свое мнение: Сибирской линии регулярным командам и отправленным от меня ротам подлежит отправиться к Оренбургу, а на дистанциях к Оренбургу оставить иррегулярные войска, к которым в прибавок поступят и отправленные из Тобольска рекруты, коих, как скоро первые приняты были, определил я, раздав ружья и ледунки и порох и стал обучать, и так наконец достигнули они, что весьма хорошо экзерцированы, пальбе обучены и в должном послушании командирам во всей должности солдатской приучены. Словом, на сей нуж-

ный случай можно определить их к предосторожности по линии. Из них две роты с ружьями, ледунками и с патронами на два комплекта отправляются и завтра выступят. При каждой роте по два обер-офицера и два сержанта, по два капрала и по восьми человек рядовых солдат. Следовать будут трактом через Картамышскую слободу на Крутоярскую крепость на подводах»[1].

Совершенно разделяя мнения Чичерина как в отношении необходимости усиления гарнизонными войсками сил, сосредоточенных в Оренбурге, так и в отношении организации защиты пограничной линии, генерал Деколонг, еще до получения приведенного уведомления торопил и настоятельно следил за успешным движением отправленных команд к Оренбургу. Командированный распоряжением генерала Деколонга генерал-майор Станиславский с 14-й легкой полевой командой и отрядом казаков 21 ноября 1773 года был уже в Орской крепости, куда 23 числа прибыли и Тобольские три роты под командой секунд-майора Заева.

На другой же день прибытия Заев со всей своей командой, по распоряжению генерала Станиславского, отправлен был к крепости Озерной, так как от командовавшего в крепости Ильинской поручика Лопатина получено было донесение, что в ночь на 23 число близ Озерной крепости происходила пушечная пальба, которая слышна была в Ильинской крепости, и «что хотя он, поручик Лопатин, с своею командою предосторожность и взял, но в этой крепости всего одна полуфунтовая пушка и с нею против неприятеля упорствовать не можно».

---

[1] Д. № 134. Отношение Чичерина к генералу Деколонгу от 21 ноября 1773 г.

Ввиду полученных сведений секунд-майору Заеву вменено было, по приходе в Ильинскую крепость, с командою следовать в Озерную прямым путем или степной дорогой. При этом к команде Заева, за неимением при ней никаких легких войск, генералом Станиславским прикомандирована была конная казачья команда в количестве 51 человека из Оренбургских и Исетских казаков при старшинах и под главным начальством капитана Преволоцкого. Для авангардных нарядов, а также для осмотра в ущелистых местах при переходе через Губерлинские горы скрытых мятежников командировано было к команде Заева еще 40 исетских казаков при одном старшине.

Вскоре по выступлении команды Заева из Орской крепости генерал Станиславский получил известие от полковника де-Марина, исправлявшего обязанности коменданта Озерной крепости, что в 23 число ноября до свету Озерная крепость была атакована злодейскою партиею, причем до самого вечера продолжалась пушечная пальба, но злодеи были отогнаны. Имея в виду, чтобы злодейские партии, по неудачной блокаде Озерной крепости, как бы не обратились на самую слабейшую Ильинскую, из которой артиллерия выведена в Озерную и в которой осталось всего одна пушка с 30 зарядами, с небольшим числом военной команды, генерал Станиславский дал знать находившемуся еще в пути к Ильинской крепости секунд-майору Заеву, чтобы он по приходе в эту крепость находился в оборонительном положении.

По произведенным по поручению генерала Станиславского разведкам нападавшая на Озерную крепость изменническая сбродная толпа заключала более 1000 русских конных людей, многие были без седел, вместо войлока у многих

была рогожка; сколько же было у этой толпы пушек, осталось недознанным[1].

Защитность крепостей Оренбургской линии, делавшихся театром мятежнических нападений, в которых находились только что присланные сформированные команды из северных частей этой линии и в которые должны были вступить войска, присланные из Тобольска и с Сибирской линии, представлялась в нижеследующем виде:

Крепость Губерлинская: регулярных 17, иррегулярных 40, из того числа башкир 14; пушек 4. Крепость Ильинская: регулярных 22, иррегулярных 39, пушек 4. Крепость Озерная: регулярных 508, иррегулярных 351.

В числе регулярных значилось: 1) казаков Озернинских 39, 2) башкир 51; 3) мещеряков 18; 4) Ставропольских калмык 71; 5) остальные иррегулярные войска состояли из казаков Уфимских и Сакмарских. В числе регулярных войск заключалась команда, присланная из Верхнеяицка под начальством майора Шпанского, в количестве 122 человек, пушек 19[2].

ГЛАВА II

Объявление Сибирского губернатора Чичерина о наказании лиц, признанных виновниками смут в Тобольске. — Показания казака Гноенко. — Восстание башкир. — Усиление войсками пограничных линий. — Уведомление Сибирского губернатора Чичерина о замыслах польских конфедератов

[1] Д. № 134. Рапорт Станиславского генералу Деколонгу 25 ноября 1773 г. Крепость Орская.

[2] Д. № 134. «Выметка: коликое число в крепости Озерной и дистанции оной в крепостях же Ильинской и Губерлинской состоит регулярных и нерегулярных чинов, тож артиллерии, припасов, провианта и фуража».

в Тобольске. — Нападение Пугачева на Ильинскую крепость. — Печальная участь команды секунд-майора Заева. — Отступление отряда генерала Станиславского.

26 ноября 1773 года Сибирский губернатор Чичерин сообщал из Тобольска генералу Деколонгу: «У нас все благополучно, здешнее смятение прекращено и виновные жесточайше наказаны; этим вся молва пустая и вредная пресеклась»[1]. Насколько действительно жестоко было то наказание, которым подвергнуты были виновные в тобольских смутах, видно из объявления, разосланного Чичериным в разные местности Сибири для всеобщего сведения. Приводим дословно это интересное объявление, характеризующее эпоху:

«От генерала-порутчика, лейб-гвардии премьер-майора, Сибирского губернатора Чичерина.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Появившийся в Астраханской губернии преступник и злодей, бежавший из Нерчинска с каторги, бывший разбойнический атаман, пойманный посыланною из Тобольска военною командою в Верхотурье, Григорий Рябов, злодейский яд свой распространяя в те места, наименовал себя императором Петром Третьим, начал собирать партию таковых же злодеев; однакож тамо верноподданными Ея Императорского Величества, не имея никаких военных команд к тому во употребление, собственно сами собою крестьяне как того злодея, так и сообщников его поймав, представили команде, за что они отменно Высочайшею милостию Ея Императорского Величества и награждены; из которых означенный злодей отправлен в Москву, а сообщники его расстрига

[1] Д. № 134.

Никифор Григорьев, донские казаки Степан Певцов, Иван Серединин, которые хотя и заслужили за их преступление смертную казнь, но Ея Императорское Величество из Высочайшего своего материнского милосердия изволила от того их освободить, уповая, что они приидут в раскаяние, но, напротив, они — распопа Григорьев, Певцов и Серединин, не только в раскаяние не пришли, а услыша, будучи уже ведены, что вместо их самозванца Рябова явился в Оренбургской губернии таковой же злодей бывший донской казак Емельян Пугачев, который так же, как и прежний, называя себя Петром третьим, начал собирать изменническую злодейскую партию, то и сии прежние изменники, распопа Григорьев, Певцов и Серединин, невзирая на Высочайшее Ея Императорского Величества о них милосердие и пожалование животом, отважились не только дорогою всех жителей уверить об означенном самозванце, но и в Тобольске о том разглашать.

2-е. Беглый с линии, сосланный туда за преступление с наказанием, малороссиянин Василий Гноенко отважился там всякого народу людей, однакож самых подлых, каторжных, содержащихся в остроге и работах, в сию злодейскую партию подговаривать и в Сибирской губернии сделать возмущение, уверяя также о сем самозванце, к которому и пристали бывшие солдаты Федор Сорокин, Данило Долотов, которые и прежде за таковые же преступления присланы в ссылку в Тобольск были.

Всем оным определено учинить следующее наказание: начав у острога, по всем переулкам сечь кнутом и, вырвав обои ноздри, сослать в Нерчинск, вечно в ссылку, с таковым при том повелением, чтобы во всяком от Тобольска городе чинить им наказания и кнутом же, что им в Тобольске 1-го числа ноября учинено.

Я не сумневаюсь, что верноподданные Ея Императорского Величества в Сибирской губернии всякого звания люди из сего явно увидят, что сие злодейское собрание состоит единственно из каторжных злодеев; следственно, ни один честный человек не только пристать и поверить тому не может, а напротив, всякий по своей присяжной должности не оставит стараться о таковых зловредных разглашениях разведывать и сих злодеев или поймать, или оных объявить, так как верная присяга от каждого требует, за что и ожидать Высочайшей Ея Императорского Величества милости. Ноября 5 дня 1773 года. Денис Чичерин».

Жестокая программа, естественно, не могла быть выполнена во всей полноте: люди, присужденные к наказанию, не вынесли даже и той доли истязаний, которые им определены были в Тобольске. Все перечисленные в объявлении лица умерли под ударами кнута в Тобольске. По-видимому, никакого расследования о преступном разглашении сведений о Пугачеве сообщниками Рябова — Григорьевым, Певцовым и Середининым не производилось и потому осталось неизвестным: кому именно и в каком виде эти лица производили то разглашение, в котором они обвинялись.

Сибирскому губернатору Чичерину нужны были жертвы для выполнения над ними такой казни, которая устрашила бы население, полагая этими мерами восстановить спокойствие. Поэтому при поимке в Тобольске бежавшего с Иртышской линии казака Гноенко, заподозренного в соучастии с Яицкими казаками, Чичериным определены были к казни и такие лица, от которых можно было ожидать выражения сочувствия самозванцу.

Казак Гноенко задержан был 25 октября 1773 года в Тобольске, близ острога, вооруженный ружьем и пистолетом.

При допросе дал следующее показание: «Побег учинил назад тому месяца с полтора с Иртышской линии крепости Полуденной, где находился в казачьей службе, оттого что обще с казаком же Данилою Гриченим убили идущих их дорогою двух киргизцев и ограбили у них двух лошадей, два котла с таганом, два волка, с намерением пробраться в Тобольск и подговорить находящихся в Тобольске из запорожцев казаков и бежать в Яицкое войско. Для того он имел согласие с находящимися, с таковыми же казаками, Шпагом, Федором Горновениным, Степаном Горновениным, Сидором Даниловым, которые уже у Яицких казаков были и каковые, по отлучке к тем казакам, и ныне находятся в бегах. А заводчик этому запорожец Григорий Рот, который остался в Плоском редуте. То намерение они начали сего году летним временем. По прибытии в Тобольск с имеющим у него одним казенным пистолетом пристал к живущей на загородном архиерейском доме малороссийке Пелагее, а чья дочь не знает, по знакомству такому, что он Гноенко, будучи в Тобольске в казенной работе, к ней хаживал, где и ночевал три ночи, а что он беглый о том ен не сказывал, да в городе у казака Кудрина, у присыльного Ивана Горева, у расстриги Степана Никитина, у присыльного Панфила, а чей прозывается не знает, по одной ночи ночевал, объявляя о себе, яко бы он с линии в Тобольск приехал за препровождением поляков.

Затем был из малороссиян у казаков Голубя и Ермолаева и подговаривал бежать и пробраться к Яицким казакам и сообща с ними учинить измену и воевать, кои к тому были согласны. Будучи же в Тобольске, хаживал на квартиры к сержанту Родичеву, гусару Никите Коробченину, у коего одну ночь ночевал. У сержанта Родичева, купя на собственные свои деньги вина, обще оное пили, у коего он и плащ казенный унес. К острогу он ходил двукратно, по посылке

казака Голубя, для того, чтобы вызвать присланных Яицких казаков на рынок для подговорения к побегу. Однако, по не отпуску, они на рынке не были и просили, чтобы оный Голубь пришел к ним к острогу сам, кои речи он, Гноенко, ему и пересказывал; а был ли тот Голубь у острога и с ними виделся ль, — он не знает. Взятое же у него, Гноенко, ружье он украл у находящегося в Тобольске на своем пропитании малороссиянина, а как зовут и чей называется — не знает, только квартиру указать может. А всего куплено было на тринадцать коп. двадцать патронов, а деньги он употребил из вырученных за проданную лошадь. Да виделся на рынке с распопом Бабичем, который был за караулом одного из поляков казака и имел по подговору его Гноенко согласие учинить общее с ним»[1].

Это показание, которым оговаривались в соучастии и многие лица как в Тобольске, так и в особенности на Иртышской линии казаки, было проверено уже много времени по совершении казни.

Личность Гноенко произведенным расследованием, первоначально комендантом Петропавловской крепости бригадиром Сумароковым, а затем комендантом Омской крепости бригадиром Клавером, была установлена согласно показаний, данных им при задержании; обвинения же его в соучастии с ним других казаков с Иртышской линии было совершенно отвергнуто этими казаками, также установлена была ложность его показания относительно бытности в бегах на Яик казаков, им оговоренных в единомыслии с ним.

Совершенная казнь не прекратила смятения: население Сибири находилось в страхе, ожидая нашествия самозван-

[1] Д. № 132. Отношение Чичерина генералу Деколонгу 30 ноября 1773 г. Показание Гноенко.

ца. 10 ноября 1775 года комендант Верхнеяицкой дистанции Ступишин донес Чичерину, «что пойманные близ Белорецкого завода беглые из толпы изменника Пугачева Белорецкие же крестьяне по допросам их показали, что злодей намерен с своими сообщниками от Оренбурга идти, по нынешнему времени, для стоянки в Тобольск или в Яицкий городок, так как все люди в его толпе находятся от холода и голода в истощенных силах»[1].

В то же время воевода Исетской провинции Веревкин донес генералу Деколонгу, что медные заводы Мясниковых и Твердышевых — Богоявленский, Преображенский, Архангельский и Воскресенский — злодейскою толпою уже захвачены и все заводские жители присягнули злодею; в той же опасности находятся и другие заводы той же компании, а также заводы Лугинина — Троицкий и Саткинский[2].

Башкиры большими толпами разъезжали с целью грабежа русских сел и заводов, почему Уфимская провинциальная канцелярия, от 26 ноября 1773 года, описывая стесненное положение города Уфы, окруженного толпами башкир, грабящих пригородные русские селения и не дающих проезда к городу, муча и умерщвляя жителей, просила у Исетского воеводы помощи.

Этой помощи, однако, воевода Веревкин оказать не мог, так как и город Челябинск, место его резиденции, находился в одинаковых условиях с Уфою и других войск кроме башкир, уже в значительной своей части передавшихся на сторону бунтовщиков, он в своем распоряжении не имел; почему обращение о помощи Уфимской провинциальной кан-

---

[1] Д. № 132. Отношение Чичерина к генералу Деколонгу 10 декабря 1773 г.

[2] Д. № 132. Донесение Веревкина генералу Деколонгу 18 ноября 1773 г.

целярии было представлено воеводою Веревкиным на распоряжение генерала Деколонга и Сибирского губернатора Чичерина[1].

Появление башкирских полчищ, передавшихся на сторону самозванца, вынудило генерала Деколонга, ордерами от 1 и 7 декабря 1773 года, предложить командовавшему войсками на Сибирской линии генералу Скалону иметь бдительное наблюдение за состоящими в войсках по линии башкирами, которых насчитывалось до 1000 человек; в особенности обращалось внимание на башкир, находившихся в Тобольской, Ишимской и Тарской дистанциях, «которые взбунтовавшись могут разбежаться в свои жительства и удержать их от сего на местах нет никаких сил, а потому, в предупреждение сих неполезностей», генерал Деколонг просил Сибирского губернатора Чичерина командировать из ближайших дистриктов до 600 казаков с их старшинами для размещения их от Пресногорьковской крепости до Омской[2].

«Башкирцами воровски немало народу побито, — писал Деколонг из Верхнеяицкой крепости, — явным образом на крепость нападают, редуты совсем разоряют и огнем истребляют, со всех сторон пресекли коммуникацию, словом, всей Оренбургской губернии башкирской народ генерально взбунтовался и сущим неприятелем сделался, так что уже по нестерпимости принужден был я с ними здесь иметь небольшое сражение. Потому теперь вся линия подвержена ежеминутной опасности и по сим же обстоятельством на Сибирских линиях башкирцы остаются сомнительны».

---

[1] Д. № 132. Донесение Веревкина генералу Деколонгу 5 декабря 1773 г.

[2] Д. № 33. Ордера господина генерал-порутчика Деколонга во время внутреннего замешательства 1773—1774 гг.

При этом Деколонг выражал опасение, чтобы и киргизы не поколебались в своей верности, и потому предписывал «всем воинским командам, на линии расположенным, стоять готовыми к действию против неприятеля, посылать не малолюдные разъезды по утру, а с вечера и конвой посылать с заряженными ружьями и во всем воинском ополчении». Земляные укрепления в крепостях, по всей Сибирской линии, предлагалось всюду привести в порядок и в оборонительное состояние, «пушек с их снарядами, имея также во всякой исправности, поставить в надлежащих местах на батареях и, одним словом, не дремать и всегда наблюдать безопасность».

Для увеличения военных сил, находившихся в его распоряжении на Оренбургской линии, генерал Деколонг поручал генералу Скалону немедленно командировать из состоящей в Омской крепости полевой артиллерии шесть орудий со всеми положенными по штату запасными снарядами, со служителями, и притом «таких орудий, которые для полевой атаки и разбития неприятеля способнее». Также сделано было распоряжение о командировании на Оренбургскую линию 2-й легкой полевой команды. Неудовлетворительное состояние Оренбургской линии, о подкреплении которой военными силами озабочивался генерал Деколонг, удостоверялось и генералом Станиславским, который в конце ноября 1773 года из Орской крепости доносил генералу Деколонгу, находившемуся в Верхнеяицкой крепости, что линия Оренбургская во внутреннем и внешнем состоянии весьма слаба[1].

На обращение о присылке войск в помощь на пограничные линии Сибирский губернатор Чичерин (30 ноября 1773 года)

[1] Д. № 132. Донесение Станиславского генералу Деколонгу 27 ноября 1773 г. Крепость Орская.

уведомил генерала Деколонга, что в его распоряжении осталась только одна первая рота в 400 солдат, в составе которых значительное число конфедератов, но «на них, однако, никакой надежды положить не можно, как и в Оренбурге, где оные от службы отказываются, бегут к злодеям. Эти конфедераты из злейших продерзателей, некоторые начали в Тобольске не только разглашать, но и всех явно уверять о злодее и даже с такою дерзостью, что, подходя к острогу, где содержатся пересланные за возмущение из Оренбурга Яицкие казаки, числом более 300 человек, подавали милостыню о здравии злодея самозванца. Сии возмутители все переловлены, и публичное наказание учинено и тем смятение пресеклось»[1].

25 ноября полчище Пугачева подступило к Ильинской крепости[2], в которой находился секунд-майор Заев с командою, доносивший генералу Станиславскому: «Ожидаю от вашего превосходительства секурса: злодей сего числа в полдень крепость Ильинскую взял в блокаду, для того покорно прошу — не возможно ли учинить секурс, ибо оный имея силу превосходит, по-видимому, тысяч до двух и с артиллериею. Секунд-майор Ефрем Заев»[3].

Это было последнее обращение Заева об оказании помощи: 29 ноября Ильинская крепость была взята Пугачевым, причем значительная часть войск, в ней расположенных, была уничтожена.

---

[1] Д. № 132. Отношение Чичерина к генералу Деколонгу 30 ноября 1772 г.

[2] Д. № 132. Рапорт Станиславского генералу Деколонгу 29 ноября 1773 г. Крепость Губерлинская.

[3] Ильинская крепость по составленному в 1773 г. краткому описанию капитаном Андреевым, командированным по линии генералом Деколонгом, состояла всего из 30 казенных и частных домов, от крепости вверх по реке Яику татарская деревня в 30 дворов и около башкирская деревня. Д. № 134, 1773 г.

Из донесения генерала Станиславского генералу Деколонгу (рапорт 3 декабря 1773 года, № 276), а также из произведенных расследований и показаний лиц, участвовавших при взятии и обороне Ильинской крепости, выяснилось, что падение этой крепости и уничтожение только что вступивших в нее войск произошло при нижеследующих обстоятельствах:

Согласно данных предписаний, генерал Станиславский с 14-ю легкою полевою командою прибыл 21 числа ноября в Орскую крепость, куда прибыл тоже 22 числа ноября и секунд-майор Заев с ротами губернскою и двумя батальонными мушкетерскими. Все эти войска предназначались в защите крепостей Орской, Губерлинской и Ильинской. Полевая команда должна была быть размещена по квартирам в Орске, а губернская и мушкетерские роты должны были занять крепости Губерлинскую и Ильинскую.

Получив сведения от исправлявшего должность коменданта Озерной крепости полковника де-Марина о движении к Озерной крепости башкирских и яицких войск, собравшихся за рекою Сакмарою, генерал Станиславский 23 числа ноября командировал к Озерной крепости секунд-майора Заева с тремя ротами, всего в составе 406 человек[1], с придачею казаков для авангарда, флангов и арьергарда, в количестве 91 человека, под командою капитана Преволоцкого. В ночь

[1] Д. № 132. Рапорт генерала Станиславского генералу Деколонгу 1 декабря 1773 года, крепость Губерлинская. «Со скольким числом людей секунд-майор Заев из крепости Орской выступил. В Губернской роте: капитан 1, поручик 1, сержантов 4, капралов 4, фурьеров 1, каптенариус, 1, барабанщик 1, флейтщик 1, цирюльник 1, рядовых 115; всего 130. В двух горнизонных: капитанов 2, поручиков 2, подпоручиков 2, прапорщиков 2, сержантов 6, каптенариусов 2, фурьеров 2, капралов 8, барабанщиков 4, флейтщик 1, рядовых 220, лекарь 1, лекар. учен. 1; всего 276. Артиллерии 23.

на 27 число генерал Станиславский получил ордер от генерала Деколонга, которым ему предписывалось немедленно следовать с полевою командою и с казаками форсированным маршем к Озерной крепости к коменданту де-Марину. 27 числа 14-я полевая команда с ротою казаков, в количестве 75 человек, выступила из Орской крепости и дошла до редута Разбойного, где, однако, войска должны были остановиться вследствие сильного мороза и бурана.

Выступив в полдень 28 числа к Губерлинской крепости, генерал Станиславский оставил в этой крепости для отдыха весь свой обоз и с одной артиллерией двинулся к Подгорному редуту, откуда в скором времени, 29 ноября, на стороне к Ильинской крепости увидел зарево. Недоумевая, отчего происходит это зарево: от пожара ли в крепости Ильинской, зажженной злодейскою толпой, или от разведенных огней в стане бунтовщиков, генерал Станиславский не мог, однако, продолжать дальнейшего движения до вечера 30 числа вследствие сильного мороза и бурана. Посланный генералом Станиславским 30 числа, пятидесятник Бараков с несколькими казаками из запорожцев для осведомления о крепости Ильинской вскоре возвратился в Подгорный редут с известием о падении Ильинской крепости; тогда генерал Станиславский вновь распорядился о посылке сотника Шундеева и капрала Ситникова с десятью казаками для определения, в каком именно положении находится Ильинская крепость и что в ней осталось[1].

«Прибыв часов в 5 утра и декабря, — доносил сотник Шундеев, — в крепость Ильинскую, пристал он с казаками на одну квартиру, в которой нашли Тобольской роты тяжко из-

[1] Д. № 132. Рапорт генерала Станиславского генералу Деколонгу 3 декабря 1773 г. Крепость Губерлинская.

раненных солдат человек двадцать пять. Эти люди стали нас опрашивать, на что мы им и ответили, что приехали с злодейской толпой. И побыв у тех людей с час, пошли к священнику, которого насилу добудились; он впустил нас к себе в избу и на вопрос мой показал, что подлинно крепость разбита весьма превосходною силою. Майор Заев убит, коего и тело мне в то же время он, священник, показывал, и видел, что лежит у ворот его квартиры, где он, майор, стоял, а прочие офицеры, сказал он мне, якобы все увезены. Более ничего от священника не слыхал да и мертвых побитых тел не видал, по причине, что их замело происходившим в эту ночь бураном»[1].

Более определенные и точные данные как о движении и действиях злодейской толпы под Озерной крепостью, так и о подробностях защиты и падении Ильинской крепости, добыты были из показаний бежавших из злодейской толпы и приставших к отряду генерала Станиславского сотника Яицкого казака Ивана Белоносова и сотника Исетского казака Ивана Сутормина, также и из показаний приведенных в отряд генерала Станиславского из Ильинской крепости раненых Тобольской губернской роты фурьера Ивана Панова, Тобольской губернской роты гренадера Ивана Ахлестина и Тобольской гарнизонной роты капрала Ивана Кайгородова.

Ильинская крепость, по показаниям казаков Белоносова и Сутормина, взята была прежде партиею полковника Хлопуши, «а оный из ссыльных и ноздри у него рваные до самых хрящей»; «в толпе было тогда сот до пяти, пушек шесть». «Взявши крепость, Хлопуша всю команду ее приколол, поручика Лопатина на дороге изрубил, а также заколол на дороге двух женщин. Затем Хлопуша соединился с Пугачевым

[1] Д. № 132. Рапорт Исетского сотника Шундеева генералу Станиславскому 1 декабря 1773 г. Крепость Губерлинская.

под Озерной, где 26 ноября, под предводительством самого злодея, стояли с утра до вечера, но взять оную не могли. В это же число от Озерной злодей отступил в деревню башкирскую за 12 верст, где и ночевал две ночи. 28-го, услышав, что идет какой-то майор с командою, дабы захватить его на дороге, пошел с этою толпою; однако майора на дороге не застал, а нашел его в крепости Ильинской. В бытность в злодейской толпе слышали от самого злодея Пугачева, что он, по взятии Ильинской и Озерной крепостей, хочет идти на Берды, а затем зимовать в Яицком городке. Крепость Озерную взять намеревается, чтобы захватить казну, пушки, порох, а более для бригадира Корфа жены, которую, если возьмет, хочет повесить и живот ее весь ободрать в отместку за обиду, нанесенную ему Корфом через захват посланного им казака с его указами.

Сверх того, усиленно намеревается взять с войском следующего генерал-майора Станиславского. Пугачев роста среднего, волосы и борода черные, под правым глазом рубец, лицом бел, немного сухощав, платье на нем казацкое, шаровары малинового бархату, мерлушка черная, рубашка белая косой ворот, волосы обриты под кружало и немножко сверху спущены. Богу молится по-раскольнически. Грамоте не умеет, а находится при нем писарь из Яицких казаков, который указы пишет. Пугачев всегда на верховой лошади, имеет при себе оружие — два малые пистолета и саблю. Многие из Яицких казаков хотят тоже бежать от него, но опасаются напрасной смерти, потому что злодей вешает за самомалейшие вины. Со всех убитых людей, как с своих, так и с наших, он, злодей Пугачев, всю одежду приказывает снимать и на оных ничего не оставлять, и все те мертвые тела валяются без всякого прибору. В крепости Ильинской злодей оставил только одних женщин да священника, который приходил к нему в татарскую деревню с крестом, однако же злодей к тому

кресту не подошел и отослал священника в крепость. Довольствие Пугачев в войске своем производит только Яицким казакам, жалованье и одежду выдает из разграбленного имущества, лошадей отбирает у башкирцев косяками, также отбирает у них провиант. Из прочих же всяк довольствуется сам собою, что где разграбит. Только нашим казакам ничего еще не давал, обещает дать, как возьмет Оренбург»[1].

Нижние чины, бывшие в отряде Заева, дали следующие показания: «Из редута Подгорного отряд выступил 27 ноября поутру, шел с заряженными ружьями. В Ильинскую крепость пришел 27 же числа часа в три пополудни. По прибытии в крепость услыхали от обывателей, что командовавший крепостью поручик Лопатин, еще до прибытия нашего, злодейскою командою под начальством полковника, называемого Хлопушею, взят и по дороге на 10 версте от крепости изрублен. По прибытии в крепость расположились по квартирам, человек по двадцать на квартиру. Караул поставлен был при главной гауптвахте и четырех бастионах и при двух воротах. Имевшиеся при ротах пушки поставлены были на три бастиона, на четвертом же бастионе находилась полуфунтовая пушка. В сумерки 28-го злодейская толпа в небольшом числе, вооруженная копьями, стрелами и ружьями, стала разъезжать кругом крепости не в далеком от нее расстоянии, крича часовым и увещевая их не палить, не терять пороху, а чтобы все без всякого сопротивления из крепости вышли, ибо подступил к крепости государь[2]; другие

[1] Д. № 134. 1. «Вопросные пункты выбегшему из толпы изменника Емельяна Пугачева Исетскому сотнику Ивану Белоносову». 2. «Вопрос, учиненный выбегшему из толпы изменника Пугачева Исетскому сотнику Сутормину».

[2] Д. № 132. «Вопросные пункты 3 декабря 1773 г. привезенному из крепости Ильинской Тобольской гарнизонной роты раненому фурьеру Ивану Иванову сыну Панову».

же кричали, что государь Петр Федорович и сын его Павел Петрович здесь, он-де вас всех простит и пожалует[1]. На что с бастиона от часовых ответствовано: у нас в России есть Государыня Императрица Екатерина Алексеевна и Наследник Ея Государь Цесаревич и Великий Князь Павел Петрович; а кроме них никакого у нас в России государя нет. Затем секунд-майор Заев приказал с одного бастиона сделать выстрел, после чего вскоре злодейская толпа удалилась от крепости версты за две. Через полчаса злодейская толпа в 1500 чел. подошла к крепости со стороны дороги, позицией к Губерлинской крепости, и не доходя 100 сажен до бастиона залегла в лощине, затем выпалила в означенный бастион раз 10, на что и с бастиона также было выпалено столько же раз. Затем злодейская толпа вся отошла в татарскую деревню в полуторах верстах от крепости. 29 ноября по утру часов в десять Пугачев со всеми своими единомышленниками вновь подступил к крепости, везя впереди пять возов сена, а за оными две пушки, из которых и производилась пальба. Все свое внимание Пугачев обратил на тот бастион, на котором не было пушек. Увидя это, майор Заев приказал перевести на осаждаемый бастион 2 пушки, но злодеи этот бастион разрушили и, войдя в крепость, стали пришедших в замешательство солдат колоть. Во время схватки изрублен был саблями и исколот копьями секунд-майор Заев, из офицеров убиты капитаны — Палицын, Преволоцкий, поручики — Пивоваров, Абрамов и подпоручик Николин[2], лекарь Егерсон приколот копьями[3], нижних чинов убито до 200 человек. Казаки,

[1] Д. № 123. «Допрос 2 декабря Тобольской губернской второй роты гренадера Ивана Васильева сына Ахлестина».

[2] Д. № 132. Допрос Тобольской гарнизонной роты капрала Ивана Кайгородова: «Каким образом крепость Ильинская взята и с майором Заевым три роты побито, декабря 3 дня».

[3] Д. № 132. Показания Панова.

бывшие под командою Преволоцкого, во время нападения злодейской толпы были спешены и расставлены по бастионам между гарнизонными солдатами. Злодеи этих казаков не кололи и не били, а только говорили им: отчего-де вы к нам не вышли? На что казаки отвечали, что если бы из крепости стали выходить, то нас бы солдаты побили[1]. Вообще, как майор Заев, так и обер-офицеры и нижние гарнизонные чины усердно отбивались и никакого от них предательства не было; что же касается до бывших с капитаном Преволоцким казаков, то усердия у них к обороне не было, потому что по взятии крепости они с казаками Пугачевской партии дружелюбно разговаривали, в плен с солдатами казаков не забирали, лошадей и прочее от них не отбирали[2]. Гренадер Ахлестин слышал от своих товарищей, что будто бы некоторые гренадеры, а также и некоторые мушкетеры, а особливо польские конфедераты, просили майора Заева, чтобы он им дал лучших казачьих лошадей и выпустил бы их на вылазку против неприятеля; но майор Заев ответил им: «Раз вы хотите к нему злодею предаться, оставайтесь здесь и защищайте крепость»[3]. Капитаны Башарин, Камешков и прапорщик Воронов и оставшиеся нижние чины препровождены были из крепости в татарскую деревню. По приводе означенных лиц в деревню Пугачев приказал привести к себе капитана Камешкова и прапорщика Воронова, исправлявшего должность адъютанта, а также состоявшего при капитане Преволоцком сотника, фамилия неизвестная, и стал им говорить: «Для чего вы против меня, когда я ваш государь?» Получив ответ, что он бунтовщик-самозванец, Пугачев приказал всех этих лиц тотчас же повесить, которые и были повешены в

---

[1] Показания Панова.

[2] Показания Панова.

[3] Показания Ахлестина.

этой татарской деревне. Один из допрошенных свидетелей, а именно гренадер Ахлестин, видел капитана Камешкова и прапорщика Воронова незадолго перед казнью нагих, привязанными к артиллерийским ящикам»[1].

«Потом привели к Пугачеву капитана Башарина; с ним Пугачев ничего не говорил, а отдал только приказание повесить. Но бывшие тут Тобольской губернской роты солдаты, в числе 30 человек, стали просить Пугачева помиловать капитана, так как он для них был всегда добр и их солдатских нужд не оставлял. На эту просьбу Пугачев ответил: "Когда он был до вас добр, то я его от смерти прощаю"[2]. Затем велел капитану Башарину и всем солдатам остричь волосы по-казачьи, а всех раненых, которых было человек до 60, велел отвести в крепость Ильинскую. После того все пленные солдаты, приведенные в татарскую деревню, поставлены были против заряженного единорога. Когда выстроились, подъехавшие казаки приказали всем стать на колена против единорога; тогда подъехал сам Пугачев и сказал: "Прощаю вас, Бог с вами, государь Петр Федорович третий император". Потом приказал всем встать, а из единорога, обратя в степь, выпалить»[3].

«По взятии крепости, забрав всех пленных и навьючив на верблюдов, отнятых у бухарцев, бывших случайно в Ильинской крепости с караваном товаров, приобретенное имущество и военные трофеи, ружья, тесаки, того же 29 числа, в сумерки, Пугачев со всею своею толпою двинулся к Оренбургской стороне. Оставленным башкирам приказал татарскую деревню, в которой имел становище, сжечь, а раненых солдат из крепости Ильинской гнать за ним в степь. Однако

---

[1] Показания Ахлестина.
[2] Показания Панова.
[3] Там же.

по просьбе раненых он их оставил, сказав: "За вами скоро пришлю"».

Поспешный уход Пугачева от Ильинской крепости и принятое им направление к Оренбургу допрошенные лица объяснили слухами, ходившими среди злодейской толпы, о том, что Пугачевым получено будто бы было известие о поражении преданных ему войск под Оренбургом.

Приведенные с Оренбургского тракта башкиры уверяли при допросе, что они имеют от государя императора Петра Третьего указ, которым им велено всех проезжающих мимо из чиновных людей, «яко то капитанов, майоров, а особливо главнокомандующих, ловить и снимая с них платья отправлять связанными к нему, государю, к Оренбургу»; а сверх того приказано, ежели генерал-майор Станиславский поедет, то и его также поймать, «коему лучше сказать, чтобы он в те места с командою не ходил, ибо инако худо будет»[1].

Сообщая генералу Деколонгу подробности о печальной участи, постигшей отряд секунд-майора Заева, на успехи которого возлагал большие надежды Денис Иванович Чичерин, генерал-майор Станиславский находил видимую опасность дальнейшего движения к Озерной крепости с одною 14 полевою командою, при жестоких морозах и буранах в степи, где нет никакого прикрытия и хотя бы прутьев для обогревания изнеможенных солдат, а также где нет фуража, а потому, «не считая возможным противоборствовать, дерзновенно возвратился в Губерлинскую крепость[2]. Затем, сделав распоряжения о сосредоточении всего обоза в Орской крепости, генерал Станиславский стал дожидаться в этой крепости прихода 10-й легкой полевой команды, команди-

---

[1] Д. № 134. 1773 г.

[2] Д. № 132. Рапорт генерала Станиславского генералу Деколонгу 3 декабря 1773 г. № 276.

рованной генералом Деколонгом к Орску, под командою секунд-майора Зейферта, а также прихода Тобольской гарнизонной роты под командою капитана Иванова, испрашивая у генерала Деколонга «снабдить его повелением, что ему чинить», тем более что коммуникация с Озерной крепостью пресеклась. Для выяснения опасности своего положения генерал Станиславский сообщал, что Пугачев в каждом месте и в каждой крепости имеет шпионов и уведомляем о каждом движении военных команд. Как только майор Заев вступил в Ильинскую крепость, в то же время прискакали к Пугачеву в стан его вестовщики и объявили точно численный состав команды. «Разосланные башкирцы примечают и мои движения в Губерлинских горах, на высотах коих лазят как козы, и усмотреть за ними невозможно»!

ГЛАВА III

Причины неудачи первого столкновения Сибирских войск с мятежниками. — Увеличение области распространения мятежа. — Недостаток в боевых запасах и в продовольствии. — Предположение генерала Рейнсдорпа о направлении к Оренбургу отряда генерала Станиславского. — Получение генералом Деколонгом указа Военной коллегии, определяющего задачу его военных действий. — Распоряжения генерала Деколонга. — Мнения губернаторов Оренбургского и Сибирского о порядке направления военных действий. — Мероприятия Сибирского губернатора Чичерина относительно частной корреспонденции из мест военных действий. — Объявление Казанского губернатора фон Брандта о поимке Пугачева. — Распоряжения Сибирского губернатора Чичерина и генерала Деколонга о распространении объявления о поимке самозванца.

Неудача первого столкновения Сибирских войск с толпами мятежников, происшедшая вследствие малочисленности команды секунд-майора Заева, сравнительно с численным составом бунтовщиков, предводительствованных самим Пугачевым, объясняется и тем, что местность, в которой пришлось действовать команде, совершенно ей была неизвестна, да и разведочная часть, которая могла бы дать данные о движении неприятеля и его силах, вверявшаяся чинам из состава иррегулярных войск, настолько была плохо организована, что состояла в большинстве из людей, передававшихся на сторону мятежников.

В рапорте от 3 декабря[1] генерал Станиславский, излагая обстоятельства, при которых произошло падение Ильинской крепости, сообщал генералу Деколонгу, что посланный им 24 ноября к полковнику де-Марину с ордерами оренбургский казак капрал Татин, а также посланные из Губерлинской крепости 28 ноября озерские 4 казака с ордерами к секунд-майору Заеву, неизвестно где находятся, так как и по сие время еще не возвращались, несмотря на недальность расстояния; сержант же Балохонин, присланный от полковника де-Марина и обратно отправленный с известиями к нему и секунд-майору Заеву 25 числа, доехав до Разбойного редута, рапортом донес, что он отправленные с ним ордера, ехавши верхом, по причине неоднократного падения лошади, нечаянно из-за пазухи обронил. Посланный за сим вновь с дубликатами и с сопровождением казаков, как видно из донесения секунд-майора Заева, бежал с теми казаками, а куда — неизвестно.

Эта неудача не могла остаться без влияния на дальнейшее распространение мятежа, тем более что малочислен-

[1] Д. № 132. Рапорт генерала Станиславского генералу Деколонгу, от 3 декабря 1773 г. № 276.

ность регулярных войск, составлявших единственный оплот для администрации водворению спокойствия, делали районы целых обширных провинций беззащитными.

Количество приверженцев к мятежу среди башкирского населения с каждым днем увеличивалось, порождая опасения русского населения.

Челябинская ратуша, страшась нападения башкир, разоряющих русские поселения в Исетской провинции, сделав воззвание к своим посадским и цеховым жителям «о готовности к защите городя тем, у кого какие ружья есть» (10 декабря 1773 года), постановила просить генерала Деколонга об удержании в г. Челябинске 11-й полевой команды, предположенной к дальнейшему следованию к Оренбургу.

Исетский воевода Веревкин, находя положение Челябинска действительно опасным, признавал ходатайство граждан об оказании им защиты совершенно основательным и в «особенности необходимым для соблюдения высоких Ея Императорского Величества интересов, яко то денежной казны, которой ныне состоит в Челябинске около пятидесяти тысяч рублев. Да заготовленные для провинции соль, вино в провиантском магазине. Гостиный двор не менее как на полтораста тысяч рублев. Ежели оной воинской команды от вашего высокопревосходительства мне пожаловано не будет, то в таком случае неминуемой подвержен буду напасти, и ежели, отчего Боже сохрани, провинциальный город будет разорен, то уже вся Исетская провинция будет подвержена бедствию и всей погибели. Солдат у меня в городе только 20 человек, казаков 50, граждан, т.е. канцелярских служителей, посадских и отставных служилых до 200 человек.

Крестьян хотя и наряжено до 1000 человек из дальних слобод, но оные по днесь еще не бывали, да они же и без оружия. Хотя у немалого числа граждан и казаков винтовки

и есть, но они ноне, в морозливое время, к стрельбе совсем неспособны. Да и к большему несчастию нашему, пороху ружейного нисколько в городе нет, да и пушечного самое малое число; хотя мною, по открытии зла, от Екатеринбурга и многих линейных крепостей от командиров порох требован, но везде отказали; просил о присылке пороха из Тобольска его превосходительство господина генерал-поручика Сибирского губернатора Денис Ивановича Чичерина, токмо еще не прислано»[1].

---

[1] Указ Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийской из Исетской провинциальной канцелярии, следующей с Сибирской линии, первой на десять легкой полевой команды господину премьер-майору графу де-Кастро-Ласерда.

«Реченная провинциальная канцелярия, имея рассуждения, что сего числа отправленным с нарочным курьером к его высокопревосходительству господину генерал-порутчику и кавалеру Ивану Александровичу Деколонгу от статского советника Исетской провинции воеводы Веревкина доношением представлена крайняя здешнему городу от бунтующих воров башкирцев опасность и бедствие, ибо из полученных из разных мест рапортов открылось, что те воры башкирцы, лежащие к Оренбургу, почтовые дворы и состоящие отсель в семидесяти верстах две деревни сожгли, а людей разного звания и обоего пола в разных местах уже 91 человек до смерти побили, кроме уведенных из разных мест с заводов и рудников, и как от места там уже неподалеку от здешнего города Челябинска многие и целыми волостями вооруженно разъезжают и грабежи производят, и что здесь в городе воинской команды почти ничего нет, для того на защищение здешнего гор. Челябинска и высоких Ея Императорского Величества интересов от его высокопревосходительства прошено, чтобы его высокопревосходительство благоволил следующую с Сибирской линии первую на десять легкую полевую команду с артиллериею предоставить здесь, о чем от речевного господина статского советника Веревкина к господину премьер-майору графу де-Кастро-Ласерда ордером предложено. Того ради, по указу Ея Императорского Величества, в Исетской провинциальной канцелярии определено, в подтверждение данного от статского советника и воеводы вам ордеру еще дать от Исетской провинциальной канцелярии Ея Императорского Величества указ, в котором предписать, дабы вы благоволили, по крайней здешнему г. Челябинску опасности, от выступления из здешнего города с командою к Верхнеяицкой крепости, до получения

Для удержания проходящей команды в Челябинске провинциальная канцелярия послала указ на имя командира команды премьер-майора графа де-Кастро-Ласерда, прося его остаться на некоторое время в городе.

Башкиры не щадили в грабежах и разбоях казаков, производили нападение на редуты и крепости, охраняемые казаками, почему атаман уйских казаков Кашигин, ввиду неоднократного нападения на Уйскую крепость, нижайшим рапортом, «от имени своих казаков, просил защитить и оборонить Ея Императорского Величества всеподданнейших рабов материнским Ея Императорского Величества милосердием. От башкирцев сильная гибель, осадили, 12 декабря 30 человек убили. Мир православный плачет!»

Донося о целом ряде нападений со стороны башкирского населения, казаки в особенности с негодованием относились к тому факту, что после убийства, 10 декабря, четырех братьев казаков Малявкиных башкиры, нанеся сильные побои женам убитых, поставили их на колена, а затем принудили их у одного из башкир целовать руку в знак повиновения злодею. Эти башкиры объявляли, что посланы от Пугачева для приведения к корану всякого русского человека, и если кто не будет целовать руку и в него веровать, того они будут закалывать копьями.

Просили о помощи и заводские крестьяне. Белорецкого завода крестьяне в прошении своем, поданном Верхнеяиц-

---

на показанное представление от его высокопревосходительства реченного госп. генерала-порутчика и кавалера Деколонга резолюции, удержаться; ежели и за сим вы здесь остаться не изволите, а сами собою выступите, а между тем, отчего Боже сохрани, провинциальному городу последует нападение бунтовщиков воров башкирцев, то в таком случае во всем вы сами имеете ответствовать. К госп. премьер-майору гр. де-Кастро-Ласерда о вышепрописанном учинить по сему Ея Им. Вел. указу». Дек. 11, д. 1773 г.

кому коменданту Ступишину, писали: «Мы, реченные крестьяне, пришли в крайнее разорение, что от здешнего завода ни на полверсты выехать не можно и без корму помирает вся наша скотина, а сего декабря 12 числа имевшийся у нас в поле аржаной хлеб башкиры сожгли, также дома наши жгут и приводят нас в крайнее разорение и убожество. Того ради вспоможения слезно просим, хотя небольшую команду нам прислать».

О таких же нападениях башкир заявляла и заводская Златоустовская контора купца Лугинина, где 10 декабря башкирами большая часть рудников была разорена, все инструменты были отобраны и многие рабочие с женами и детьми, в количестве 256 человек, отведены в плен. Горный смотритель Долбежев и штейнгер Шершенев изрублены.

Обращение администрации и населения Исетской провинции об оказании защиты присылкой военных команд не получили удовлетворения, и 11-я легкая полевая команда продолжала свое дальнейшее следование, согласно прежде полученным ордерам, и 16 декабря близ Уйской крепости выдержала нападение толпы вооруженных башкир 600 человек, которые с уроном были отбиты[1].

На воззвание о помощи откликнулся Сибирский губернатор Чичерин, приславший в Челябинск просимый Исетским воеводою порох, в количестве 25 пуд, и 200 ружей для вооружения жителей[2]. Недостаток пороха и свинца настолько сказывался по всем местностям нового расположения войск, что генерал Деколонг вынужден был обращаться по всей Сибирской пограничной линии и Сибирской губернии о присылке как пороха, так и свинца, в местности, наиболее под-

[1] 11-я легкая полевая команда заключала в своем составе 515 человек.

[2] Д. № 132. 1773 г.

верженные нападению бунтовщиков. При этом выяснилось, что и в Тобольске имеется пороху едва лишь достаточное количество для снаряжения 500 рекрут, свинец же положено доставить из Казани с нарочными.

Недостаток обнаруживался не в одних боевых запасах, но и в продовольственных на всей линии расположения войск и в особенности в местностях, наиболее подвергавшихся грабежам башкир, уничтожавших пожарами хлебные запасы, почему Сибирским губернатором Чичериным предоставлено было генералу Деколонгу пользоваться всеми продовольственными запасами, какие находились в магазинах Провиантского Департамента, расположенных в Ишимском дистрикте, а за недостатком и этих запасов — из запасных магазинов (складов. — *Примеч. ред.*) городского и сельского населения Сибирской губернии[1]. Отказавшийся в начале мятежа от прямого содействия Сибирских войск для восстановления спокойствия в Оренбургской губернии генерал Рейнсдорп, в конце декабря 1773 года, просил генерала Деколонга о том, не согласится ли он отправить Сибирские войска под начальством генерала Станиславского к Оренбургу «все совокупно, ибо отправление раздробное подвергается крайнему предосуждению, как то с Сибирскими ротами, а пред тем с Казанскими командами приключилось. А как в фураже великий недостаток, то иного не остается, как генерал-майору Станиславскому, со всеми командами, идти отколь прямее, взяв с линии хороших казаков и надежных вожаков»[2].

Имея в виду, что в Оренбурге и в прилегающих к нему окрестных местах обнаруживается такой недостаток прови-

[1] Д. № 148. 1773 г. Отношение Чичерина к генералу Деколонгу 29 декабря 1773 г. № 346.

[2] Д. № 132. Отношение Рейнсдорпа к генералу Деколонгу 10 декабря 1773 г.

анта, что по истечении месяца предвидятся затруднения в продовольствии населения и войск, генерал Рейнсдорп просил генерала Деколонга: «Постараться отправить из Исетской провинции к Оренбургу достаточное количество провианта подрядом или на крестьянских обывательских подводах».

Это обращение Рейнсдорпа, явно указывавшее на совершенное незнание им условий, в которых находилась команда генерала Станиславского, отрезанная сообщением с Оренбургом, на совершенное незнакомство с событиями, совершавшимися в Исетской провинции, не могло быть выполнено генералом Деколонгом как по обстоятельствам, вынуждавшим его к необходимости защиты Сибирской пограничной линии и Сибирской губернии, так и во исполнение полученного им указа Военной коллегии, определявшего задачу его военных действий.

Выступив в поход к подавлению мятежа в половине октября 1773 года, генерал Деколонг получил указ Военной коллегии, определявший задачу его военных действий, 21 декабря, т.е. спустя два месяца по выступлении Сибирских войск на Оренбургскую линию. Означенный указ, от 4 ноября 1773 года, № 431, вручен был Военной коллегией отправлявшемуся в Сибирь генерал-порутчику главному командиру Колывано-Воскресенских заводов Иерману, для передачи его генералу Деколонгу. Иерман, следуя чрез Тобольск, передал 10 декабря этот указ Сибирскому губернатору Чичерину, от которого в то же число он и был отправлен к генералу Деколонгу по месту его нахождения в Верхнеяицк[1].

Приводим текст означенного указа:

---

[1] Д. № 132. 1773 г. Отношение Чичерина к генералу Деколонгу 10 декабря 1773 г. № 263.

По секретной экспедиции.

«Указ Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийской из государственной Военной коллегии господину генерал-порутчику и кавалеру Деколонгу.

По сообщениям от Оренбургского господина губернатора известны уже вы о возникшем в яицких жилищах самозванце донском казаке Емельяне Пугачеве, что он, обольстя простой тамошний народ и накопив толпу всякой сволочи, разоряет около Оренбурга селения и делает многие смертоубийства. Хотя к пресечению злодейства помянутого бездельника приняты уже господами Казанским и Оренбургским губернаторами возможнейшие меры, а к поспешествованию в том командирован и отсюда генерал-майор и кавалер Кар с некоторым числом от Москвы и прочих мест военных команд и артиллерии, но если злодейская та шайка уклонялась иногда к пределам Сибири, то Военная коллегия надеется, что не оставили вы, господин генерал-порутчик и кавалер, таких со стороны вашей распоряжений учинить, дабы при самом первом получении известия о ее приближении, как ополчением легких полевых команд, так и нерегулярных команды вашей войск, встретя оную, сильною рукою разбить и рассеять, а самого самозванца Пугачева и близких его товарищей, захватя, под крепкий караул посадить. Особливое внимание из виду вашего упущено быть не долженствует касательно до отвращения замыслов помянутого бездельника на государевы в Сибири состоящие рудокопные заводы, которым в случае требования к вам от находящихся в тех заводах командиров имеете всю совершенную безопасность доставить. В Коллегию ж, что когда у вас происходить будет о получаемых относительно до вышеписанного известиях, с нарочным рапортовать».

Граф Захар Чернышев.

В С.-П. Ноября 4 дня 1773 года[1], № 431».

[1] Д. № 132. 1773 г.

По получении приведенного указа генерал Деколонг, оставив попытки движения Сибирских войск к Оренбургу, все внимание обратил на защиту Сибирской губернии и сопредельной с нею Исетской провинции. Необходимость сосредоточения частей войск в Исетской провинции признавалась также и губернаторами Оренбургским и Сибирским, почему Рейнсдорп, относясь к генералу Станиславскому, еще ранее требования о движении отряда этого генерала прямым путем к Оренбургу, рекомендовал расположить две легких полевых команды в Зелаирской крепости, как центральной в Башкирии, «с тем чтобы те войска, находящихся в злодейской толпе башкирцев жен и детей, в жилищах их тревожили, дабы услыша мужья могли от злодейства возвратиться»[1]. О посылке приведенного указа Военной коллегии чрез генерал-порутчика Иермана граф Чернышев уведомлял Деколонга письмом от 15 ноября 1773 года, сообщая, «что он с особливым удовольствием видит его благоразумные распоряжения о принятии мер по поводу оказавшегося около Оренбурга злодея казака Пугачева», прося по поводу пресечения злодейств иметь сношение с генералом Иерманом[2].

---

[1] Приложение к отношению генерала Рейнсдорпа к генералу Деколонгу от 10 декабря 1773 года. «Экстракт, сочиненный из дела о самозванце войска донского казаке раскольнике Емельяне Пугачеве, произведенного о обстоятельствах с ним Пугачевым и с изменническою его толпою происшедших и какия при том здешния распоряжения и действа учинены». Д. № 132. 1773 г. Приложение 1.

[2] Д. № 132. Письмо графа Чернышева к генералу Деколонгу от 15 ноября 1773 г. При этом письме граф Чернышев сообщал: «При случае сего отправления, имею честь сообщить вам приятное известие, что вчерашнего числа приехавший ко двору Ея Императорского Величества от первой армии курьером генерал-майор кн. Долгорукий привез донесение, что находящийся на той стороне Дуная корпус войск наших под командой г. генерал-поручика фон Унгеена разбил при Карасу великое число турецких войск, а потом распространил свои действия до занятия Базарджика, место, которое находится у са-

Одновременно с письмом графа Чернышева генерал Деколонг получил и указ Военной коллегии по поводу предпринятого им движения с Сибирскими войсками на Оренбургскую линию: «Из рапортов ваших, — говорилось в указе, — Коллегия, усматривая все благоразумно учиненные вами распоряжения, не может обойтиться, чтоб не изъявить вам отдания достойной по тому справедливости, надеясь, что и дальнейше ничего вы не упустите, что токмо послужить может к пресечению злодейств бездельника Пугачева и захвачении самого его и согласников оного в руки»[1].

Сибирский губернатор Чичерин, относившийся с особым доверием к генералу Деколонгу, никогда не выражал своего прямого протеста, но высказывая мнения свои, всегда предоставлял окончательное решение вопроса генералу Деколонгу.

Получив сведения о печальной участи команды Заева, Денис Иванович Чичерин, возлагавший большие надежды на эту команду, как на лучшие свои войска, уведомил генерала Деколонга, что «экстракт о событиях читал с сожалением; касательно же до намерения от Челябинска через Далматов монастырь на Екатеринбур кордон протянуть, требовать изволили моего мнения, на то вашему превосходительству другого донесть не могу, как одно сие, что в рассуждении всех тамошних обстоятельств, более моего известны, в рассмотрение вашего превосходительства предоставляю, но притом только упомянуть нахожу: будет ли столько людей, чтобы на таком расстоянии расположить, дабы сим раздро-

---

мых гор Балкан называемых и при котором помянутой корпус войск наших, разделяясь на две части, отправился к дальнейшим пред неприятелем поискам; при разбитии турецких войск многое число побито и в полон взято, и между последними находится один трехбунчужный паша».

[1] Указ Военной коллегии от 11 ноября 1773 г. № 449, д. № 132.

блением не обессилить против внезапного, на которое-либо место, от злодеев башкирцев нападение»[1].

Опасаясь нарушения водворенного в Тобольске спокойствия сведениями о неудачах военных действий против Пугачева, а также слухами об угрожающих опасностях, которые стали распространяться в Тобольске, преимущественно по получаемым письмам от лиц, вошедших в состав командированных команд, Чичерин, уведомляя генерала Деколонга, просил, чтобы он ради спокойствия велел «все письма просматривать и изъясняющие немалую опасность уничтожать»; «а как обстоятельства требуют, чтобы здешний город о сумнительных приключениях совсем был неизвестен, а тем самым не рождалось бы непристойных к унынию народному размышлений, приказать наикрепчайше воинским чинам, чтобы в письмах в Тобольск кроме собственных, других непристойных речей, особливо же об обстоятельстве войны, отнюдь не писали[2].

27 ноября 1773 года Казанский губернатор генерал-аншеф фон Брандт уведомил Чичерина, что именным Высочайшим Ея Императорского Величества указом, полученным им 22 сего ноября, повелено в Казанской и Оренбургской губерниях публиковать о известном самозванце Пугачеве о том, что кто его живого приведет в Казанскому или Оренбургскому губернатору, тому тотчас из казны выдано будет в награждение тысяча рублей, для чего и разослать везде, где за нужное признано, описание его роста, примет, и если кто его приведет, тому тотчас помянутые деньги приказать выдать и списать в расход. «А по справке с производимым о показанном бездельнике Пугачеве прежним делом, по кото-

---

[1] Д. № 132. 1773 г. Уведомление Чичерина к генералу Деколонгу 20 декабря 1773 г. № 307.

[2] Д. № 148. 1773 г. Отношение 29 декабря 1773 г. № 346.

рому он здесь содержался в говорении им некоторых непристойных слов, оказалось, что оный Пугачев ростом двух аршин четырех вершков с половиною, от роду имеет не с большим сорок лет, приметами волосы на голове темно-русые, усы и борода черные с сединою. От золотухи на левом виске шрам, да от золотухи ж ниже правой и левой титек две ямки. Того ради об оном ваше превосходительство уведомляю, с тем, чтобы о исполнении сего именного Всевысочайшаго Ея Императорского Велпчества указа и во вверенной вам губернии благоволили приказать произвести публики».

Сделав распоряжение об опубликовании по Сибирской губернии, Чичерин препроводил в копии полученное им от генерала фон Брандта уведомление к генералу Деколонгу ввиду того, «что обстоятельства требуют, наипаче, произвесть оные по линии Оренбургской и в селениях Исетской провинции»[1].

Основываясь на полученном уведомлении, генерал Деколонг также сделал распоряжение о распространении публикации по поимке Пугачева как по Сибирской пограничной линии, так и в местностях расположения Сибирских войск на Оренбургской линии и в Исетской провинции.

ГЛАВА IV

Донесение Исетского воеводы Веревкина генералу Деколонгу о возмущении заводских крестьян и опасности города Челябинска. — Населенность Исетской провинции и города Челябинска. — Мероприятия воеводы Веревкина для защиты города Челябинска. — Нападение башкир на Белорецкий завод. — Манифест Пугачева 2 декабря 1773 года. — Бунт

[1] Д. № 148. 1774 г. Уведомление Чичерина 29 декабря 1773 г.

в Челябинске. — Воззвание атамана Грязнова. — Вступление отряда генерала Деколонга в Челябинск, причины медленности в распоряжениях генерала Деколонга по оказанию помощи осажденному Челябинску. — Распоряжения генерала Деколонга о направлении отряда генерала Станиславского. — Позорная казнь трупа хорунжего Невзорова. — Назначение следствия о причинах бунта челябинских казаков. — Присужденное наказание участникам бунта.

Волнения в Исетской провинции все более и более усиливались, почему Исетский воевода Веревкин 29 декабря 1773 года доносил генералу Деколонгу: «К неописанному в сей вверенной мне провинции несчастию и великому бедствию, явился ко мне Саткинского и Златоустовского тульского купца Лугинина железных заводов прикащик Моисеев, который объявил, что крестьяне тех заводов, безызъятно, числом более четырех тысяч человек, взбунтовались и самовольно предались известному государственному бунтовщику и самозванцу казаку Пугачеву, присланному от него злодея атаману Кузнецову с казаками и Уфимскими башкирами в количестве 25-ти человек. Этим вором атаманом не только в заводе Саткинском денежная казна до десяти тысяч рублев, но и пушек двенадцать, пороху до пяти пудов, и кроме того, заводчика и фабриканта домовое имение ограблены без остатку, равным образом и на Златоустовском тож учинено, только что чего именно ограблено, оный прикащик, за убегом, не знает. Да в тот же самый час получил от посланного мною сержанта Кирьянова с двумястами крестьян в село Кундравинское, для сохранения оного села от нападения злодеев башкирцев, рапорт, которым меня уведомляет, что в оном селе русское немалое число крестьянства в верности Ея Императорского Величества колеблется».

Ввиду описанных волнений, охватывавших все большую и большую часть населения Исетской провинции, Веревкин, имея поручение генерала Деколонга о принятии мер к препровождению в Верхнеяицк для соединения с находящимися там военными командами артиллерийских орудий, отправленных с Сибирской пограничной линии через Челябинск, доносил, что он «нашелся, сверх постоянного желания своего, данное повеление не исполнить и помянутую артиллерию с ее припасами оставить здесь в Челябинске, о чем, т.е. о задержании команды в Правительствующий Сенат, в 1-й департамент с нарочным курьером сделал донесение. — Ибо, ваше высокопревосходительство, — писал Веревкин Деколонгу, — так велико зло, что ежели по отпуске из города артиллерий хотя один казак из злодейской толпы сюда ворвется, то может предать в злодейские руки все население города, состоящее из казаков и крестьян. За ними же предастся вся провинция; а за Исетской провинцией, неизбежно, грозит сие зло и всей Сибирской губернии. Того ради осмеливаюсь сию мою святую правду донося просить, дабы ваше высокопревосходительство не только сюда в провинцию знатную часть воинской команды благоволили прислать, но всего прежде и своею особою непременно, для соблюдения провинции в верноподданической Ея Императорского Величества должности, на пребывание в провинциальный город Челябинск пожаловать изволили»[1].

Прибывшие к Верхнеяицкой крепости башкирские старшины, рассказывая о событиях на заводах Исетской провинции, передавали, что находящийся ныне на тех заводах начальник войск Пугачева, бывший Красноуфимский казак

---

[1] Д. № 148. 1774 г. Донесение Веревкина генералу Деколонгу 29 декабря 1773 г. № 475.

Кузнецов сделан генералом и пожалован в Лифляндии многими городами от Пугачева. Все эти отличия Кузнецов приобрел за свою верность и собрание до десяти тысяч людей в полчища Пугачева, а равно и за взятие им немалого количества добычи, заключавшейся в денежной казне, пушках, порохе и свинце[1].

Исетская провинция, по официальным данным эпохи пугачевщины, делилась на четыре дикстрикта: Шадринской, Исетской, Окуневской и Куртамышской, заключая в себе: 1) русского оседлого населения 53 296 душ мужского пола (государственных крестьян 40 682, экономических 7604, заводских и помещичьих 4690, посадских 310); 2) башкирских и мещерятских дворов 3556; 3) тептярей 839 д. мужского пола[2].

Русское оседлое население распределялось по дистриктам:

Шадринской. Государственных крестьян 15014, экономических — 3391, итого 18 405.

Исетской. Государственных крестьян 15 105, экономических — 2380, посадских 310, итого 17 795.

Окуневской. Государственных крестьян 4405, экономических — 1834, итого 6233.

Куртамышской. Государственных крестьян 6158, заводских — 3801, помещичьих 889[3].

---

[1] Д. № 148. 1774 г. Донесение Верхнеяицкого коменданта Ступишина.

[2] Д. № 148. 1774 г. «Ведомость, сколько по вей Исетской провинции написанных по последней ревизии состоит душ и иноверческих дворов».

[3] Д. № 148. 1774 г. Донесение Веревкина генералу Деколонгу 18 марта 1774 г. № 104. «Ведомость, сколько по всей Исетской провинции написанных по последней ревизии состоит душ и иноверческих дворов».

Население провинциального города Челябинска в то же время состояло из 736 душ мужского пола, заключая в своем составе:

1) Чинов провинциальной канцелярии: статский советник 1, коллежский ассесор 1, секретарь провинциальной канцелярии 1, протоколист 1, переводчиков 2, регистратор 1, канцеляристов 8, подканцеляристов 7, копиистов 7, сторожей 3.

Военной команды: поручиков 1, капралов 4, цирульников 1, барабанщиков 1, рядовых 30, рекрут 206.

Отставных: капитанов 2, поручиков 1, подпоручиков 1, прапорщиков 2, сержантов 2, каптенармусов 2, подпрапорщиков 2, переводчиков 1, канцеляристов 1, отставных рекрут 97.

Сибирских дворян 1.

Посадских и цеховых 98.

Мещеряков 33 (из того числа 2 старшины, 1 есаул, 26 рядовых.

Крестьян челябинских 29.

Казаков 189. Всего 736 д. м. п[1].

Малочисленность городского населения Челябинска и незначительный состав военной регулярной команды, всего в 37 человек, естественно, должны были порождать опасения администрации, ввиду восставшего башкирского населения и волнения заводских крестьян. Хотя для защиты города от нападения шаек бунтовщиков провинциальной администрацией собрано было из разных дистриктов 1443 человека крестьян, но эти крестьяне, вооруженные лишь кольями и дубьем, представляли охрану весьма ненадежную.

---

[1] Д. № 148. Донесение Свербеева от 13 января 1774 г. № 40. «Коликое число находится в провинциальном городе Челябинске разного звания военных, штатных и прочих людей».

Все воззвания Исетского воеводы Веревкина об оказании помощи, обращенные к генералу Деколонгу, оставались не только без всякого удовлетворения в посылке отряда войск на подкрепление, но даже без всякого ответа, почему и вызвали со стороны Веревкина насильственную меру, т.е. задержание в Челябинске проходящей артиллерийской полевой команды, в составе 105 человек. Обращение же воеводы Веревкина о помощи к Сибирскому губернатору, хотя и встречало каждый раз со стороны Дениса Ивановича Чичерина желание немедленно оказать просимое содействие, но, однако, действительной помощи, за неимением в своем распоряжении достаточного числа регулярных войск и по недостатку оружия, он оказать не мог. Тем не менее, по первому заявлению Веревкина, Чичерин сделал распоряжение о командировании в Челябинск рекрутской роты под командою поручика Пушкарева, в составе 127 человек, послав также в Челябинск особую команду под начальством секунд-майора Фадеева, в составе 27 человек «для обучения военным экзерсициям» и для командования над крестьянами, собранными Исетскою администрацией для охраны города.

Тобольская рекрутская рота, прибывши в Челябинск в первых числах января 1774 года, состояла из только что набранных рекрутов, вооружена была ружьями к стрельбе вовсе негодными и без штыков, а потому, естественно, не могла представлять боевой силы; что же касается команды секунд-майора Фадеева, то она, не доходя пяти верст до Челябинска, подверглась нападению башкир, и из состава ее был убит один канонир, тяжело ранены подпоручик Лукин, прапорщик Никонов и 2 рядовых, легко ранены сам начальник команды и 4 канонира[1].

[1] Д. № 148. Рапорт секунд-майора Фадеева 14 января 1775 г. № 83.

Учащенные нападения увеличивавшихся башкирских полчищ на расположенные по Исетской провинции заводы и беззащитность их вынудили вновь контору Белорецких заводов, осажденную толпою бунтовщиков в 600 человек при 3-х пушках, просить генерала Деколонга о присылке команды: «Пришедши в крайнее бессилие, заводские крестьяне отчаиваются животами своими, чего ради находящиеся под осадой от злодеев просят от таковой погибели защитить»[1]. При этом контора препровождала полученный из толпы башкир, чрез посредство заводского крестьянина Любимого, бывшего в бегах у бунтовщиков, манифест Пугачева:

БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ МЫ ПЕТР ТРЕТИЙ ИМПЕРАТОР И САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ и проч. и проч. и проч.

«Не безызвестно есть каждому верноподданному рабу, каким образом мы не от доброжелателей и завистцов общаго покоя всероссийского и по всем правам принадлежащаго престола лишены были, а ныне Всемогущий Господь неизречимыми своими праведными судьбами и молением и усерднейшим желанием наших верноподданных рабов паки возвести нас соизволил, и наших верноподданных рабов скипетру нашему покоряет и завистцов, общему покою и благотишию под ноги наши повергает. Только иные, некоторые, ослепясь неведением или помрачены от зависти злобою, не приходят в чувство и высокой власти нашей чинят противления и непокорения и тщатся процветшаяся имя наша таким же образом, как и прежде угасить и наших верноподданных рабов, истинных сынов отечеству, аки младенцев осиротить.

[1] Д. № 143. Рапорт заводской конторы Белорецкого завода 4 января 1774 г.

Однако мы, по природному нашему к верноподданным и отеческому неизреченному великодушию, буде кто и ныне, возникнув от мрака неведения и пришед в чувство власти нашей, усердно покорится и во всеподданнической должности тут повинится, всемилостивейше прощаем, сверх того всякою вольностью отеческою жалуем. А буде же кто и за сим в таком же ожесточении и суровости останется и данной нам от Создателя высокой власти не покорится, то уже неминуемо навлечет на себя праведный наш и неизбежный гнев. Чего ради от нас для надлежащаго исполнения и всенародного истинного познания сим и публикуется. Декабря 2 дня 1773 года.

Петр».

Донесение Исетского воеводы Веревкина о возможности скорого возмущения среди казаков города Челябинска, а также среди собранного из разных дистриктов крестьянского населения, не замедлило оправдаться.

5 января 1774 года Веревкин доносил Деколонгу:

«Теперь, ваше высокопревосходительство, конечно изволите поверить, что я многократно вам представлял святую правду, что провинциальный город Челябинск был в крайней опасности и теперь, при последнем моем издыхании, также уверяю, я испытал мучения бунтовщиков злодеев Челябинских казаков, кои, забыв страх Божий, сегодня на рассвете, взбунтовавшись, ворвались в государев дом, в котором я жительство имел, убив слуг моих, меня вытащили. Изорвав платье все донага и связав руки и ноги, били смертно. Равным образом и находящегося при мне безотлучно, трудящегося со мною день и ночь, регистратора Афанасия Колесникова, потомуж, раздев донага и связав. Да находящуюся в квартире моей по сиротству преблагородную девицу Исетской

провинции покойного прокурора Петра Алексеевича Благово сестру его Анну Алексеевну Благово, со вдовою древнею старушкою прокурорскою же госпожою Гуляевою, бив смертельно и связав нас троих, кроме оной вдовы Гуляевой, тащили по городу по улице за ноги и за волосы в казачью войсковую избу и в оной, перевязав жесточее канатом руки назад и ноги, так что и кожу как с рук, так и с ног у меня содрали, а тут паче били ружейными прикладами, пинками, кулаками, в коей все трое мы держаны под караулом с час. Из-под караула выручены разными находящимися здесь, а особливо при артиллерии офицерами посредством подвезенных к той казачьей избе совсем заряженных пушек. И из рук казацких их вырваны на улицу связанные и тут оными господами офицерами прочими верными Ея Императорского Величества рабами развязаны. А город и поднесь оными ворами бунтовщиками казаками, как и все находящееся здесь для защищения крестьянство приведены в возмущение и колебание. А только остаемся мы с артиллерийскою командою, рекрутами, купечеством и канцелярскими служителями в верности Ея Императорскому Величеству до последней капли крови. Того ради от вашего высокопревосходительства всепокорно прошу для спасения погибающего теперь провинциального города Челябинска и чрез то соблюдения всей провинции пожаловать особою своею с военною командою сюда немедля прибыть и восстановить тишину: равным образом и для правления провинции прислать из господ бригадиров или полковников. Я за многими смертельными побоями и ранами править не в состоянии, а товарищ мой господин коллежский асессор Свербеев нечаянным случаем переломил ногу, отчего и поднесь болен.

Оставшее в доме казенном, в коем я пребывал, имение, все деньги, одежда и многие вещи все разграблено, равным

образом и у реченных сирот девиц Благово и вдовы Гуляевой без остатку»[1].

Войсками, освобождавшими воеводу Веревкина, задержано было 63 человека бунтовщиков, которые и помещены были в тюрьме, на месте же грабежа и разбоя, в дом воеводы, задержан был атаман возмутившейся шайки казак Михаил Уржумцев, который в тот же день подвергся расспросам «под жесточайшим плетьми битьем». — При расспросах Уржумцев показал, что он жаловался Пугачеву на воеводу Веревкина, почему от Пугачева и присланы были из злодейской толпы в город Челябинск с указом четыре человека крестьян; затем, согласясь с хорунжим Наумом Невзоровым и другими казаками, порешили сделать нападение на воеводу «с тем, чтобы как его, так и всех прочих командиров, перегубя, провинциальным городом завладеть».

При всех расспросах Уржумцев «злодейски утверждал онаго вора донского казака Пугачева покойным императором Петром Третьим».

После пыток, через 17 часов, Уржумцев умер.

В ночь на 7-е число хорунжий Невзоров, возмутя казаков, расположенных в пригородных селениях, подъезжал к Челябинску, убеждая расставленных караульных, «что так как идет к городу великая государева сила, то потому отнюдь не сопротивлялись бы и пустили в город».

8-го числа казаки, предводительствуемые Невзоровым, соединясь с возмутившимися башкирцами, под предводительством атамана Грязнова, произведенного Пугачевым в полковники, обложили город, напав на отряд секунд-майора Фадеева, следовавший из Тобольска для принятия команды над

[1] Д. № 148. Рапорт Веревкина генералу Деколонгу 5 января 1774 г. № 54.

собранными в Челябинске крестьянами. В тот же день из злодейской толпы от полковника Ивана Грязнова явился в город крестьянин Воскресенского завода Микеров с воззваниями, одно на имя товарища Исетского воеводы Василия Ивановича Свербеева, а другое «жителям и всякого звания людям». На приближавшуюся к городу злодейскую толпу с батареи производилась пушечная пальба, к вечеру и из злодейского стана из 5-ти чугунных орудий производилась пальба в продолжение трех часов, но благодаря Сибирским войскам, а именно полевой артиллерийской команды, злодеи были опрокинуты.

Полученные от Грязнова воззвания были следующего содержания:

1. «Высокоблагородный и высокопочтенный господин коллежский асессор и премьер-майор Василий Иванович Свербеев!

Я во удивление прихожу, что так напрасно закоснели сердца человеческие и не приходят в чувство, а паче не иное что как делают раззорение православных христиан и проливают кровь невинно, а паче называют премило-сердощедрого государя и отца отечества великого Императора Петра Федоровича бродягою донским казаком Пугачевым. Вы же думаете, что одна Исетская провинция имеет в себе разум, а прочих почитая ни за что или, словом сказать, за скот. Поверь, любезный, ошиблись да и ошибаются многие, не зная, конечно, ни силы, ни писания. Если б мы нашего премилосердного отца отечества великого государя были несамовидцы, то б и мы в сумнении были. Верь, душа моя, безсумненно, что верно и действительно наш государь батюшка сам истинно, а не сомозванец: что ж за прибыль быть православным христианам в междоусобии и бранях и проливать кровь невинным, и за что ваш господин воевода с артиллерийскою командою вернейших государевых слуг приводит в разорение? Пожа-

луй, сделай себя счастливым, прикажи, чтобы без всякого кровопролития сделать и крови напрасно не проливать. Если же после сего последнего до вас увещания в склонность не придете, то, обещаюсь Богом, подвигну мои вверения от его императорского величества войска и уже тогда никакой пощады ждать вам надеяться не предвижу; от мала и до велика прошу яко брата уговаривать. Вас же, если сие сделаете, обещаю вам перед Богом живот, а не смерть. Закоснелым же, кто не придет в чувство, после сего ожидать благополучия не остается. Разве мы не сыны церкви Божией? Опомнитесь, други и браты о Бозе! Затем, сократя, оканчиваю сим и остаюсь при армии посланной от его императорского величества главной армии полковник Иван Грязнов.

2. Находящимся в городе Челябинске жителям и всякого звания людям!

Не иное что к вам, приятные церкви святой сын, я простираю руку мою и на писание сего Господь наш Иисус Христос желает и произвести соизволяет своим святым промыслом Россию от ига работы. Говорю я вам, всему свету известно, сколько во изнурение приведена Россия. От кого ж? Вам самим то небезызвестно. Дворянство обладает крестьянами, но хотя в законе Божеском и написано, чтобы они крестьян также содержали, как и детей, но они не только за работника, но хуже почитали собак своих, с которыми гонялись за зайцами. Компанейщики завели премножество заводов и так крестьян работою утрудили, что в ссылках того никогда не бывало, да и нет. А напротив того, с женами и детьми малолетними не было ли ко Господу слез? И чрез то услыша, яко израильтян, от ига работ избавляет. Дворянство же премного щедрого отца отечества великого государя Петра Федоровича за то, что он соизволил, при вступлении своем на престол, о крестьянах указать, чтобы у дворян их не было

во владении, изгнало весьма несправедливым поведением. И так чрез то принужденным нашелся одиннадцать лет отец наш странствовать, а мы, бедные люди, оставались сиротами, а ныне отца нашего, хотя мы и старание прилагаем возвести, но дворянство пуще вымысел сделало, назвав так дерзко бродягою, донским казаком Пугачевым, а напротив того еще наказанным кнутом и клейм имеющим на лбу и щеках. Но если бы другие и приятные святые церкви чада, мы были прещедрого отца отечества великого государя Петра Федоровича не самовидцы, то б и мы верно не поняли через то, что вас уверяем не сумневаться и верить, — действительно и верно государь наш истинно; чего ради сие последнее и вам увещевание пишу: приидите в чувство и усердно власти его императорского величества покоритесь. Нам кровь православных не нужна, да и мы так же, как и вы, точно православной веры. За что нам делать междоусобные брани? А пропади тот, кто государю не желает добра и себе самому следственно. Все предприятие вам уже разуметь можно. И если вы в склонность придти не пожелаете, то уже говорю нескрытно: вверенные мне от его императорского величества войска на вас подвинуть вскоре имею, и тогда уже вам самим, рассудите, можно ли ожидать прощения. Мой же совет: для чего напрасно умирать и претерпевать разорение всем вам гражданам? Вы, надеюсь, подумаете, что Челябинск славный по России город и каменную имеет стену и строение — отстоится! Не думайте, предел от Бога положен, его же перейти никто не может. Я вам наверно говорю, что не устоять. Пожалуйста, не пролейте напрасно свою кровь. Орды неверных государю покорились, а мы противотворничаем. Затем, сократя, сим остаюсь, января 8 дня 1774 года, посланный от армии его императорского величества главной армии полковник Грязнов».

9-го числа бунтовщики толпами разъезжали вокруг города, не делая нападения. Грязнову, остановившемуся в двух верстах от города в деревне Маткиной, с нарочным послан был за печатью в пакете именной экземпляр манифеста 29 ноября 1773 года. Оставив у себя посланный манифест, злодеи прислали в ответ записку, отозвавшись «с немалою хулою».

10-го числа толпа бунтовщиков, усилясь примкнувшими к ней крестьянами с заводов Кыштымского и Каслинского, а также передавшимися Тобольскими выписными казаками, в количестве 300 человек из команды майора Чубарова, изменнически умерщвленного[1], произвела нападение на город всею своею силою, в количестве 5000 человек, при 8-ми орудиях. Нападение и пальба продолжались 5 часов, но, однако, мятежники были отбиты полевой артиллериею, причем захвачен был хорунжий Невзоров, утверждавший, что из толпы самозванца идет сила в 40 000 человек для взятия города Челябинска, и уговаривавший часовых к сдаче города. При расспросах Невзоров показал сначала, что войска придет к Челябинску от самозванца 15 т., а под «жестоким плетьми битъем» цифру уменьшил на 5 тысяч. Подтвердив показание данное атаманом Уржумцевым, сознался, что бежал из Челябинска и способствовал к возмущению казаков и крестьян. После расспросов, через пятнадцать часов, Невзоров умер от плетей и полученных огнестрельных 2-х ран при его поимке[2].

После неудачного нападения на город Грязнов с своею толпою и Тобольскими казаками отошел от Челябинска к Чебаркульской казачьей крепости.

---

[1] Д. № 136. 1773 г. Отношение Чичерина к генералу Деколонгу 14 января 1773 г.

[2] Д. № 148. Экстракт о происхождении от бунта воров Исетской провинции казаков, крестьян и башкирцев, и что при нападениях их на провинциальный город Челябинск, после 5-го числа сего генваря, числилось».

Отступление Грязнова объяснялось также и тем, что им получены были сведения о движении отряда генерала Деколонга к Челябинску.

13 января, с двумя легкими полевыми командами, генерал Деколонг, после перестрелки с бунтовщиками, вступил в Челябинск. Медленность распоряжений генерала Деколонга в оказании просимой помощи городу Челябинску объяснялась тем, что он ожидал сосредоточения в Верхнеяицке своих военных сил, разбросанных на огромном пространстве. Войска, находившиеся под командой генерала Станиславского, со времени прихода их к Орской крепости, т.е. с конца ноября 1773 года, оставались в совершенном бездействии, почему в половине декабря (1773 года) генерал Станиславский получил ордер от генерала Деколонга, вызванный событиями в Исетской провинции, о сосредоточении войск в Верхнеяицкой крепости и о препровождении вверенных ему команд к означенному пункту. При этом генералу Станиславскому вменялось в обязанность при препровождении войск забирать с собою из крепостей и редутов всех обывателей, а также не только крепостные орудия, но и имущество, ввиду того, что эта часть линии останется, за выбытием войск, беззащитною.

Ввиду такого распоряжения генералом Станиславским, с своей стороны, ордером от 21 декабря 1773 года, предложено было комендантам крепостей Кизильской секунд-майору Демидову, Таналыцкой подполковнику фон Расу и Орской секунд-майору фон Бенеке принять нижеследующие меры:

«Приуготовить гарнизонные вещи и обывателей, так, чтобы по первому повелению выступить могли без всякого замешательства, показав места, где кому ехать и быть, также на чем везти.

Приуготовленных лошадей с упряжью разделить, а недостающее число лошадей купить или нанять, то отдаю на точное сведение и достаточное знание вашего высокородия, а притом самим вам определить, с артиллерийскими служителями и со штаб и обер-офицерами, все состоящие в крепости материалы, отобранные от войск, и прочие вещи в годности освидетельствовать с крайним рассмотрением, помня обязанность торжественной присяги и долга о Высочайшем Ея Императорского Величества интересе. По свидетельстве как пушки, так и вещи приуготовить к выступлению и таковые годные вещи и прочий материал подобает от сырости и мокроты, яко самонужнейшее сберечь, да и вообще со всем поступать хранительно. Негодные пушки скрыты будут в земле или в воде, а вещи, кои скрыть в землю или в воду будет нельзя, то оные, также и провиант, какой забрать будет по малости подвод невозможно, предано будет огню. Порох закупорить, обвить рогожами и к выступлению приуготовить. Во всем вышеписанном приуготовлении вашему высокородию иметь неусыпное смотрение денно и нощно. Обывателям при собрании всем объявить самолично о выступлении изволите — что кто желает, а не желающих не понуждать. Желающих обывателей укомплектовать состоящим в крепости, в цейхаузе, готовыми пистолетами, порохом и свинцом»[1].

По объявлении обывателям крепостей распоряжения военоначальников, большинство не пожелало вовсе покидать своих мест, почему генерал Станиславский доносил генералу Деколонгу, что по Орской крепости обыватели, состоящие преимущественно из казаков, выступить из крепости не хотят, «в рассуждении, чтобы малых детей в нынешнее вре-

[1] Д. № 148. 1774 г. Ордер генерала Станиславского от 21 декабря 1773 г. № 392.

мя не поморозить и своих стариков не растерять, уповательно и в других крепостях обыватели тоже откажутся»[1].

Распоряжение генерала Деколонга об очищении крепостей, лежащих к югу от Верхнеяицкой крепости, встретило сильный протест и со стороны Оренбургского губернатора Рейнсдорпа, который писал поэтому Деколонгу: «С отданным предписанием согласным быть не могу. Вашему превосходительству советую проекта вам предъявленного о содействии здешним войскам держаться и не нарушать, а по последней мере Станиславскому приказать, с имеющейся у него конницею, быть в Орской крепости неотлучно, ибо как оная крепость земляная и против прочих лучшая, то ему быть там весьма безопасно»[2].

Известия от Исетского воеводы Веревкина, изложенные им в рапорте от 29 декабря 1773 года получены были Деколонгом 2 января 1774 года в Верхнеяицкой крепости и тогда же, не ожидая прихода отряда генерала Станиславского, сделаны были им распоряжения о выступлении к Челябинску 2-х полевых команд: 11-й, под начальством премьер-майора графа де-Кастро-Ласерда, и 10-й, под начальством секунд-майора Зейферта. На пути к Карагайской крепости, 7-го числа января, Деколонг получил донесения Веревкина о бунте казаков и об обложении города толпою приверженцев самозванца.

На другой день прибытия отряда генерала Деколонга в Челябинск воевода Веревкин и его помощник Свербеев испрашивали повеление генерала Деколонга, ввиду того, что труп Невзорова и «по днесь еще земле не предан и как оный злодей был важный, то для страху и зрения всего здешнего народа, который от злого и ложного его Невзорова раз-

[1] Д. № 148. Донесение генерала Станиславского 27 декабря 1773 г. № 278.

[2] Д. № 148. Отношение генерала Рейнсдорпа 29 декабря 1773 г.

глашения смущался, яко сущего злодея, тот скверный его Невзорова труп, с надлежащею народу публикациею, волоча по улицам и у всех ворот здешнего города на дровнях бить кнутом и потом бросить за город в землю»[1].

Эта программа позорной казни трупа Невзорова была разрешена тогда же генералом Деколонгом, а по обстоятельствам бунта поручено было производство следствия товарищу Исетского воеводы Свербееву, Челябинскому бургомистру Боровинскому, капитанам 10-й легкой полевой команды фон Сизингу и 11-й легкой полевой команды Сумарокову.

Главными виновниками бунта следствием было обнаружено 13 человек, из них один государственный крестьянин Лаптев, Чумазской свободы, а остальные 12 — казаки города Челябинска. Всем этим лицам, определением Исетской провинциальной канцелярии, вместо смертной казни положено было жестокое наказание кнутом, с вырезанием ноздрей и с поставлением на лбу и на щеках указанных знаков (на лбу — в, на щеках, на одной — о, а на другой — р). Затем, согласно указа Правительствующего Сената, 30 ноября 1773 года, все эти лица назначены были в ссылку в Азов.

Остальные привлеченные к следствию, в количестве 50 человек, признаны были совершенно невинными. Это определение утверждено было генералом Деколонгом, и 23 января произведена была экзекуция над всеми лицами, признанными участниками Челябинского бунта. Оправданные, по приведении их к присяге в верности Ее Императорскому Величеству, отпущены были на поруки[2].

---

[1] Покорный рапорт воеводы Веревкина и его товарища Свербеева 14 января 1774 г. № 86.

[2] Д. № 148. Указ Исетской провинциальной канцелярии 21 января 1774 г. Рапорт Исетской провинциальной канцелярии 23 января 1774 г. № 194.

ГЛАВА V

Назначение генерал-аншефа А.И. Бибикова главнокомандующим для усмирения мятежа. — Уведомление Бибиковым генерала Деколонга и Сибирского губернатора Чичерина о своем полномочии. — Объявление Бибикова о поимке Пугачева. — Распоряжение генерала Деколонга об усилении состава войск, предназначенных к защите Екатеринбургских заводов. — Увещания башкир и мещеряков. — Воззвание атамана Грязнова к башкирцам. — Полученные генералом Деколонгом известия из мест, объятых мятежом. — Уведомление Сибирского губернатора Чичерина о волнении в Ялуторовском дистрикте. — Бой у деревни Першиной. — Наказания бунтовщиков, взятых в плен при деревне Першиной.

Отсутствие единства в распоряжениях по подавлению мятежа и недостаточность количества военных сил, предназначенных к действию против мятежников, привели к необходимости сосредоточения в одном лице всех средств и способов для ускорения взволнованного края и к усилению состава войск.

Выбор Императрицы остановился на генерал-аншефе Александре Ильиче Бибикове, который 29 ноября 1773 года и был назначен главнокомандующим над всеми войсками, действовавшими против Пугачева, с предоставлением ему обширных полномочий. Все местные начальники, как духовные, так военные и гражданские, подчинялись главнокомандующему с обязанностью исполнять его требования, как бы приказания Ея Императорского Величества: «Дабы иного в делах комиссии его, которые для общего государственного блага и для восстановления драгоценного покоя толико

нужны, никакого препятствия и остановки последовать не могло»[1]. В день назначения главнокомандующего Военная коллегия указом, подписанным графом Чернышевым, дала знать генералу Деколонгу: «Повторяя, чтобы вы, господин генерал-поручик, как советом, так и делом, все свои старания прилагали способствовать к искоренению злодейской около Оренбурга находящейся бездельника казака Пугачева шайки. А притом знать вам дается, что по Всеподданнейшему Ея Императорского Величества соизволению отправляется отсюда, к вящщему во всем там принятию и пресечению вредных от помянутого происшествия следствий, господин генерал-аншеф и кавалер Александр Ильич Бибиков с достаточным числом войск, по предписаниям которого не оставите вы с своей стороны чинить всевозможнейшие содействия, а что когда происходить будет Коллегии рапортовать»[2]. Этот указ, посланный от Военной коллегии с курьером, получен был генералом Деколонгом 14 декабря, во время нахождения его в Верхнеяицкой крепости.

Прибыв в ночь на 26 декабря в Казань, Бибиков 29 числа уведомил как генерала Деколонга, так и Сибирского губернатора Чичерина о своем полномочии.

«По происшедшим в Оренбургской губернии возмущениям вора и злодея, беглого с Дону казака Емельяна Пугачева, — писал Бибиков генералу Деколонгу, — Ея Имнераторское Величество Всевысочайше соизволила отправить меня с корпусом войск и с полною Ея Величества доверенностью как на истребление сего злодея и сообщников его, так и восстановление в тамошнем краю прежнего спокойствия и тишины. Вследствие

[1] Указ 29 ноября 1773 г. об оказании генералу Бибикову повиновения и содействия.

[2] Указ Военной коллегии 29 ноября 1773 г., № 490 (из секретной части).

чего данный о сем Ея Величества печатный манифест, которого тридцать экземпляров при сем препровождаю, для обнародования в месте пребывания вашего и окрестностях его.

Ваше же превосходительство благоволите препроводить сей Высочайший манифест в места, по рассмотрению вашему, к частным начальникам с наставлением вашим, дабы каждому изъяснено было, чтобы всякий, помня верноподданническую должность, пребыл в непоколебимой верности и как разглашениям сего злодея Пугачева, который начал и без всякого правдоподобия дерзает называться именем покойного Императора Петра Третьего и тем простой народ обольщает (ибо от разумных и просвещенных сего статься не может), так и сообщников его, не только нималой не давать веры, но и всячески его и сообщников его ловить и истреблять старался, не делая ни малейшего ему повиновения, а напротив, всякий бы почитал его и сообщников его за воров, изменников и злодеев государственных.

А притом всем тем местам благоволите ваше превосходительство наикрепчайше подтвердить: если кто-либо с таковыми разглашениями или вредными письмами от злодея Пугачева под именем Императора Петра Третьего явится, и поступать вам с ними так, как с совершенными злодеями.

Наипрележнейше прошу о хранении тамошнего края, вообще о соблюдении самого Екатеринбурга, так и ведомства его заводов, от набегов злодейской партии и соблюдении коммуникации по сибирской дороге. Наконец при сем прилагаю объявление от меня данное о поимке злодея Пугачева, которое рассеять в тамошнем краю прошу, переведя оное и на татарский язык, для известия о том самим башкирцам»[1].

---

[1] Д. № 148. 1774 г. Предложение Бибикова Деколонгу 27 декабря 1773 г. № 37.

Преподав главнейшие указания генералу Деколонгу относительно направления находившихся в его распоряжении военных сил, Бибиков предоставлял ему некоторую долю самостоятельных действий как в отношении способа эксплуатации этими силами, так и в отношении расправы с бунтовщиками, «как с совершенными злодеями».

В уведомлении, адресованном Сибирскому губернатору Чичерину, Бибиков излагал лишь данное ему полномочие, предлагая: «Во всех местах, через десятских и сотских, объявить с подтверждением, что если кто-либо с разглашениями или вредными письмами от злодея, под именем покойного Императора Петра Третьего, явится и разглашать будет, таковых тотчас ловить и приводить к нему, Сибирскому губернатору, за крепким караулом, которых после отсылать в учрежденную в Казани Секретную комиссию».

При этом уведомлении приложено было 100 печатных экземпляров манифеста 29 ноября 1773 года для распубликования по Сибирской губернии. Объявления же о поимке Пугачева, исходившего от нового главнокомандующего, экземпляр которого прислан был генералу Деколонгу, для распространения его в местностях, объятых мятежом, не было препровождено к Сибирскому губернатору Чичерину, почему это объявление и не было опубликовано среди сибирского населения.

Присланное Бибиковым объявление о поимке Пугачева нижеследующего содержания:

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

«Я нижеподписавшийся главнокомандующий войсками Ея Императорского Величества Всемилостивейшей нашей Государыни генерал-аншеф лейб-гвардии майор и разных орденов кавалер объявляю через сие, что как все бедствие, угнетающее ныне Оренбургскую губернию огнем и мечом и

пролившее уже потоки крови собственных наших собратий и сограждан, происходит единственно от самозванца Емельяна Пугачева, беглого с Дону казака и в Польше немалое время скитавшегося, который в буйстве своем дерзнул, без всякого подобия вероятности, взять на себя высокое название покойного Петра Третьего, то он паче всех и заслуживает, для пресечения внутреннего междуусобия и для возвращения любезному отечеству драгоценного покоя, восприять достойную злодейству и измене его казнь, дабы инако от продолжения оных другие, из одного невежества погрешившие, равному жребию подверженными не были, когда его постигнет месть озлобленных им божественных и человеческих законов. Почему я с моей стороны по вверенной мне власти, желая спасти сих последних и обратить зло на главу истинного его виновника, самозванца Емельяна Пугачева, как изверга рода человеческого и недостойного и имени россиянина, обещаю сим тому или тем, кто из усердия к отечеству поймав его, приведет ко мне или к кому ни есть из подчиненных моих и отдаст под стражу живого, дать в награждение десять тысяч рублев. В Казани в городе, декабря 27-го дня 1773 года.

Александр Бибиков».

Получив сведения о возложении охраны Екатеринбургских заводов на Сибирские войска и генерала Деколонга, управлявший теми заводами полковник Бибиков обратился тогда же с просьбою к генералу Деколонгу о защите, «так как мятежники находятся уже всего в 100 верстах от Екатеринбурга и заняли Каслинский завод, где заводские жители оказали злодейской толпе полное доброжелательство»[1].

[1] Д. № 148. Донесение полковника Бибикова генералу Деколонгу, 12 января 1774 г.

Ввиду данных поручений об охранении Екатеринбургских заводов и обращения полковника Бибикова об оказании помощи, генералом Деколонгом сделано было распоряжение, ордером данным генералу Скалону, о направлении 12 и 13 легких полевых команд в Челябинск, «с тем что когда эти команды прибудут в места, опасность имеющие, следовали бы с крайнею предосторожностью во всем воинском ополчении, имея всегда орудия и ружья заряженными и фитили зажженными, и чтобы всякий раз недреманным оком наблюдать каких-либо сопротивлений, которые всеми силами отвращать, а до удач не допущать»[1].

Также предлагалось генералу Скалону по прибытии в Петропавловскую крепость двух рекрутских рот из Тобольска командировать в Челябинск из Петропавловского батальона две роты при двух орудиях.

Находясь в ожидании прибытия полевых команд с Сибирской пограничной линии для усиления состава войск своего корпуса, генерал Деколонг, во время пребывания в Челябинске, принимал меры к увещанию бунтовавших башкир, почему вблизи расположенные от Челябинска инородческие волости им посылался преданный правительству и пользовавшийся среди инородцев особым уважением мулла Абдуль гафер Мансуров.

Однако обращение Мансурова к своим единоплеменникам осталось совершенно безуспешным, почему он доносил генералу Деколонгу, что все башкиры, к которым он обращался и которых старался увешевать, оказались рьяными приверженцами атамана Грязнова, и увещания его остались бесплодными.

Опасаясь влияния на инородческое население мулл, оставшихся в большинстве приверженцами правительства, а в

[1] Ордер генерала Деколонга генералу Скалону от 16 января 1774 г.

особенности влияния Мансурова, Грязнов рассылал среди башкирского населения, а также среди мещеряков воззвание на татарском языке, отклоняя население от всякого согласия на изъявление покорности при увещаниях. Это воззвание, составленное как бы в ограждение интересов инородческого населения, указывавшее на необходимость решения вопроса собранием всего народа, на самом деле имело в виду обманною надеждою поддержать среди инородцев возникшую наклонность к мятежу.

Приводим текст этого воззвания, сохранившегося в современном переводе:

«По приказу третьего императора Петра Федоровича, полковника Грязнова, оставшимся для осады города Челябинска Исетской провинции всех родов народам!

Сего 1774 года генваря, от 11 и 13 чисел, подлинное увещание от прежней государыни императрицы Екатерины Алексеевны, — печатанный в Санктпетербурге при Сенате прошедшего 1773 года ноября 29 дня, манифест получили, в котором означено, что находящемуся под Оренбургом и называющему себя высоким именем Петром Третьим не верить, ибо он донской казак Емелян Пугачев, к коему по ложным его словам к нему не приставали бы и все бы верноподданные от него отставали, за что-де будут помилованы и в вину сочтено не будет. После же оного манифеста прислан от его превосходительства генерала-порутчика и кавалера Ивана Александровича Деколонга мулла Абдуль-гафер Мансуров для увещевания народа, которого мы выслушали, почему для совета послали мы ведомства Исетской провинции во все волости звать народ, больших и малых, для того, до собрания народа реченной провинции генерал-поручик имеет дать время. Какое же по собрании народа будет согласие, объявить не оставим. До того времени, не делая с

обеих сторон вреда, воздержа народ, будем находиться в спокойствии. Находящихся у вас наших аманатов, также мурзу Иматбаева, для общего с нами совета и донесения о ваших увещаниях, отпустить к нам всех без остатку. Муллу Абдуль-гафера Мансурова вам возвратили. Генваря 19 дня 1774 года»[1].

Посланный генералом Деколонгом для увещания мещеряков ахун Абдула-Мурза Муслюмаев рапортом доносил, что Грязнов пять раз присылал к нему людей и два раза обращался письменно, требуя от него и его единоплеменников присоединения к своей толпе, угрожая в случае ослушания убийством, почему многие мещеряки предались самозванцу и никакие увещания не действуют.

Распространение области мятежа по направлению к екатеринбургским заводам, а также просьба о помощи, сделанная управителем тех заводов полковником Бибиковым, послужили поводом генералу Деколонгу, не дожидаясь соединения с его корпусом 12 и 13 полевых команд, задержанных в марше трудностями переходов, дать знать Исетскому воеводе Веревкину, «что, в рассуждение важных в Екатеринбурге обстоятельств, ему необходимо туда следовать, почему он туда и предпринимает движение с двумя легкими полевыми командами 10-ю и 11-ю, полевою артиллериею и Сибирскими казаками; для соблюдения же города Челябинска от злодейского нападения он полагает оставить 300 рекрут Тобольских, так как из находящегося в его команде корпуса военных команд уделить не можно».

Исетская провинциальная канцелярия, только недавно испытавшая ужасы бунта, при беспомощности города, оставаясь в невозможности защищаться от злодейской толпы,

[1] Д. № 148. 1774 г.

просила разрешения следовать также за выступающим отрядом войск: «Мы с рекрутами трехстами человек и с малым числом граждан провинциального города Челябинска, писала канцелярия, не только от злодейского нападения, но и от самых находящихся теперь здесь внутри города врагов казаков и всех крестьян удержать и все Высочайшего Ея Императорского Величества интересы соблюсти одних суток совершенно и по присяжной нашей должности утверждаем не в силах и не можем, а останемся только со всеми верноподанными на известную верную и неповинную всем оным злодеям жертву и всеконечное истребление. Того ради всенижайше и всепокорнейше просим, дабы всем нам верноподданным и беспорочно служащим рабам показать вашего высокопревосходительства милосердие за нашими важными и известными изнеможениями и резонами, благоволите взять нас со всеми канцелярскими служителями и нужными Ея Императорского величества делами и денежною казною и верными гражданами с собою в Екатеринбург»[1].

Удаление Сибирских войск с Оренбургской линии в глубь Исетской провинции не могло остаться без влияния на положение малозащищенных крепостей этой линии, окруженных злодейскими толпами, почему уже в средине января 1774 года Верхнеяицкий комендант полковник Ступишин доносил генералу Деколонгу, что «бунтовщики, заняв Белорецкий завод, намереваются сделать нападение на здешнюю крепость, с тем, чтобы ее совсем разорить, имея разного калибра пушек до 30; но дабы находящийся здесь разного звания народ не пришел в колебание, то сего же числа все, как воинские, так и прочие чины, к подтвердительной

[1] Д. № 148. Покорный рапорт Исетского воеводы Веревкина, товарища его Свербеева и провинциального города бургомистра и головы Боровинского 29 января 1744 г.

присяге при молебственном пении и прочтении манифеста приведены»[1].

Также постоянно подвергались нападению небольших отдельных шаек бунтовщиков все крепости, расположенные по линии от Верхнеяицка до Орска, причем находившиеся в этих крепостях на службе в гарнизонных войсках польские конфедераты настойчивее, чем прежде, выражали свое недовольство против насильственного их задержания, жалуясь на плохое довольствие в гарнизонных частях.

В Танальщкой крепости, как доносил комендант подполковник фон Рас, польские конфедераты, в числе 22 человек, заявили, что они более служить не желают ввиду последовавшего Высочайшего манифеста о возвращении конфедератов на родину, не применяемого к ним лишь по распоряжению местной власти по случаю мятежа и необходимости усиленной обороны[2]. В Кизильской крепости, по донесению и. д. коменданта секунд-майора Демидова, из состава Кизильского батальона десять солдат конфедератов, при одном унтер-офицере, 8 января, с ружьями, патронами и с полной амуницией бежали в кочевья бунтовщиков башкир[3]. Одновременно было получено уведомление и из Саткинского завода, что заводские крестьяне предались самозванцу, причем эта измена заводского населения произошла при нижеследующих обстоятельствах: измученное набегами башкирского населения и не имея защиты от войск, расположенных в провинции, заводское население обратилось к атаману мятежнической толпы Юлаю с просьбою, выраженною в покорнейшем рапорте:

---

[1] Д. № 148. Донесение полковника Ступишина 16 января 1774 г.

[2] Д. № 148. Рапорт генерала Станиславского 7 января 1774 г. № 30.

[3] Д. № 148. Рапорт секунд-майора Демидова 10 января 1774 г. № 10.

«Почтенному господину Юлаю

Саткинского Лариона Ивановича Лугинина завода всего крестьянского общества.

Покорнейший рапорт.

Как не безызвестно Саткинскому заводу, что соседственные заводы и протчих обществ башкирския жительства его величеству третьему императору Петру Феодоровичу приклонились и имеют охранные от его величества указы, а на Саткинский завод указа в присылке не имеется, а произносится слух, что в не имеющих местах указов, в том числе и на Саткинский завод, будет от его величества военная команда.

Саткинский завод, не желая напрасного кровопролития и крайнего разорения, посылает к вам, господину старшине, от общества всего выборных людей: Егора Жуланова, Марка Поспелова, Федора Турсухова, Ивана Пономарева, Ивана Жилина, Ивана Южакова. Сие объясняет, что Саткинские жители против его величества усердственное повиновение приносят и только при том заводе производится осторожность не против его величества, но от набегу озорнических из башкирцев воровских партий, которые заводских жителей, выезжающих за сеном, уже много покололи безвинно и лошадей отогнали и теперь за сеном и протчими потребностями выезжать с завода не дают возможности. Того ради вас, почтенно, от его величества господина старшину Юлая с покорностию просим, посланных от всего общества мирского людей до его величества допустить и до возврату тех посланных на Саткинский завод военной команды не посылать, напрасного кровопролития не производить и милостиво Саткинский завод от разъезжающих грабителей, воровских партий, защитить. О чем сию покорную нашу просьбу за священниковыми руками и назначаем».

Вместо Юлая, к которому было адресовано обращение заводских жителей, в завод явился с толпою мятежников ата-

ман Иван Кузнецов, прежде всего приступивший к ограблению дома заводчика. Забрав из дому посуду, платье, лошадей, рогатый скот и из конторы заводской до десяти тысяч рублей, двенадцать пушек, 250 ружей и 5 пудов пороху, он большую часть забранного отправил в армию самозванца. По разграблении дома и конторы заводчика население завода было собрано Кузнецовым, частью в церкви, частью на площади, где и прочитан был ему нижеследующий указ самозванца:

«ОТ САМОДЕРЖАВНАГО ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ФЕДОРОВИЧА САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО» и проч. и проч. и проч.

Всем моим верноподданным рабам всякого звания и чина! Довольно известно вам и из публикованных манифестов усмотреть можете, каким образом мы от завистников общего покоя всероссийского престола беззаконно лишены были, а ныне Всемогущий Господь иеизреченными своими праведными судьбами паки возвести нас соизволяет и наших верноподданных рабов к скипетру нашему покоряет, а завистников общему покою под ноги наши повергает. Только вы не изменитесь неведением или не помрачитесь, злобою возникнув, придите в чувство, власти нашей усердно покоритесь, — по данному нам от Создателя отеческому к верноподданным великодушию всемилостивейше прощаем и сверх того всякою вольностию отечески жалуем. А буде же в таковом же ожесточении и суровости, как и протчие останетесь, и данной нам от Бога высокой власти не покоритесь, то уже неминуемо навлечете на себя праведен наш гнев.

Петр»[1].

[1] Д. № 148. 1774 г. Показание, данное в Исетской воеводской канцелярии приказчиком завода Лугинина Степаном Федотовым Моисеевым 28 декабря 1773 г.

Неутешительные известия получал генерал Деколонг и от Сибирского губернатора Чичерина, к которому он обращался о присылке в помощь войск, и в особенности конницы и если возможно казаков до 1000 человек. На сделанное обращение Чичерин уведомил генерала Деколонга, «что он видит полное оскудение в людях; сколько где не было казаков, все выкомандированы. У меня уже осталось воинских чинов три роты, в коих большая часть из конфедератов и из присланных из армейских полков за вины, но и те отправляются в поход в разные места для усмирения зачавшего уже в крестьянах колебания. Через все сделанные предосторожности вкралась искра в Ялуторовский дистрикт в Утяцкую слободу. Бывшие крестьяне Кудрявцев и Тюменев, с наказанием кнутом сосланные в Нерчинск, ныне вдруг, не знаю как, явились в здешних пределах. Прибегали уже из злодейской толпы от Оренбурга и сделали колебание, некоторые с ними сообщились, отпустили их обратно, а сами стали разглашать вредные слухи. Один, Новогородов, бежал, а прочие схвачены. Такие обстоятельства непосредственно требуют людей иметь. Выписные же казаки если бы и были, то какую надежду показывают, вашему превосходительству известно; отправленные с майором Чубаровым не только успеху не имели, но и сами, по сродству с приписными крестьянами, как и сами они крестьяне же, или же из единой простоты и от страху, никакого военного действия не имели и предались к ним же»[1].

При этом Чичерин делал подсчет тем военным силам, которые им в разное время и в разные места были пересланы в распоряжение генералу Деколонгу: а именно 1786 человек,

[1] Д. № 148. 1774 г. Отношения Чичерина к генералу Деколонгу от 22 января № 527, 6 февраля № 649.

в том числе полными ротами регулярных 739, рекрут 476, выписных казаков для охранения екатеринбургских заводов 405, и в распоряжение Петропавловского коменданта 166 человек.

Бездействие, в котором находился с своими военными силами в Челябинске генерал Деколонг, ободрило мятежников настолько, что атаман Грязнов вновь подступил с своими толпами к Челябинску, заняв деревню Першину. Пойманный из этой толпы крестьянин Калинник Гряткин, «под битьем плетьми», допрошенный 31 января 1774 года в воеводской канцелярии, показал, что атаман имеет квартиру в деревне Першиной в доме Федота Сухоногова, против этого дома стоит и артиллерия. «Атаман ростом не мал, лицом бел, волосы и борода русые, острижен по-казацки, на нем платье — шуба крытая, под ней бешмет голевой, в сапогах, шапка-чебан, опушенная лисицею».

Из показаний других лиц, посланных для разведок как в деревню Першину, так и другие селения, выяснилось, что шайка Грязнова состояла из 400 русских мятежников с семью чугунными пушками, число же приверженных к шайке башкир оставалось неизвестным. Полученные из разных мест известия о волнениях среди населения, в связи с данными о переходе на сторону мятежников близлежащих к Челябинску русских селений, заставили генерала Деколонга опасаться быть отрезанным от главных путей. Начались делаться спешные приготовления к задуманному еще ранее и объявленному населению выступлению. Предварительно же выступления, 11 февраля, предпринята была попытка к рассеянию мятежников, расположившихся главным лагерем в деревне Першиной.

В бой против мятежников назначены были обе легкие полевые команды, 10-я и 11-я, которые, однако, ограничи-

лись исключительно обстреливанием артиллерийским огнем высот, занятых мятежниками. Насколько неэнергично было действие команд, видно из того, что обеими командами было сделано по неприятельскому лагерю 165 выстрелов гранатами, 10 картечью, из ружей же сделано было всего 209 выстрелов. Каковы были потери в лагере мятежников убитыми и ранеными, осталось неизвестным. Трофеями победы генерала Деколонга, оттеснившим мятежников с одной из высот, было 2 орудия и 180 человек пленных. Потеря в нападавших командах ограничилась всего одним убитым погонщиком. Несмотря на малую защитность мятежников, Деколонг не решался продолжать атаки, почему становище атамана Грязнова осталось на прежнем месте в деревне Першиной. Все пленные были переданы в распоряжение воеводской канцелярии для определения им меры наказания, по степени участия в мятеже. 3 февраля, с утверждения генерала Деколонга, определением Исетской воеводской канцелярии все пленные распределены были на нижеследующие категории: 1) 5 человек (отставной каптенармус, 3 крестьянина, один бащкирец), признанные более виновными, за самовольное в воровскую толпу отложение и за сговор к тому других, наказаны кнутом, с вырезанием ноздрей, поставлением указанных знаков и с назначением в ссылку в Азов. 2) 142 человека (преимущественно крестьяне Исетской провинции, за исключением 4-х казаков Сибирской губернии, 5 казаков Челябинских, одного крестьянина Серпуховского посада и одного крестьянина Сибирской губернии), за самовольное в воровскую толпу отложение, наказаны плетьми. 3) 33 человека (крестьяне разных дистриктов Исетской провинции) выпущены без наказания, как захваченные ворами башкирцами и потом уже взятые в плен под городом Челябинском.

ГЛАВА VI

Отступление генерала Деколонга из Челябинска. — Выселение Исетской провинциальной канцелярии и челябинских жителей. — Предначертания А.И. Бибикова о направлении действий Сибирских войск. — Разногласие распоряжений генерала Деколонга с предначертаниями главнокомандующего. — Увеличение области мятежа. — Бунт крестьян Ялуторовского дискрикта. — Волнения киргиз. — Проект Исетского воеводы Веревкина о способах подавления мятежа. — Вступление отряда генерала Деколонга в Шадринск. — Осада мятежниками Долматова монастыря. — Поражение мятежников отрядом генерала Деколонга при Уксянской слободе. — Наказание взятых в плен мятежников[1].

7 февраля 1774 года генерал Деколонг покинул Челябинск с отрядом, состоявшим из двух легких полевых команд (10-й и 11-й) и артиллерии, предприняв движение к Екатеринбургу не по прямому и ближайшему тракту, а обходным путем на Шадринск и Долматов.

Оповещая о своем выступлении генерала Скалона, находившегося в Омске, генерал Деколонг объяснял ему те мотивы, какие заставляли его выбрать этот длинный, окольный путь:

«Многие государственные, экономические и прочих ведомств крестьяне, добровольно, без всякого от злодея при-

[1] «Экстракт, учиненный в Челябинской провинциальной канцелярии, о взятых выходящей из города Челябинска под командою господина генерала поручика и кавалера Ивана Александровича Деколонга, под деревню Першину, партиею из состоящей в той деревне воровской толпы разного звания людях, к чему они виновными оказались и чему за то достойны».

нуждения, — писал Деколонг, — не только к стопам его преклоняются, но рассылая от себя к его партизанам нарочных, призывают в свои жительства, по каковым обстоятельствам, чтобы не расселилось это зло и к Сибирской губернии, а особенно не обладали бы злодеи Екатеринбургским заводом, принужден, с состоящими при мне воинскими командами, выступая из Челябинска, следовать к Екатеринбургу, потому особенно, что злодейские партии поблизости от оного разъезжают. Следование же мое к Екатеринбургу будет через Шадринск и Долматов монастырь, и для того благоволите, ваше превосходительство, следующую ко мне почту отправить в Шадринск, а о самых нужных делах писать на немецком и французском языках, ибо злодеи почты перехватывают прочитывая письма, узнают о всех с нашей стороны предприятиях[1].

За выступившим отрядом Сибирских войск двинулись, по тому же направлению, Исетская провинциальная канцелярия, во главе имея воеводу Веревкина. При канцелярии и под охраною командированных рекрут, из состава находившихся в Челябинске Тобольских рекрутских рот, двигался обоз с делами канцелярии и с денежною казною. Затем следовали, оставя свои жилища и часть имущества, городские обыватели Челябинска с своим бургомистром Боровинским, а также многие крестьяне окольных деревень, опасавшиеся бедствий нашествия мятежников.

Сознавая потребность направления военных сил к екатеринбургским заводам и необходимость подачи этим заводам скорейшей помощи, генерал Деколонг в то же время умышленно замедлял движение своих команд как выбором

[1] Ордер генерала Деколонга генералу Скалону от 16 февраля 1774 г. № 173. Село Воскресенское.

обходного пути, так и продолжительностью самого похода. Очевидно, он не надеялся на стойкость и достаточность своих военных сил для борьбы с мятежниками, почему и предпринял отступление.

Обвинение крестьянского населения в добровольном преклонении пред толпами мятежников, какое делал Деколонг, объясняя причину своего движения на Шадринск, представлялось совершенно несправедливым, так как большинство крестьян переходило на сторону мятежников из боязни позорной смерти и истязаний, в случае оказания сопротивления. Крестьянство искало «охранных грамот» от грабежа и убийства у мятежников, не находя защиты в местных войсках.

Выступление отряда, предводительствуемого генералом Деколонгом, по избранному им пути, было неожиданностью и для местных административных должностных лиц. Шадринский комендант премьер-майор Кёних узнал случайно о движении отряда к Шадринску, когда отряд этот уже находился в Окуневской слободе, т.е. уже приближался с половины дороги к Шадринску.

«Уведомился, что ваше превосходительство изволите близ здешних мест обретаться, — писал Кёних Деколонгу, — того ради, не премину донести о здешних обстоятельствах, которые уже злодейским ядом наполнены: весь Долматов монастырь окружен, да и около здешнего города деревни, не далее верст десять, все неприятельской стороне предались и так теперь проезду никакого нет»[1].

По прибытии в Окуневскую слободу генерал Деколонг получил сведения, что командированные по его распоряже-

[1] Д. № 148. Донесение Шадринского коменданта Кёниха генералу Деколонгу 16 февраля 1774 г.

нию из Петропавловской крепости две роты местного батальона, под командою секунд-майора Фишера, следовавшие из Петропавловска через Шадринск и Долматов, благополучно 31 января дошли до Екатеринбурга и вступили в распоряжение полковника Бибикова[1].

Что же касается до 12-й легкой полевой команды под начальством премьер-майора Жолобова, которой приказано было следовать из Омска кратчайшею дорогою на Ялуторовск и Шадринск, для соединения с отрядом генерала Деколонга, то эта команда была уже в близком расстоянии от пределов Исетской провинции.

Предпринятое генералом Деколонгом движение нисколько не сообразовалось с предначертаниями главнокомандующего Александра Ильича Бибикова.

Озабочиваясь положением дел в Оренбургском крае, Бибиков еще отношением от 20 января (полученным Деколонгом 18 февраля, в Окуневской слободе) просил генерала Деколонга с своими войсками сделать движение к Оренбургу, «показывая вид, что идете к Башкирии, дабы тем сделать диверсию злодею и в то же время транспортировать провиант и фураж для Оренбурга, употребив к тому всю возможность и старание. Сие содействие со стороны вашей крайне необходимо нужно, дабы отовсюду стеснять главную злодейскую толпу и чтобы наискорее освободить Оренбург и весь этот край очистить. Город Кунгур также в опасности находится, будучи уже два раза злодеями атакован и распоряжениями прибывшего туда майора Попова с рекрутами, которых набрал он в Пермской провинции, злодейские толпы не отогнаны. Для чего принужденным нашелся я, для спасения сего

[1] Idem. Донесение майора Фишера генералу Деколонгу 1 февраля 1774 г.

города, послать отсюда на подводах майора и кавалера Гагрина с двумя пушками и с знатным деташементом, предписав ему набрать себе из верных людей, для умножения своей команды, и с ними вместе стараться истребить злодеев, делая над ними возможные поиски. А притом накрепко приказал ему употребить всю возможность, чтобы не допустить злодеев в Екатеринбургскую провинцию ворваться»[1].

Отступление генерала Деколонга от Челябинска было действием совершенно противоположным тем предначертаниям, какие рекомендовались Александром Ильичом Бибиковым.

С удалением отряда к Шадринску поле преступной деятельности мятежников расширялось, причем вся Исетская провинция предавалась на разграбление. Ободренные отступлением войск, шайки мятежников стали быстро проникать и в Сибирскую губернию, опередив своим движением медленное отступление команды генерала Деколонга, почему эта команда уже на всем своем пути встречала взволнованное население, частью предавшееся на сторону мятежников.

Двигавшаяся из Ялуторовска в Шадринск 12-я легкая полевая команда[2], пришедшая в Шадринск 19 февраля, несколькими днями ранее отряда генерала Деколонга, на пути своем встретила уже все население по Сибирскому тракту взволновавшимся мятежом, причем самое деятельное участие в распространении мятежа принимало сельское духовенство приходов, расположенных по тракту, вследствие чего премьер-майором Жолобовым задержаны были и при-

[1] Д. № 148. Отношение А.И. Бибикова к генералу Деколонгу 20 января 1774 г. № 10.

[2] 12-я легкая полевая команда заключала в составе своем 556 человек, из того числа: мушкетеров 282, егерей 48, драгун 63, канониров и фузилеров 32, лошадей 156.

ведены в Шадринск, в числе главных бунтовщиков, совращавших крестьянское население к принятию присяги самозванцу, пономарь Барневской слободы, два священника и два диакона Маслянской слободы.

Остановившись с отрядом на несколько дней в Окуневской слободе и имея намерение от этой слободы двинуться прямо к Шадринску, генерал Деколонг направил по тракту к Ялуторовску следовавшую за отрядом провинциальную канцелярию, предоставив обывателям, покинувшим Челябинск, также следовать за этой канцелярией.

21 февраля Исетская провинциальная канцелярия прибыла в город Исетск, где расположилась до указаний Сибирского губернатора Чичерина, отправив всю казну в Тобольск под охраной конвоя, наряженного от войск и обывателей.

«К несчастию нашему, — доносили рапортом Исетский воевода Веревкин и его помощник Свербеев, — все здешнее население в верности колеблется, также в семидесяти верстах от Исетска винокуренные казенные заводы Ертарской, Бутвинской и Боровлянской, на коих вольнонаемных до тысячи человек народу, все взбунтовались и смотрителя их майора Полякова содержат под караулом»[1].

Волнение распространилось и на население главного Сибирского тракта и путь между Екатеринбургом и Тюменью, по донесению Тюменского коменданта подполковника Устьянцева, был пресечен, «мятежные подзаводские крестьяне по почтовой дороге заняли многие слободы, дойдя до Беляковской слободы, население которой и присовокупилось к их воровскому сообществу. В селе Тугулыме, Тюменского дистрикта, учреждена засека и поставлена из посадских и крестьян вооруженная копьями застава, но только

[1] Рапорт Веревкина и его помощника Свербеева 22 февраля 1774 г.

весьма жалко, что солдат в Тюмени не более 50 человек, и потому злодейский их путь по дороге воспрепятствовать нечем и город Тюмень от нашествия оных злодеев обстоит в крайней опасности»[1].

Население юго-западной части Сибирской губернии, пограничной с Исетской провинцией, во многих местностях переходило к прямому восстанию, почему управитель Ялуторовского дистрикта Бабановский доносил генералу Деколонгу, что «подведомственные ему крестьяне слобод Иковской, Белозерской и Марайской взбунтовались; в Иковской же слободе капитан Смольянинов с командою резервных и отставных солдат долго защищался против мятежной толпы, но после потерь должен был сдаться. Мятежники, перевязав капитана Смольянинова и комиссаров Хахилева, Касьяновского и Щепкина, тирански мучили капитана Смольянинова, сняв с него сначала кожу, повесили, тело же его бросили под гору на съедение собакам. Связанные комиссары, по доставке в Курганскую слободу, под угрозою смертной казни и истязаний, приведены к присяге Петру Третьему и Их Императорским Величествам Павлу Петровичу и Наталье Алексеевне и за сим увезены неизвестно куда. Партия злодейская состоит в Курганской слободе из 700 человек, под командой полковника. От других слободских крестьян того же злодейства ожидать надобно, и по неимению достаточной военно-регулярной команды тех бунтовщиков усмирить нечем»[2].

Волнение, распространившееся среди населения Сибирской губернии и охватившее уже громадную по пространству площадь, отразилось и на Киргизскую степь.

---

[1] Покорный рапорт Тюменского коменданта Устьянцева генералу Деколонгу 18 февраля. № 74.

[2] Д. № 148. Рапорты надворного советника Ялуторовского дистрикта, управителя Бабановского, 25 февраля 1774 г. № 100 — № 167.

Киргизы Средней орды, находившиеся до того времени в спокойствии, сдерживаемые в покорности своими старшинами, а частью и вооруженным состоянием Сибирской пограничной линии, стали чаще переходить эту линию с целью грабежа русских селений. Орда киргиз, напав на слободы Курганскую и Утяцкую, разорив часть этих слобод, взяла в плен многих крестьян. Собравшиеся толпы других крестьянских селений, вместе с крестьянами пострадавших слобод, двинулись в погоню, перебили многих киргиз и, отбив пленных крестьян, получили в добычу 100 верблюдов и до 3000 лошадей. Эта большая добыча, видимо, соблазнила крестьянское население, почему новая вооруженная толпа крестьян в 300 человек, с одной пушкой, перейдя пограничную линию между редутами Песчаным и Алабужским, двинулась в степь для разорения и захвата киргиз[1].

Киргизское население Средней орды, пограничное с Сибирскою линиею, несмотря на все попытки мятежников сделать его своим единомышленником, ограничивалось исключительно набегами с целью грабежа и баранты, а потому, не нападая на крепости и редуты, а пользуясь общим замешательством в крае, оно лишь участило свои набеги на русское крестьянское население, грабя как мятежников, так и мирных сельских обывателей.

Насколько киргизы не причастны были мятежническим замыслам, доказательством тому может служить то, что у некоторых административных деятелей, заинтересованных скорейшим умиротворением края, возникали даже проекты о восстановлении спокойствия и порядка среди мятежного русского населения призывом киргизских орд.

Такой оригинальный проект был представлен в Правительствующий Сенат для донесения Ея Императорскому

[1] Д. № 148. Рапорт Петропавловского коменданта Сумарокова 21 февраля. № 436.

Величеству, а также был сообщен генералу Деколонгу Исетским воеводою Веревкиным, с общими соображениями о способах к скорейшему водворению порядка.

«Я, как прямой сын отечества, — писал Веревкин генералу Деколонгу, — под смертной казнью осмеливаюсь вашему превосходительству прямо утверждать, что в линейных крепостях, со всеми их гарнизонами, ни малейшей государству, а особливо всей Исетской провинции, надобности нисколько нет. Все оные гарнизоны с их командирами, бригадирами и многими господами полковниками в нынешнее крайне важное и нужное государству время теперь в крепостях своих без малейшей службы находятся. А если бы оные все выведены были вашим превосходительством, бросив свои крепости, которые нисколько ничего не стоят, исключая провианта, внутрь провинции в пригороды, то бы от оных наиважнейшая и преполезнейшая польза государству последовала. Исетскую провинцию на линии множество крепостей, с немалым числом гарнизона, заграждают или закрывают расстоянием не менее 600 верст, а все русские селения преклонились самопроизвольно воровской злодейской толпе. Всенижайше представляя, прошу, дабы благоволить изволили, от всех крепостей, не оставляя ни в одной, господ комендантов снять со всеми их гарнизонными командами и вывести внутрь провинции в пригороды и особливо в Исетской провинции и Сибирской губернии, на сей же случай призвав и киргиз-кайсаков и послав на все те бунтующие слободы разорение. Обо всем мною представлено в Правительствующий Сенат для донесения Ея Императорскому Величеству»[1].

[1] Д. № 148. Рапорт Исетского воеводы Веревкина генералу Деколонгу 27 февраля 1774 г.

Одновременно с приведенным проектом, осуждавшим существовавшую систему военных действий к подавлению мятежа и возлагавшим надежды на киргизское население, как на пособника для правительственных мероприятий при водворении спокойствия, генералом Деколонгом получались постоянно донесения от начальников дистанций Сибирской пограничной линии о существовавшем будто бы опасении и нападении со стороны киргиз и о недостаточной защитности крепостей и редутов, в случае нападения киргиз и мятежников.

Участившиеся грабежи и набеги киргиз в районе Петропавловской дистанции устрашили коменданта Петропавловской крепости бригадира Сумарокова, который потому также просил у генерала Деколонга распоряжений для усиления состава войск, в особенности в крепостях его дистанции, как сопредельной с местностями Сибирской губернии, объятых мятежом. При этом Сумароков указывал, что в ведении его дистанции, т.е. на пространстве линии от редута Песчаного до Петропавловска, считая в том числе и Петропавловскую крепость, не осталось ни одного батальона, за выкомандированием 2-х рот в Екатеринбург, также в плохом состоянии находился в крепостях и редутах состав артиллерийских орудий[1].

---

[1] Д. № 148. Ведомость, учиненная о состоянии артиллерии по новой линии:

1. Редут Песчаный — чугунная пушка 3-фунт. 1
2. Крепость Пресногорьковская — чугунных пушек 3-фунт. 2
   1 1
3. Редут Пресногорьковский — чугунных пушек 1-фунт. 1
4. Крепость Кабанья — чугунных пушек 3-фунт. 1
   2 1
   1 1
5. Редут Преновский — чугунных пушек 2-фунт. 1
6. Крепость Пресновская — чугунных пушек 3-фунт. 1
   1 3

23 февраля генерал Деколонг вступил с своим отрядом в Шадринск. Этот город, составлявший центр управления Шадринского дистрикта Исетской провинции, в военно-административном отношении принадлежал к Зверинологовской дистанции, заключавшей в своем составе крепости: Зверинологовскую, Усть-Уйскую, Крутоярскую и пригород Шадринск. Боевые регулярные силы этой дистанции заключались в одном батальоне, части которого размещены были в поименованным крепостях с их редутами и в г. Шадринске. Всех регулярных войск в Шадринске насчитывалось не более одной сотни из состава рядовых Зверинологовского батальона[1].

Соединившись в Шадринске с 12-ю легкою полевою командою, получая со всех сторон известия о распространении мятежа с просьбой об оказании помощи, генерал Деколонг долгое время не знал на что решиться.

---

7. Редут Болотокольцевый — чугунных пушек 3-фунт. 1
1 3
8. Редут Сенджарский — чугунных пушек 2-фунт. 1
9. Крепость Становская — чугунных пушек 3-фунт. 1
1 1
10. Редут Гагаринский — чугунных пушек 1-фунт. 1
11. Маяк — чугунных пушек 3-фунт. 1

[1] Д. № 149. Рапорт Зверинологовского коменданта полковника Эстко «О состоянии дистанции Зверинологовской за февраль месяц 1774 г. в крепостях и ведомствах оной в пригороде Шадринске Зверинологовского баталиона»:

1. Зверинологовская крепость: регулярных войск из состава бат. 44 и ч. иррегулярных казаков 24, башкир 14.

2. Усть-Уйская крепость: регулярных 134 ч., иррегулярных казаков 9, башкир 8.

3. Крутоярская крепость: регулярных 125 ч., иррегулярных казаков 9, башкир 9.

4. Пригород Шадринск: регулярных 125, из того числа командированы в Екатеринбург 23, в команде для преследования мятежников 27, в Зверинологовске 10.

Опасаясь за свой тыл, он оставил намерение идти к Екатеринбургу, несмотря на то что осажденный мятежниками Долматов монастырь давно уже ожидал его помощи.

Еще с 11 февраля Долматов монастырь выдерживал нападение мятежников благодаря энергичной деятельности экономического казначея секунд-майора Заворотного и иеромонаха Вонифатия, воодушевлявших к защите крестьян, укрывшихся за стенами монастыря.

Осаждавшею монастырь толпою мятежников командовал пугачевский полковник Прохор Нестеров с помощниками: есаулом Тимофеем Тараканом и сотником Никитою Бушуевым.

Из дневника, веденного во время осады секунд-майором Заворотным, представленного генералу Деколонгу, видно, что осадное положение монастыря длилось с 11 февраля по 1 марта.

Первого марта, в одиннадцатом часу пополудни, монастырцы увидели, вниз по реке Исети, вдали густой дым: то бежали от Шадринска толпами злодеи к селу Николаевскому, где забили в набат с колокольни для общего сбора бежавших. Собравшись в селе Николаевском, мятежники стали скоро выезжать по дороге к Теченской слободе, по направлению к Челябинску. Видя замешательство мятежников и предпринятое ими движение к отступлению, монастырцы производили по толпе, с пяти бастионов, пушечную и ружейную стрельбу, а затем отправили из монастыря для поимки команду в 40 человек, «которою немало злодеев побито, до смерти ранено, а живых больше 40 человек приведено в монастырь, причем от злодеев отбита одна трехфунтовая пушка и три мортиры».

Поводом к столь неожиданному для монастырцев отступлению мятежников было известие о предпринимаемом будто бы генералом Деколонгом движении со всеми своими силами к Долматову.

Генерал Деколонг, имея в своем распоряжении три легких полевых команды, видимо, не считал достаточным этих сил против мятежников и потому предпринимал, лишь по временам, из Шадринска небольшие вылазки против мятежнических шаек, бродивших по окрестностям. Наиболее сильное поражение войсками его отряда во время вылазок нанесено было мятежникам 9 марта 1774 года при Уксянской слободе.

Выступив из Шадринска с отрядом в 900 человек и артиллерией, под слободою Уксянскою, отстоящею в 42-х верстах от Шадринска, Деколонг встретил толпу мятежников в 7000 человек с 31 орудием.

Не доходя помянутой слободы под деревнею Голухиною, несмотря на превосходство силы бунтовщиков и глубокие снега, препятствовавшие установить позицию, он разбил наголову мятежников, «обратя их в бег, куда кто поспел и как слышно, — писал Деколонг, — кои не пришли в чувство, ударились к Челябе, а другие по своим домам, из коих с повиновением у меня ныне являются.

Побито примерно до тысячи с лишком, в плен взято и захвачено бывших в Куртамышском гарнизоне и в других местах военных разных наших чинов 28, да разного звания людей 130 человек». Вся артиллерия мятежников попала в добычу отряда Деколонга, а именно: 27 пушек, 4 мортиры с большим числом снарядов.

Оповещая генерала Скалона об успехе своих военных действий, генерал Деколонг писал ему, что этот пример гибели мятежников, «устрашая их, обращает просто в невежество погруженный народ на путь истинный, который великими толпами, приезжая из деревень, является с повиновением, а отсюда, по увещании, отпускается в их жительства. Теперь

при сем благополучии здешние окрестные места остаются как будто в безопасности»[1].

Взятые в плен мятежники были преданы суждению Шадринской управительской канцелярии, определение которой было конфирмовано 18 марта 1774 года генералом Деколонгом.

Из числа осужденных 26 человек приговорены были к смертной казни через повешение, 44 человека, «дабы им впредь чинить было не повадно, в страх другим, наказаны плетьми», 4 человека биты батожьем.

Среди повешенных были 10 казаков Тюменского ведомства, главная виновность которых заключалась в том, что будучи командированы из Тобольска в Екатеринбург для зашиты заводов, предались на сторону мятежников в Кыштымовском заводе Демидовых и при пособничестве бунтовщиков связали своих командиров майора Чубарова и поручика Кологривова, связанных отвели к пугачевскому полковнику Ивану Никифорову Грязнову, имевшему в то время пребывание на Косатурском заводе. Предавая своих командиров в руки мятежников, просили их повесить, и эта просьба тогда же была выполнена по приказанию Грязнова, после чего поступили в команду этого Пугачевского атамана, ходили с ним под Челябу и неоднократно сражались с войсками генерала Деколонга.

Остальные лица, над которыми приведена была в исполнение позорная казнь, были преимущественно заводские и Исетской провинции крестьяне, уличенные в распространении мятежа и взятые в плен при Уксянской слободе с оружием в руках.

В числе лиц, взятых в плен из толпы мятежников и также сужденных Шадринской управительской канцелярией, был священник села Иванищевского Иван Федоров Некрасов.

---

[1] Ордер генерала Деколонга генералу Скалону 12 марта 1774 г. № 28. Шадринск.

Этот священник признан был виновным в том, что когда по приглашению крестьян села Иванищевского толпа мятежников, предводительствуемая крестьянином Гусевым, вступила в это село, он встретил мятежников в епитрахили, с крестом и колокольным звоном, затем читал привезенный Гусевым указ от третьего императора и служил молебен за этого императора. По окончании же молебна, взяв вина из питейного дома в свой дом, пил за здравие третьего императора. О виновности Некрасова определение Шадринской управительской канцелярии, конфирмованное генералом Деколонгом, было следующего содержания: «Хотя священник Некрасов по всем государственным правам подлежит смертной казни, но как он духовного чина, то об нем представить в главное рассмотрение высшей команды»[1].

На основании обнародованных Святейшим синодом 20 марта 1774 года печатных увещаний священник Иван Некрасов в числе пятнадцати священно- и церковнослужителей Тобольской епархии, а именно священников: Федора Зубарева, Лаврентия Антонова, Якова Лапина, Петра Лапина, Егора Бардакова, Ивана Андреева, Федора Болярского, Саввы Вавильева, Ивана Хитрова, Степана Хабарова, Федора Луккова, Ивана Гусева, причетников Тимофея Бурцева, Павла Новопашенного — извержен был из священства, отлучен от церкви, предан проклятию, лишен сообщения православных христиан и затем предан был гражданскому суду[2].

---

[1] Д. №. 140. 1774 г. «Экстракт, учиненный в Шадринской управительской канцелярии о коснувшихся в злодейскую вора Пугачева толпу разных жительств служащих казаков и крестьян, пойманных при бывшем в 9-е число сего марта под Уксянской слободою сражении». (1) Приложение 2.

[2] Д. Тобольского губернского архива (дела Архива Тобольской Духовной Консистории № 313 за 1773—1775 гг.) — письмо Тобольского архиепископа Варлаама к Сибирскому губернатору Чичерину 9 января 1775 г.

ГЛАВА VII

Движение отряда премьер-майора Эртмана. — Бой при Пуховой слободе. — Казнь трупа атамана Ковалевского. — Составленный Сибирским губернатором Чичериным реестр главным бунтовщикам и изменникам в слободах Сибирской губернии. — Уведомление Чичерина о действиях высланных им отрядов на главном Сибирском тракте к Туринску и Краснослободску. — Движение команды секунд-майора фон Трейблюта. — Объявление командовавшего на Сибирской пограничной линии генерал-майора Скалона крестьянам возмутившихся слобод Исетской провинции и Сибирской губернии. — Действия отряда Эртмана при слободах Иковской и Курганской. — Движение этого отряда к слободе Утяцкой. — Признание Сибирским губернатором Чичериным влияния духовенства на развитие мятежа в Сибири. — Поимка атамана Новогородова. — Предложение А.И. Бибикова генералу Деколонгу о направлении его действий к Екатеринбургу или к Башкирии.

Получив донесение от коменданта Петропавловской крепости бригадира Сумарокова о неспокойном состоянии киргиз, ввиду нападения на их аулы крестьян Сибирской губернии, а также донесение управителя Ялуторовского дистрикта надворного советника Бобановского о беспорядках в многих слободах, генерал Деколонг сделал распоряжение, чтобы следовавшая из Кузнецка 13-я легкая полевая команда под начальством премьер-майора Эртмана повернула от г. Петропавловска к северу, а именно по направлению к Ялуторовску.

20 февраля премьер-майор Эртман прибыл с командою в Петропавловск и 24-го был уже в селе Голышманове, при-

ближаясь к Курганской слободе, получив указания генерала Деколонга: «По возможности, как эту слободу, так и другие в бунт вступившие, стараться очищать от злодеев не только прогоняя, но и истребляя».

Для усиления кавалерийского состава следуемой команды прикомандировано было к ней 50 человек казаков с Сибирской пограничной линии, так как вообще при поисках и преследовании мятежников, толпы которых в большинстве состояли из всадников, встречался недостаток начальниками команд в кавалерии[1].

Возложенное поручение премьер-майор Эртман выполнял с большим успехом: разбивая и преследуя мятежников, он водворил спокойствие во многих слободах и деревнях Сибирской губернии.

4 марта премьер-майор Эртман с своею командою прибыл в слободу Осиновую. При рекогносцировке местности и поисках командированным отрядом, под начальством капитана Орешкова, обнаружено было, что во всех соседних деревнях, прилегающих к слободе, находятся значительные скопища бунтовщиков, нападавших на отряд во время исполнения данного ему поручения. Потерпев неудачи при столкновении с отрядом, толпы мятежников из разных деревень двинулись вниз по Тоболу к слободе Пуховой. 6 марта вся команда премьер-майора Эртмана выступила из деревни Шадриной к Пуховой слободе, получив по разведкам сведения, что в этой слободе состоялось соединение всех мятежнических сил. Не доходя верст шесть до слободы, команда встречена был этою толпою, рассыпавшеюся на обширном пространстве и начавшею производить нападение отдель-

[1] Ордера генерала Деколонга генералу Скалону № 205, 24 февраля, № 232, 28 февраля 1774 г.

ными своими частями. Несмотря на глубокий снег, затруднявший движение, и на беспрестанные с разных сторон нападения мятежников, команда не переставала продвигаться, удачно обстреливая мятежников и нанося им существенные потери. Находясь в полутора верстах от слободы, команда перешла в наступление, ударив всеми своими силами на мятежников, которые скоро пришли в замешательство.

Мятежники, атакованные драгунами под командою поручика фон Трейблюта и казаками под командою прапорщика Черноусова, не выдержали натиска и обратились врассыпную, очистив слободу.

По показаниям лиц, бывших в плену у мятежников и освобожденных, по рассеянии их скопища, численный состав всей толпы, разбитой при этой слободе, простирался до 3000 человек, в значительной части состоявшей из донских и яицких казаков, а также башкир. Положено было на месте убитыми до 600 человек мятежников и отобрано было: пушек чугунных на лафетах 5-фунтовых 2, 3-фунтовых 3 и фунтовых одна; ядер 3-фунтовых 250, гранат 245, казачьих пик 500. Взято в плен 130 человек.

Предводитель мятежников атаман Ковалевский, преследуемый казаками команды прапорщика Черноусова, был убит. Главный же сообщник его хорунжий Матвей Скорин взят был в плен. «В страх другим, в доказательство того, что это государственные злодеи, воры и разбойники», труп атамана Ковалевского был повешен в слободе Пуховой, рядом с ним на той же виселице повешен был и ближайший его сотрудник Скорин[1].

После разбития злодейской толпы под Пуховою слободой, писал Чичерин генералу Деколонгу, «поисками и рас-

[1] Донесение премьер-майора Эртмана генералу Скалону 7 марта 1774 г. Слобода Пухова.

спросами изменников и возмутителей явно открылось, что все слободы заражены были изменою и предательством, благоразумным же и храбрым поступком премьер-майора Эртмана началось истребление их.

Уповаю, произвело в слободах раскаяние. Он теперь следует по стоящим рекою Тоболом слободам; есть ли не встретится ему сопротивления, надеюсь, сии слободы очистит. Но, однако, остающимся за спиною его доверять нельзя, не можно думать, чтобы хотя малым числом-де не скрывались злодеи. Жители по вкоренившемуся в них умыслу страхом только теперь объяты, а в самом деле весьма долго останутся сомнительными. Другие же слободы, будучи не по пути г-ну Эртману, по сие время еще не приходят в раскаяние и тем непосредственно наносят опасность»[1].

При этом письме Чичерин препроводил генералу Деколонгу «реестр главным бунтовщикам и изменникам, имена которых дознаны были от лиц, взятых в плен при слободе Пуховой»:

Белозерская слобода: староста Яков Мельников, рукоприкладчик Кирил Попов, казачий сотник Михей Топорков, казак Григорий Лагунов (усерднейший злодей), казак Федор Жерноков (беглый из команды Деколонга), солдат Никита Пуртаф, 8 человек крестьян Белозерской слободы, крестьянин Исетского пригорода Башкирцев.

Иковская слобода: староста Филат Быков, рукоприкладчик Федор Шорин, посланные из слободы к злодеям поверенные крестьяне: Иковской слободы Арсений Чунин, Кизакской слободы Федор Замаралов.

Марайская слобода: староста Иван Высоких, рукоприкладчик Петр Сафонов, пушкарь Иван Меньшиков, казак

---

[1] Д. № 149. Письмо Чичерина генералу Деколонгу 18 марта 1774 г. № 1169.

Иван Урванцев, сборщик Василий Шмаков, отвозивший деньги мятежникам, целовальник Ягев, целовальник Назаров.

Курганская слобода: староста Комшилов, крестьяне Гонцов, Катанаев; священник слободы Лаврентий Антонов, главный предатель и изменник; отставной дьячок Гавриил Кошкарский, приведший толпу мятежников в Курган.

Усть-Суэрская слобода: староста Филипп Неупокоев, сотник Осип Коркин, сотник Василий Топорков, копеист Василий Прогопопов, казаки: Антон Шишков, Афанасий Десятов, Прокопий Десятов, Прокопий Попов, крестьяне: Скрябин, Пиригримов.

Суэрской острог: старшина Тихон Смолокуров.

Утяцкая слобода: атаман Авраам Широносов.

Солтарайская слобода: атаман Карп Дубровин, есаул Родион Слудков.

Верх-Суэрская слобода: староста Петр Мурашев, крестьяне: Ошурков, Конорин, Привиков, сотник Кокорин.

Кизакская слобода: выборный Евдоким Журавлев, крестьяне: Погадаев, Замиралов, Туманов, Банин.

Дворовый человек коллежского асессора Павлуцкого Федор Калугин, один из главных злодеев, состоял атаманом у возмутившихся крестьян.

В особенности Денис Иванович Чичерин просил вменить командам о поимке тех, которые первые внесли зло мятежа в Утяцкую слободу, сделав возмущение, а именно: Андрея Тюменева и главного злодея Семена Новогородова.

Дальнейшее следование команды Эртмана шло через слободы Казакскую, Верх-Суэрскую и Марайскую. Всюду крестьянское население, приносившее раскаяние, приводилось к подтвердительной присяге. В Кизакской слободе находившаяся партия мятежников в несколько сот человек

при приближении команды разбежалась; задержанный же атаман этой партии есаул казак Арзамасцев отправлен был в Тобольск в распоряжение губернатора[1].

«С другой стороны, — писал Чичерин Деколонгу, — к городам Шадринску, Краснослободску и к Тюмени возмущения и предательство по всем слободам, селам и деревням так рассыпались, что осталась только ближняя к Туринску и к Московскому тракту Ирбитская, а в Краснослободском Курганская и Чюбаровская слободы. Однако посредством доставленных туда команд, не оставляя нисколько в Тобольске, собранные и вооруженные там люди, будучи подкреплены, не могли поколебаться. Высланные из Тюмени Краснослободска и Туринска обер-офицеры, благоразумно предводительствуя, в немалом числе начали очищать селения. Беляковская слобода, более других будучи занятая, разбитием злодейской партии очищена, жители в верности утверждены. Прочие села и деревни, по вступлении команд, также приходят в раскаяние. Екатеринбурго-Тюменская дорога очищена высланными из Тюмени Тобольскими командами при порутчике Раздуеве, который, разгоняя толпы, слободы утвердил вновь присягою. Отправленными же из Тобольска в Краснослободск командами под предводительством капитана Плешивцева и подпоручика Феофилова злодейские партии разбиты, слободы Екатеринбургского ведомства Пышминская и Краснослободская, Юрмыцкая, Уяровская, Учецкая, Байкодовская и Юрмач покорены и присягою утверждены. Главные возмутители и предводители переловлены, из которых большая часть священники»[2].

---

[1] Донесение премьер-майора Эртмана генералу Скалону 16 марта 1774 г. Слобода Марайская.

[2] Д. №. 146. Письмо Чичерина генералу Деколонгу, 20 марта 1774 г. № 1216.

На просьбу генерала Деколонга о присылке еще рекрут из Тобольска для подкрепления ими гарнизона в Челябинске Чичерин, уведомляя, что он исполняет это желание и посылает 100 вооруженных и обмундированных рекрут, жаловался на недостаток офицеров и на неблагонадежный контингент существующего состава:

«Из офицеров у меня остались только известные вашему превосходительству четверо: Р. М. Р. Э. Я с и прискорбием взираю на них, сожалея, что сия негодная саранча, произросшая для человека, хлеб пожирает, сии твари посрамление не только чину, но и роду человеческому. Вся моя надежда в Тобольске — один плац-майор и один капитан, из них последнего нахожусь принужденным отправить в Челябинск».

Обнаруженная при борьбе с мятежниками неблагонадежность состава казачьих команд, снаряжавшихся из выписных и городовых казаков, часто изменнически передававшихся на сторону бунтовщиков и выдававших без всякого сопротивления своих командиров на позорное истязание, выдвинула вопрос о необходимости увеличения регулярной кавалерии при легких и полевых командах. Необходимость в кавалерии встречалась при каждом столкновении с мятежниками, которые только с помощью кавалерии и могли быть задерживаемы при уклонении их от прямой борьбы с пехотными регулярными командами.

Поэтому соглашением генерала Деколонга с Сибирским губернатором, подписанным обоими 20 марта 1774 года положено было при каждой полевой команде из одной пехотной сформировать по одной конной роте[1].

---

[1] Текст состоявшегося соглашения:

По указу Ея Императорского Величества командующий над Сибирскими войсками генерал-порутчик и кавалер Деколонг, генерал-порутчик Тобольской губернии губернатор и кавалер Чичерин, имея

По поводу сформирования конных рот местною властью, без испрошения на то распоряжения Военной коллегии, Чичерин писал Деколонгу: «Я не сумневаюсь, чтобы высшия правительства сие не изволили принять за благо, что издержание малой суммы казны может быть избавлением от гибели целых провинций».

В видах восстановления спокойствия на линии, а главным образом для предотвращения нападения тобольских крестьян на киргизские аулы, сформирована была, по распоряжению генерала Деколонга, команда из войск, расположенных по крепостям и редутам Сибирской линии, под начальством секунд-майора фон Трейблюта, в составе 442 человека при 4-х орудиях (316 регулярных, 103 иррегулярных, 22 артиллерии). Этой команде, двинутой из Омска, поручено было проследовать до редута Песчаного и затем идти на Курган селениями для соединения с 13-ю легкою полевою командою, водворяя спокойствие в мятежных селениях и приводя к подтвердительной присяге жителей[1].

сношениями рассуждение, что при нынешних возмутительных обстоятельствах, как злодейские толпы довольно усилены конницей, за малоимением той в войсках вверенных мне генералу-поручику кавалеру Деколонгу, важнейший над злодеями поиск чинить невозможно и злодейские толпы везде по разбитии будут, сии подлые ничем только всегда от истребления уничтожаются, ныне, упреждая приездом в жительство, возмущают и разоряют. Что же до войск, у которых команды из выписных сибирских казаков, то многими опытами доказано, что кроме злодейства и измены от них ожидать не можно. И для того за полезное находя для скорейшего истребления сих злодеев и охранения от возмущений жительства согласно определили учредить при каждой легкой полевой команде из одной пехотной роты конную; всею принадлежащею амуницией снабдить из тобольских цейхгаузов лошадей, сколько возможность допустит, собрать от бунтовавших слобод, и ежели того какие невозможности сделать не допустят, то исправить покупкою, непродолжительным временем, поставя все оное на счет, какое повеление будет от высшего правительства. 20 марта 1774 г.

[1] Д. № 146. Рапорт генерал-майора Скалона генералу Деколонгу 20 марта 1774 г.

Опасаясь влияния мятежа, возникшего среди селений, прилегающих к Сибирской пограничной линии, генерал Скалон, временно командовавший линейными войсками, в видах умиротворения взволнованного населения, обращался с нижеследующим объявлением к крестьянам Исетской провинции и Сибирской губернии:

От генерала-майора и кавалера Скалона
ОБЪЯВЛЕНИЕ

«Удивительное дело, что сибирские крестьяне в Куртамышском и в протчих около оного неподалеку ведомствах превратились к такой же стороне известного возмутителя и разбойника, который было появился в Оренбургской губернии, и коей его ж самыми сообщниками, по раскаянии от злодейства, увезен в Санктпетербург.

Совокупясь с некоторыми магометанцами, истинными бусурманами, всему и христианскому роду истребительными крайними злодеями, чинят такие ж возмущения, к действительному своему ж собственному разорению, которое в самом деле от войск Ея Императорского Величества уже много видят: сколь великое число побито и другими образы истреблено.

Но между тем сожалетельно таких, кои к сему ни малейшего участия не имеют, а поневоле в том протчими самыми злодеями, на тот путь богомерзкий ведомы, пачеже жен и детей их, которых души погибшие совсем не знают про то, а потом лишаться всего бывшего к их благополучному житию и изобилию.

Императорское Величество наша Всемилостивейшая Государыня, по природному своему матернему ко всему ее отеческому милосердию, оное к раскающимся от злодейства сколь велико простирает, о том всякому давно известно.

То я, последуя сему, всем вообще и каждому особливо таким жителям, будучи ослепленным обольщением от подосланных подговорщиков, от истинного моего сердца объявляю, чтобы от таких неполезных себе возмущениев, раскаяся как перед Богом, так и перед Ея Императорским Величеством, чистосердечно конечно, не только б отстали и совсем удалились и приходили к командирам военным или гражданским, где только кому способно будет, без всякой боязни.

Уверяю притом точно, что они непременно от Ея Императорского Величества со всеми бывшими преступлениями всемилостивейше прощены будут.

Такие, которые на сие обратятся, старались бы поколику возможно протчих, оставшихся и шатающихся, так, как и башкирцев в закоснелости пребывающих, ловить и приводить к тем военным и гражданским командам. Если же, паче чаяния, оттого не отстанут, то уже паки без всякого помилования увидят дальнейшее и не малое, как ныне, но вящее от войск истребление. Уверяю от истинности и сожаления моего таковых, пропадающих. Впротчем к раскающимся пребываю благосклонным».

10 экземпляров этого объявления отослано было премьер-майору Эртману для распространения среди крестьянского населения взволнованного мятежом Ялуторовского дистрикта. 4 экземпляра было вручено секунд-майору фон Трейблину, двигающемуся с своим отрядом с Сибирской линии в Ялуторовский дистрикт. Один экземпляр вручен был в Омске, 19 марта, генералом Скалоном крестьянину Сибирской губернии в надежде на его пропаганду среди населения[1].

[1] Д. № 43. Журналы по секретной части, по экспедиции Пугачева. Объявление генерала Скалона 13 марта 1774 г.

Объявление это не имело успеха, крестьянское население Исетской провинции и Сибирской губернии не переставало волноваться, несмотря на уверение начальников команд о совершившейся будто бы выдаче самозванца в руки Правительства.

Разбив мятежников под Пуховою слободою, премьер-майор Эртман, подвинувшись вниз по течению Тобола и остановившись в Иковской слободе, предпринял поиски злодейских партий к слободе Курганской.

Посланный Эртманом 18 марта для разведок из Белозерской слободы солдат Афонасьев захвачен был курганцами и повешен. Поэтому для получения сведений о мятежниках 19 марта была командирована егерская команда под начальством подпоручика Лосенкова с 20 драгунами, 50 казаками при прапорщике Черноусове и одном орудии. Эта команда доходила до Белоярской деревни и затем возвратилась, рапортовав об огромном скопище мятежников. Едва только команда возвратилась к отряду, караулом досмотрена была огромная бегущая толпа мятежников в 5000 человек по направлению от Кургана к Иковской слободе, к месту расположения отряда. Барабанною тревогою команда выстроена была во фронт для принятия нападения. Толпа, окружа слободу, рассыпалась партиями; превосходство ее сил заставило премьер-майора Эртмана укрепиться батареями в слободе, открыв по мятежникам артиллерийский огонь, 21 числа мятежники, выбрав в версте от слободы позицию и поставив там свои орудия, укрепились шанцами и открыли сильную пальбу, совершенно, однако, безвредную для защитников слободы. 22 числа на рассвете премьер-майор Эртман предпринял атаку, отрядив секунд-майора Фадеева с одною мушкатерскою и одною конною ротами, а также с казаками, приказал наступать на укрепленные неприятельские батареи.

Эта команда дружным натиском скоро овладела неприятельской позицией, захватив две 3-фунтовых пушки.

Видя успех высланной команды, Эртман двинулся на неприятеля с остальными силами. Потеряв укрепленную позицию и видя сильный натиск регулярных войск, которые меткими ружейными выстрелами наносили чувствительные потери, мятежники пришли в замешательство и бросились в бегство по направлению к Курганской слободе. При преследовании бежавших захвачено было в плен крестьян и отставных солдат 52 человека, из числа которых, по разбирательстве, некоторые в страх другим повешены и поколоты, другие с достойным наказанием в домы свои отпущены. По показаниям лиц, захваченных в плен командою, численность нападавшей мятежнической толпы простиралась до 5000 человек, в составе которой большая часть была башкир и яицких казаков. Побито было злодеев при преследовании 700 человек, «но еще чаять можно и более, потому два дня они побитые тела затаскивали и хоронили в снег». Потери команды были ничтожны, убито 5 нижних чинов, тяжело ранено 5 нижних чинов. Донося генералу Деколонгу об успехе оружия своей команды, премьер-майор Эртман в особенности лестно отзывался о действиях секунд-майора Фадеева.

«Все состоящие в команде моей обер-офицеры, — доносил Эртман, — каждый по своему званию твердое неустрашимое множество производили, а не меньше того унтер-офицеры, капралы, нижние чины с достойною похвалою»[1].

24 марта премьер-майор Эртман вступил без сопротивления в Курган, так как мятежники отступили к Утяцкой слободе: «Каково число мятежников, — писал Эртман, —

[1] Д. № 146. Донесение премьер-майора Эртмана генералу Деколонгу 22 марта 1774 г. № 198. Слобода Иковская.

достоверно знать не могу, но от них не предвижу никакой опасности, потому что они имеют всего две самые малые пушки, пороху же вовсе имеют недостаточно»[1].

Мятежническая толпа, собравшаяся в Утяцкой слободе, находилась под командою атамана Семена Новогородова и есаула Тимофея Бурцова, о поимке которых, в особенности Новогородова, так озабочивался Денис Иванович Чичерин.

Соединясь с командою секунд-майора фон Трейблюта, шедшей с линии от редута Песчаного, премьер-майор Эртман 28 марта отправил эту команду вперед к слободе Утяцкой до деревни Фатерской. 29-го, оставив в Курганской слободе весь обоз под прикрытием небольшой команды, выступил со всеми силами также к деревне Фатерской, где узнал, что предводитель мятежников атаман Новогородов, оставя две чугунные пушки, бежал с толпою не более 200 человек; остальные мятежники, в большинстве крестьяне, рассеялись и разбежались по селениям.

Донося об успешных действиях своей команды, Эртман удостоверял генерала Деколонга и Сибирского губернатора Чичерина, что пройденная его командою местность со всеми слободами находится в полной покорности.

Заинтересованный в деле умиротворения мятежа Денис Иванович Чичерин, зорко и постоянно следивший за всем ходом событий, волновавших сибирское население, писал в конце марта 1774 года генералу Деколонгу:

«По милости Божией злое пламя утихает, злодейские толпы высланными командами разогнаны, слободы приведены в покорность, так что по выступлении команд под-

[1] Донесение премьер-майора Эртмана генералу Деколонгу 25 марта 1774 г. № 218.

говорщиков сами ловят и ко мне приводят. Всему причина пьяные наши попы. Вчера ко мне привели из Байкаловской слободы, который не только первый возмутитель, но и сам ездил в злодейскую толпу, перевязавшись по их обычаю белою холстиною, уговаривал и склонял злодеев вступить в оную слободу и привел оных. При сражении под деревней Кобылкиной сам предводительствовал, при разбитии бежал в стоянку разбойника и атамана Ковалевского и там в сражениях против премьер-майора Эртмана предводительствовал. По разбитии бежал в главную толпу, где и против вашего превосходительства в сражении был. По истреблении вами той толпы возвратился в свою слободу с радостным объявлением тем крестьянам, что команда ваша разбита и ваше превосходительство взяты в плен. Уверяет, что он сам видел Императора и что он со всеми силами поворотил к Тобольску. Усиленно склонял к измене, чтобы немедленно ехали они в помощь. Однако случившеюся командою подпоручика Феофилова, разъездными гусарами, по уведомлении крестьян, схвачен и приведен сюда.

Таковых же двух попов ведут ко мне из Беляковской слободы.

Курганской слободы поп Лаврентий Антонов, как ныне оказалось, еще в генваре месяце ездил в Оренбург в злодейскую толпу, увещевая оных прийти в Курган и в Утяцкую слободу. Все крестьяне к принятию злодеев от него склонены были. Крестьянам же дал такое злодейское наставление, присоветовав, чтобы все оные добровольно единодушно вооружились и затем соединились с военною командою под видом отражения злодеев, так как военная команда, видя их своими сотоварищами, не будет их опасаться, тогда ее всю легко схватить будет можно, что и исполнено.

Он был главным атаманом и командиром слобод Курганской, Утяцкой, Иковской, первый был советник смертной казни взятых офицеров. Ваше превосходительство, прошу предписать г-ну премьер-майору Эртману, о чем от меня писано, чтобы как наивозможно старался его схватить. Впрочем, милостивый государь мой, у нас все благополучно, только я как курица вынеслась, выкомандировав во все места людей. Моя осталась надежда — одни сограждане, которые все вооружились, а оставшиеся солдаты самые сущие злодеи, которых давно уже по десяти раз должно было повесить. Из Петербурга и Казани никакого известия не имею, одно только то, что герцог Курляндский женился на дочери покойного князя Бориса Григорьевича Юсупова.

Как мы ныне постимся, так и вашему превосходительству посылаю осетра и постный желе, желаю кушать на здоровье»[1].

По последовавшим поискам разбежавшихся мятежников из Утяцкой слободы командированною премьер-майором Эртманом командою егерей, под начальством сержанта Зыкова, 3 апреля был пойман атаман Новогородов[2], который тогда же за крепким караулом был отправлен в Тобольск в распоряжение Дениса Ивановича Чичерина.

Отступление генерала Деколонга с главными военными силами к Шадринску вызвало общие жалобы главнокомандующему со стороны должностных лиц, которым вверялось управление в местностях, уже объятых мятежом и которые оставлялись Деколонгом совершенно без всякой опоры на силу военного оружия.

---

[1] Д. № 146. Письмо генерала Чичерина генералу Деколонгу 20 марта 1774 г.

[2] Донесение Эртмана генералу Скалону 4 апреля 1774 г. Слобода Утяцкая.

Признавая основательность заявления начальников отдельных частей и усматривая в действиях и распоряжениях генерала Деколонга несоблюдения предначертаний Военной коллегии и его предложений, Александр Ильич Бибиков 21 марта писал Деколонгу:

«К крайнему сожалению, получа об удалении вашем известие, принужден я вашему превосходительству по долгу службы сказать, что не представляю я из сего ничего полезного и с твердостию заключаю, что отбытием вашим из Челябы, не истребя во время бытности вашей вокруг ее злодеев, и поворотом от Екатеринбурга, не только дерзость и сила злодейские во всем тамошнем крае умножились, но и возомнят они иметь поверхность над войсками нашими. Следовательно, еще гораздо худших следствий ожидать от них надобно будет».

Уведомляя при этом об успехах отряда секунд-майора Гагрина, действовавшего близ Кунгура, Бибиков просил Деколонга предпринять что-нибудь из двух: или поспешить к Екатеринбургу, или же содействовать ему, обратя все силы против Башкирии[1].

Несмотря на настойчивые требования главнокомандующего об обнаружении твердых наступательных действий против мятежников, генерал Деколонг предпринял обратное движение к Челябинску только в первых числах апреля, убедившись из донесений премьер-майора Эртмана, командиров 10-й и 11-й полевых команд, производивших рекогносцировки местности, что значительные толпы мятежников удалились в Башкирию, местное же крестьянское и заводское население пришло в спокойное состояние.

---

[1] Д. № 146. Письмо Бибикова генералу Деколонгу 21 марта 1774 г. № 42. Кичуевский фельдшанец.

ГЛАВА VIII

Бегство Пугачева в Башкирию. — Воззвание Оренбургского губернатора Рейнсдорпа к башкирам, мещерякам и татарам о поимке Пугачева. — Увещание, разосланное генералом Скалоном башкирам, мещерякам и татарам. — Усиленные нападения башкир на Оренбургскую пограничную линию. — Кончина А.И. Бибикова. — Вступление князя Щербатова в командование войсками. — Неизвестность нахождения Пугачева. — Деятельность его в Башкирии. — Пребывание его в Белорецком заводе. — Движение отряда генерала Деколонга из Челябинска к Оренбургской линии. — Взятие Пугачевым Магнитной крепости. — Занятие Пугачевым Карагайской, Петропавловской, Степной и Троицкой крепостей. — Победа, одержанная генералом Деколонгом над Пугачевым при Троицкой крепости.

Выступив в первых числах апреля 1774 года из Шадринска в Челябинск, генерал Деколонг сделал распоряжение о направлении к Челябинску же 13-й легкой полевой команды для сосредоточения своих сил.

Это движение отряда сибирских войск совпало с победами князя П.М. Голицына над толпами мятежников, предводительствованных самим Пугачевым под Оренбургом и совершенно разбитых при Сакмарском городке, после чего Пугачев бежал с небольшою толпою в Башкирию в надежде набрать там себе новых приверженцев.

Предпринимая как бы наступательное движение, генерал Деколонг не был осведомлен об оренбургских событиях: уведомление генерала Рейнсдорпа о победах князя Голицына получено было через месяц после события, а именно 4 мая.

Генерал Рейнсдорп, уведомляя отношением от 9 апреля о бегстве Пугачева, сообщал только, что легкие войска преследуют его по дороге в Башкирию, «приходящие же в раскаяние башкирские старшины к поимке общим нашим увещанием побуждаются, уповательно, ими упущен не будет. А как слышно, в Исетской провинции зараженные от сего злодея тамошние народы находятся в большем колебании, то уповаю, что ваше превосходительство не оставите о приведении их в прежнее спокойствие и должное повиновение»[1].

При этом Рейнсдорп препровождал составленное им и уже разосланное воззвание о поимке Пугачева:

«От генерала-порутчика и Оренбургского губернатора и кавалера Рейнсдорпа.

Исетской провинции всем: башкирскому, мещерякскому и татарскому народам.

ПУБЛИКАЦИЯ

Известный всем государственный злодей и возмутитель Пугачев с сообщниками его, по прибытии к Оренбургу войск Ея Императорского Величества, совершенно разбит. И хотя сам он злодей с десятью человеками бежал, от нас сильным образом преследуется. О чем всем, дав знать, предлагаю: оставя заблуждение ваше, в которое погрузились было вы по прельщению Пугачева от невежества своего, старатися в заглаждение той своей важной продерзости, учиненную в верности вашей Ея Императорскому Величеству Всемилостивейшей нашей государыни, присягу вспамятовать и, держась оной, быть Ея Величеству в совершенном повиновении и жить по-прежнему добропорядочно и спокойно, и для уверения о сем, выбрав между собою, прислать ко мне депутатов.

---

[1] Д. № 145. 1774 г. Отношение генерала Рейнсдорпа к генералу Деколонгу 9 апреля 1774 г. № 102.

Впротчем, поручаю вам собственно в доказательство верности вашей и его Пугачева с товарищами, ежели б он в жилищах ваших появился, поймать и под крепким караулом живого сюда или куда вам ближе представить: за что тем, кем Пугачев пойман и представлен будет, дано имеет быть из казны Ея Императорского Величества награждение десять тысяч рублев.

Буде же, паче чаяния, вы сего моего увещания не исполните и в прежнее спокойствие не придете, то яко изменники и нарушители общего покоя и благоденствия можете подвергнуть себя неизбежной гибели.

Оренбург, 2 апреля 1774 года».

Такие же воззвания, переведенные на татарский язык, препровождены были генералом Рейнсдорпом генералу Станиславскому, находившемуся в Орске, и всем дистанционным комендантам Оренбургской пограничной линии для объявления инородческому населению.

Одновременно с распространением воззвания генерала Рейнсдорпа среди инородческого населения Башкирии, по инициативе временно командовавшего на Сибирской пограничной линии генерала Скалона рассылалось среди того же населения «увещевание» от башкир и мещеряков, состоящих на службе на Сибирской линии, к своим единоплеменникам и татарам, находящимся в местностях объятых мятежом:

«УВЕЩЕВАНИЕ

Находящимся в Оренбургской и Сибирской губерниях башкирам, мещерякам и татарам.

Мы вас всех через сие уведомляем, что появившийся в Оренбургской губернии разбойник, прозываемый Пугачев, от самых его товарищей уже пойман и увезен в С.-Петербург. О чем и вы давно, уповательно, известны, а злодейские все

его партии впрах везде разбиты, а люди которые перевешаны, а иные убиты; в коем числе, слышали мы, что из нашего закона башкирцев, мещеряков и татар немало погибло.

И не только люди пропадают от верноподданных Российской Всемилостивейшей Государыни воинских команд, но и от бунтующих российских злодеев. Жительства многие сожжены, и самые те пропадшие люди от точной своей глупости, и по тем бедственным обстоятельствам все оставшие, кои были вообще из наших с российскими в разбое, по разбитии бежали, как точно знаем, в Башкирию в прежние свои жительства.

Теперь подумайте сами, не можная правда: если бы был Государь, так конечно таких злых дел не делал, да и все б российские войска без всякого сопротивления ему бы покорились.

Ныне вам в последнее пишем и просим как возможно скорее прийти в прежнее своей Всемилостивейшей Государыни повиновение и послушание, а находящихся у вас русских разбойников всех до остатка выдать или самим приводить в города и крепости к командам, куда только будет способно, без промедления времени, чем, конечно, загладите свою вину и в принесенном повиновении почувствуете милость и оставлены не будете без довольного награждения. Затем непокорные, когда оного нашего письма не послушаете, то вскоре увидите себя от идущих со всех сторон российских войск во всей погибели и разорении, ибо от такого храброго российского воинского народа в никаких местах укрыться и спасения сыскать никто не может.

А мы о себе вас уведомляем, что живем на Сибирской линии с своими командами благополучно и во всем, что нам надобно ни было, довольны».

Сделав распоряжение о рассылке комендантам крепостей, как Сибирской пограничной линии, так и Оренбург-

ской, сочиненного на татарском языке увещания, генерал Скалон писал им, что «уповательно, они рассеят где надлежательно и на российском диалекте»[1].

Ожидаемого успеха от этого увещания не последовало. Инородческое население не придало никакой веры этому увещанию, исходившему будто бы от своих единоплеменников, а одновременное появление двух противоречивых объявлений, из которых первым население приглашалось к поимки самозванца, а вторым оповещалось о том, что самозванец уже предан в руки правительства, естественно, не могло не подрывать совершенно авторитета этих объявлений, лживость уверения которых раскрывало лишь населению всю слабость местных правительственных органов к подавлению мятежа.

С удалением Пугачева в Башкирию князь М.П. Голицын, обращая внимание генерала Станиславского и комендантов крепостей Троицкой и Верхнеяицкой на угрожающую опасность, сообщал им, что, по-видимому, Пугачев пробирается к сибирским границам, почему надо употребить все способы к загреждению ему пути, если он захочет пройти через пограничную линию, защищенную крепостями[2]. «Сверх сил моих препоручается, — доносил де Фейервар генералу Деколонгу, — видно, что линейных крепостей слабое состояние его сиятельству неизвестно, ибо не только из крепостей выходя злодеев истреблять, их стремления останавливать, но и самих крепостей с в них жительствующими защищать нечем. В сем случае полезные меры взять зависит от вашего высокопревосходительства».

---

[1] Д. № 43. Журналы по секретной части, по экспедиции Пугачева. Предложение генерала Скалона комендантам крепостей 20 марта 1774 г.

[2] Д. № 146. Предложение кн. Голицына бригадиру де Фейервару и полковнику Ступишину 9 апреля 1774 г. Оренбург.

С удалением Пугачева внутрь Башкирии потянулась за ним и вся его злодейская толпа, рассеясь на огромном пространстве предгорья Урала, завлекая в свою среду новых приверженцев из башкирского населения.

Северо-восточная часть Оренбургской пограничной линии, некоторое время отдыхавшая от набегов мятежников, вновь сделалась средоточием разбойнических похождений.

Коменданты крепостей Верхнеяицкой, Карагайской, Магнитной доносили об усиленном нападении башкир: «От нападения мятежников линейные крепости моей дистанции отдыху не имеют, — писал де Фейервар, — в страх другим двух злодеев повесил и четырех нещадно плетьми высек».

Новому и скорому восстановлению сил мятежников способствовала неожиданная смерть главнокомандующего А.И. Бибикова, скончавшегося 9 апреля в Бугульме.

Мятежники снова воспряли духом. Официальное известие об этой утрате получено было генералом Деколонгом и Сибирским губернатором Чичериным почти через месяц, а именно 4 мая.

Князь Щербатов, уведомляя о смерти Бибикова, давал знать, что по старшинству он принял главную команду над всеми бывшими в команде Бибикова войсками[1].

«Не касаясь распоряжений вашего превосходительства, — писал кн. Щербатов Деколонгу, — которые по причине смерти генерала Бибикова в полной власти вашей остаются, осмеливаюсь я вас просить только, дабы во время пребывания вашего в Челябе благоволили вы показать возможное вспомоществование господину подполковнику Михельсону, находящемуся с деташементом в окрестностях

[1] Письмо кн. Щербатова Чичерину 12 апреля 1774 г. № 52. Казань.

Уфы». При этом кн. Щербатов сообщал, что, по сведениям, полученным от кн. Голицына из Оренбурга, Пугачев скрывается на Вознесенском заводе и намеревается пробраться в Сибирь[1].

Местопребывание Пугачева, со времени бегства его в Башкирию, не было в точности известно ни многочисленным его приверженцам, ни начальникам отрядов, его преследовавших.

Только в последних числах апреля, по показанию башкир, обнаружено было комендантом Магнитной крепости капитаном Тихановским, что Пугачев находится в Белорецком заводе, о чем тогда же комендантом Верхнеяицкой крепости полковником Ступишиным и было донесено как генералу Рейнсдорпу, так и генералу Деколонгу[2].

Задержанные и допрошенные в Троицкой крепости сторонники Пугачева показывали, что самозванец всю Святую провел в Белорецком заводе, высказывая открыто намерение свое сначала «обрушиться своими силами на Магнитную крепость, а потом на Верхнеяицкую»[3].

Генерал Деколонг, находившийся с своим отрядом в селе Бродо-Калмыцком, сообщая Чичерину некоторые данные о своем движении, писал: «По доходящим известиям государственный злодей Пугачев со вновь набранною из нескольких тысяч толпою в Златоустовский завод вступил, посему в Чеборкуль из состоящих при мне одна легкая полевая команда и отряжена с тем предписанием, чтобы о сем разведав, буде в самом деле то справедливо, ко мне дать знать. Почему и

---

[1] Д. № 146. Отношение кн. Щербатова к генералу Деколонгу 20 апреля 1774 г. № 59. Казань.

[2] Д. № 146. Донесение полковника Ступишина генералу Деколонгу 26 апреля 1774 г.

[3] Д. № 146. 1774 г. Донесение бригадира де Фейервара генералу Деколонгу 5 мая 1774 г.

не оставляю я туда идти совокупно на поражение. Однако ж за должность почитаю уведомить, что я теперь крайне бессилен, за откомандированием к Чеборкулю деташемента, к разбитию засевших в ней и в Каслинской крепости злодейских шаек. В Калмыцком-Броде я при одной только легкой полевой команде».

13-я легкая полевая команда, предводительствуемая премьер-майором Эртманом, имевшая указание идти на соединение в Челябу, с начала выступления главного отряда из Шадринска подвигалась весьма медленно; поэтому генерал Деколонг писал Чичерину, заинтересованному в пребывании этой команды в пределах Сибирской губернии, что только крайняя нужда заставляет его требовать эту команду к себе и что им предписано премьер-майору Эртману во время следования команды «взирать деяниями своими как впереди на башкир, подбегающих под жительства, так и с тылу себя на оставшийся Ялуторовский дистрикт».

Пугачев и ближайшие его сообщники, охраняя в тайне свое местопребывание, действовали энергично как по укомплектованию вооруженными людьми рассеянных полчищ, так и по обеспечению их провиантом и фуражом. Пугачевская военная коллегия рассылала от имени самозванца с гонцами указы к казачьему населению крепостей, к башкирским старшинам и заводскому населению, требуя поставки фуража и печеного хлеба для армии его величества, давая знать, что «персонально его величество сам шествует».

Указы, приказы и росписания, рассылавшиеся из стана Пугачевского: а) Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из государственной военной коллегии отправленным Исетской провинции выбранным мирскими людьми казаку Тимофею Орлову и казаку Ивану Шишалову. Получа сей указ, имеете выехать до

г. Челябы прямейшим трактом со всяким усердием, с поспешением и ревностью, а в следовании как из здешней крепости до города Челябы в каждой крепости верноподданным рабам Его Императорского Величества в станицах, так и в башкирских жительствах старшинам, а где нет десятникам, о заготовлении крепчае подтверждать, дабы исполнить могли безостановочно. Сей указ явить в каждом месте, сняв точные копии оставить. К заготовлению для армии Его Императорского Величества следующей, персонально и Его Величество сам шествует в город Челябу, дабы было провианта и фуража с немалым удовольствием к пропитанию всей армии. Того ради всем верноподданным рабам Его Императорского Величества сим подтверждается иметь верное и усердное старание со всяким попечением, особливо полковнику Василию Михайловскому, в Челябинске, дабы в каждой, как выше приказано, крепости провианта и фуража заготовлено было непременно с удовольствием, да и подвод немалое число, наипаче от ближних мест по тракту сначала в Белорецком и потом в башкирских жительствах. Его Императорское Величество со всею при нем армиею, с немалым числом народа, сего числа из крепости Авзянской выступить изволит, о чем по сему Его Императорского Величества указу учинить по строгости законов, а за неисправность и упущение не подвергните себя смертной казни. Апреля 12 дня 1774 года Петр Третий всероссийский.

Казак Еткульской крепости Шишалов, на имя которого выдан был приведенный указ, был пойман 8 мая 1774 г. в Челябинске и, допрошенный воеводою полковником Лазаревым, показал:

«На третьей неделе великого поста, по приказанию хорунжего Ивана Шундеева, состоялся в Егкульской крепости мирской сход, на котором по приговору положено было послать Шундеева и Шишалова в Берды к Пугачеву с доношением о защищении их крепости от разорения башкир, почему им и выданы были на проезд прогонные деньги. Пугачева застали в Авзяно-Петровском заводе, где доношение было подано Шундеевым на шестой неделе поста. Шундеев затем остался при Пугачеве секретарем и написал, по приказанию Пугачева, указ о провианте и фураже». (Д. № 146, 1774 г.)

б) Армии Его Императорского Величества от наказного атамана Василия Михайловского Еткульской, Кичигинской, Еманжелинской, Верхне- и Нижне-Увельских и прочих крепостей станичным атаманам приказ:

Каков из государственной военной коллегии о заготовлении для следующей через здешние места в город Челябу государственной армии сена и овса получен указ, с оным при сем послан здешней Чебаркульской крепости сотник Федор Дьяконов и с ним казак Игнатий Королев. В силу оного указу всем атаманам и есаулам, по заготовлении для вышеписанной следующей государственной армии сена и

овса, приложа всеусерднейшее и рабское скорейшее старание и что где в которой крепости заготовлено будет ко мне через нарочных вскорости рапортовать. А сколько действительно служащих казаков, где имеете в каждой крепости прислать ведомости и по моему приказу вышереченных крепостей станичным атаманам есаулам учинить, в силу Его Императорского Величества указу, не продолжительное исполнение и фураж и провиант по сборе отправить в здешнюю Чебаркульскую крепость в самоскорейшем времени и всеконечно чтобы из всех мест поставлено было сего апреля к 20 числу неотменно, под опасением, кто окажется за нескорое исполнение указного и неупустительного наказания. Сколько же в которой крепости собрать овса и печеного хлеба, о том отправленному сотнику Дьяконову дано от меня росписание, которым точно и чинить. Означенному сотнику Дьяконову с будущим при нем вперед и обратно давать две подводы без задержания и без прогонов. Апреля 15 числа 1774 года.

Полковник Василий Михайловский. Полковой писарь Василий Соколов.

в) Росписание, сколько потребно на следующую с Его Императорским Величеством армию провианта и фуража и с которой крепости:

Из Верхне-Увельской, овса 30 четвертей, хлеба печеного 2000 пуд

«	Коельской	20	100
«	Кичигинской	30	70
«	Нижне-Увельской	30	200
«	Еткульской	25	150
«	Еманжелинской	20	100

Итого: овса 155 четвертей, хлеба печеного 820 пуд. Полковник Василий Михайловский. Полковой писарь Василий Соколов. Д. № 146, 1774 г.

Все рассылавшиеся указы и распоряжения исполнялись населением под страхом грабежа и смертной казни. В Белорецкий завод, а также и разосланным в разные места атаманам, действовавшим именем самозванца, стекались отовсюду разрозненные разноплеменные толпы мятежников. В начале мая самозванец был окружен толпою в 5 тысяч человек и, считая себя сильным для проявления новой своей деятельности, 2 мая выступил из Белорецкого завода по направлению к Верхнеяицкой крепости.

Такое огромное скопление мятежников на Белорецком заводе, отстоящем всего в 50-ти верстах от Верхнеяицкой крепости, как показывает ход исторических событий, происходило совершенно без ведения о том комендантов крепостей на линии расположенных. Комендант Верхнеяицкой крепости полковник Ступишин, предуведомленный в конце апреля комендантом Магнитной крепости Тихановским о присутствии Пугачева на Белорецком заводе, видимо, не верил этим сведениям, так как не предпринимал никаких мер к их проверке. Также в полном неведении о месте нахождения главного стана мятежнииков был и генерал Деколонг, медленно подвигавшийся со своим отрядом из Шадринска к Оренбургской линии.

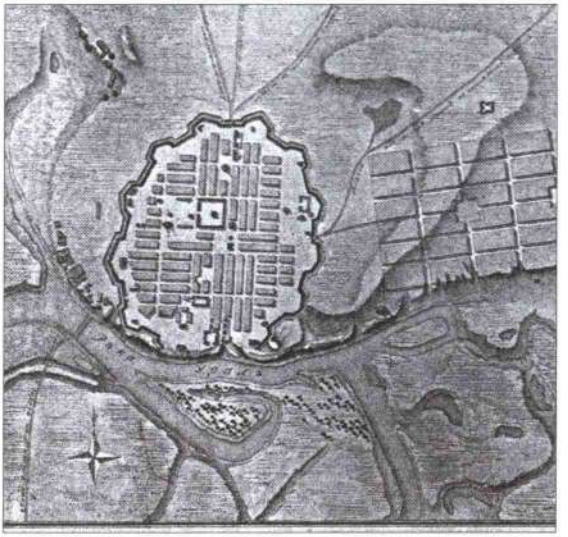
В то время как Пугачев со вновь организованными силами предпринимал движение к Верхнеяицкой дистанции, генерал Деколонг, пробывший с отрядом несколько дней в Челябинске, только 4 мая выступил из этого города к Троицкой крепости.

Дойдя до Кундравинской слободы и получив сведения о нахождении близ этой слободы мятежнической толпы, предводительствуемой атаманом полковником Михайловским и есаулом Билдиным, генерал Деколонг командировал для поисков мятежников сборный отряд из обеих легких полевых команд 10 и 12, под начальством премьер-майора Жолобова. Настигнутые мятежники, заняв возвышенную позицию близ Кундравинской слободы, встретили отряд артиллерийским и оружейным огнем, но, не выдержав атаки драгун и казаков, бежали с своим атаманом во главе. Во время преследования бежавших положено было убитыми более 100 человек, отнято 4 двухфунтовые пушки с двумя снарядными ящиками и взято в плен 71 чел., в том числе атаман Селезнев. В пре-

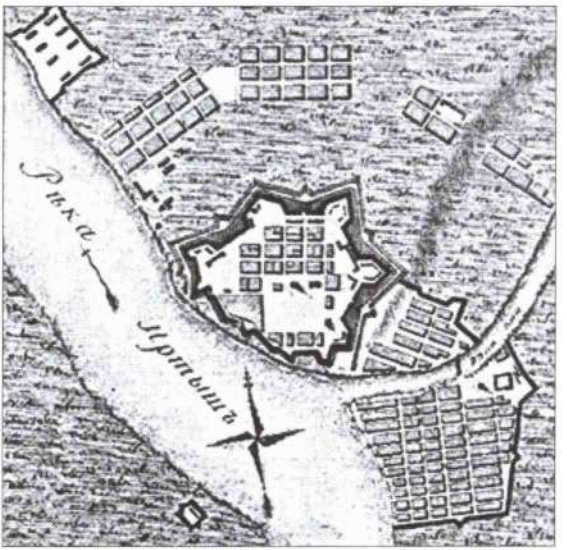

Портреты Емельяна Пугачева. Гравюры XVIII в.

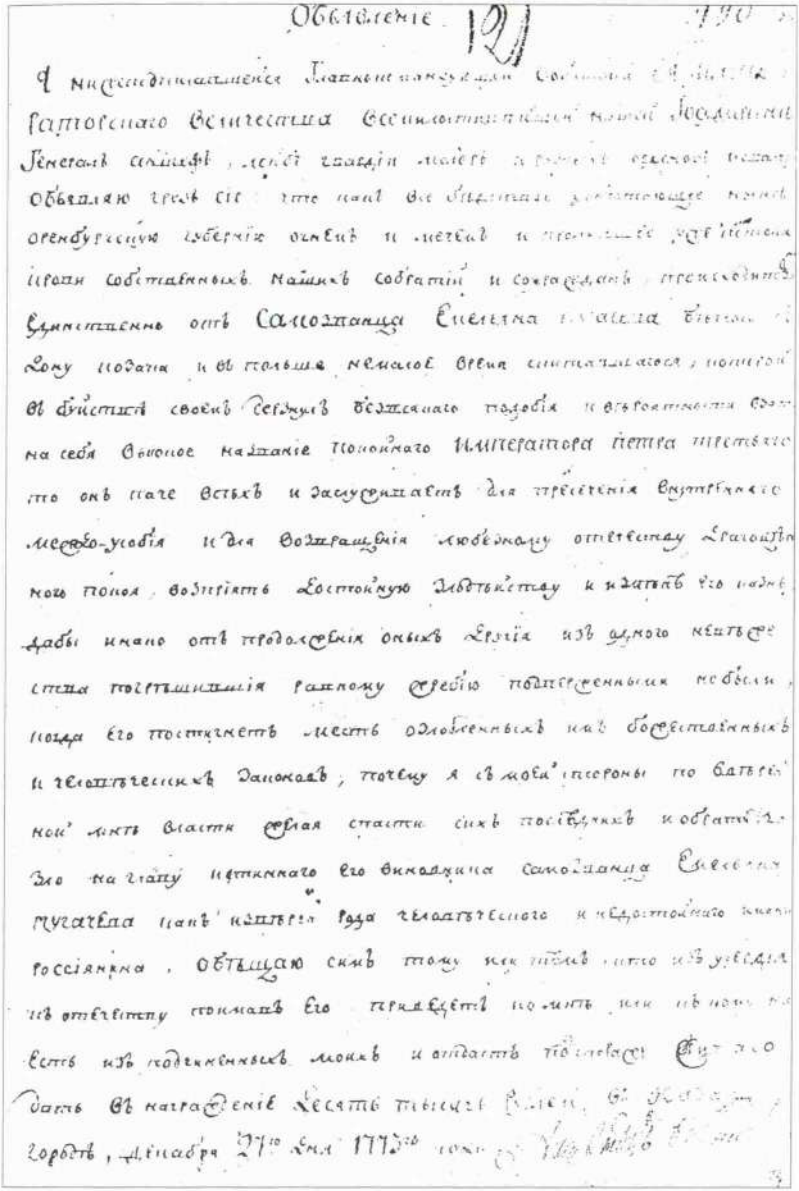

План Оренбургской крепости. Гравюра XVIII в.

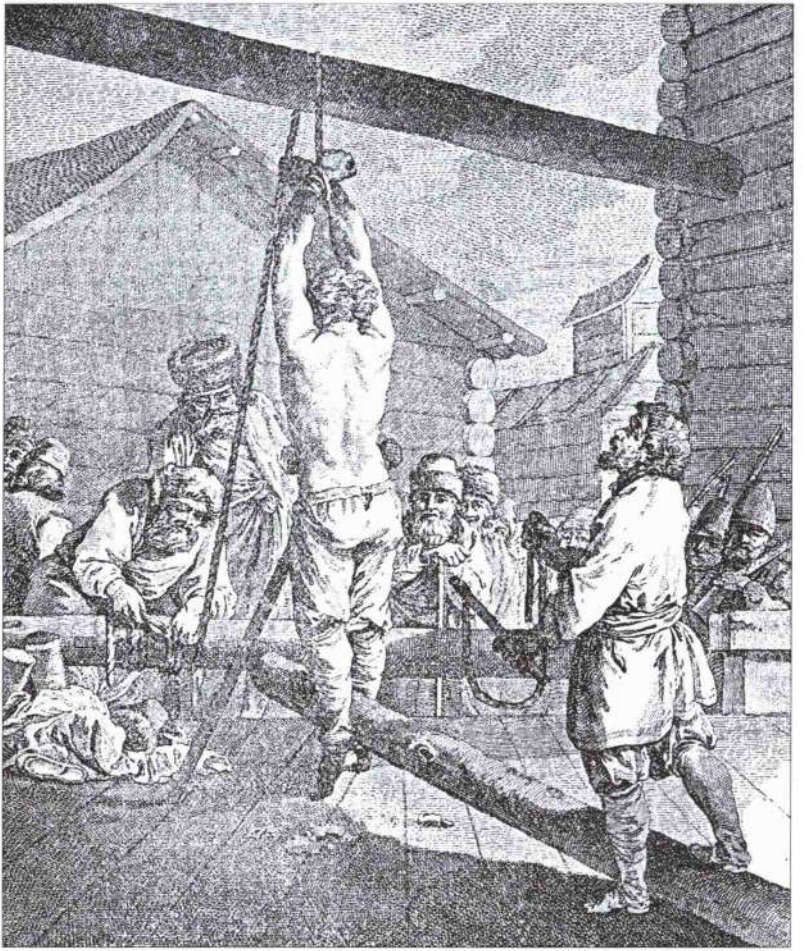
План Омской крепости. Гравюра XVIII в.

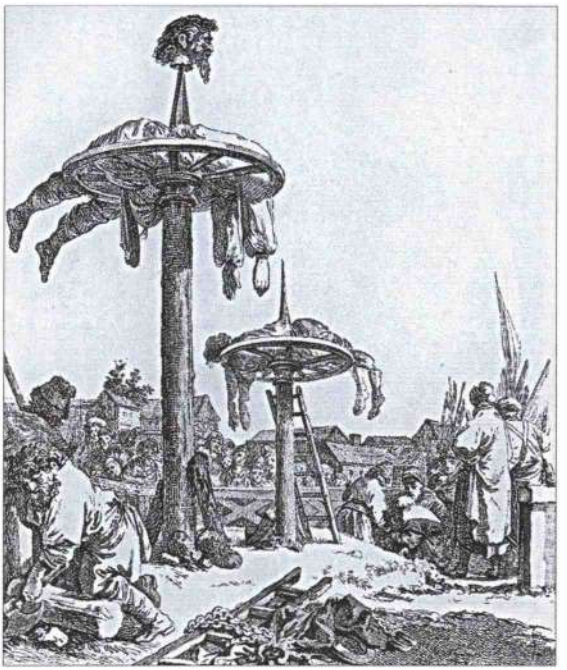
Объявление

Я нижеподписавшейся Казанской канцелярии Советник и Кавалер
Гаврилова Вениамина Ефимьевич Новой Ладожской
Генерал сайор, моей главной моей в городе Оренбурге
Объявляю тем сим что нам все дворянство дворянствующее помещ
оренбургскую губернию очень и мечтал и преимущество чтобы
ирати собственных Наших собратий и сограждан преподобных
единственно от Самозванца Емельяна Пугачева бывшего
Дону подати и в польза немалое время спасающаяся, поимкой
в бунтах своих сегодня всеславного подвига и вероятности
на себя Высокое назначение Покойного Императора Петра третьего
что он паче всех и заслуживает для прекращения внутренних
мерзко-условия и для возвращения любезному отечеству благопо
ного покоя, возбудить достойную злодейскую и изгнать его навс
дабы инако от продолжения оных крови изъ одного нечестия
стия погрешительния разному сребию побережения побеги,
когда его поступлет место одобренных или богоспасаемых
и человеческих законов, почему я с моей стороны по батюш
ной мне власти сделал спасти сих посредников и обратил
Зло на главу истинного его виновника Самозванца Емельяна
Пугачева пана изверга рода человеческого и недостойного имен
россиянина. Объявляю сим тому кто поймает или что изведал
на ответству поймать его приведет поймать или в ноги
есть изъ подвержения моих и отдаст подлежащ
дать в награждение десять тысяч рублей.
Городъ, Декабря 27го дня 1773го года

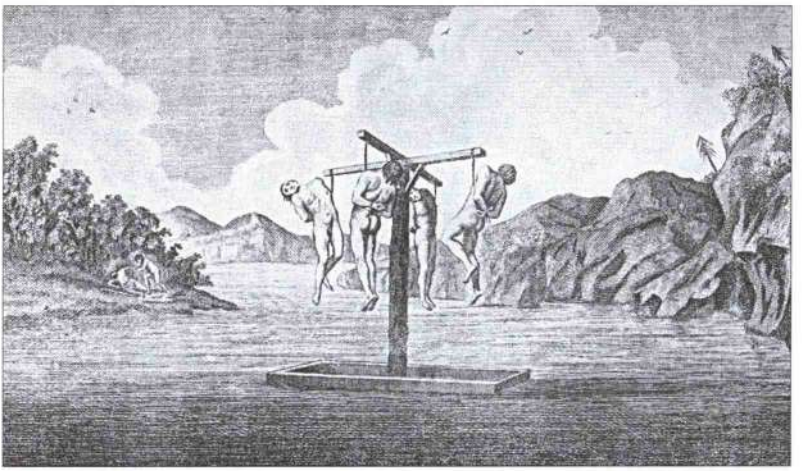
Объявление А.И. Бибикова о награде за поимку Пугачева.
Казань. 27 декабря 1773 г.

Наказание кнутом. С гравюры XVIII в.

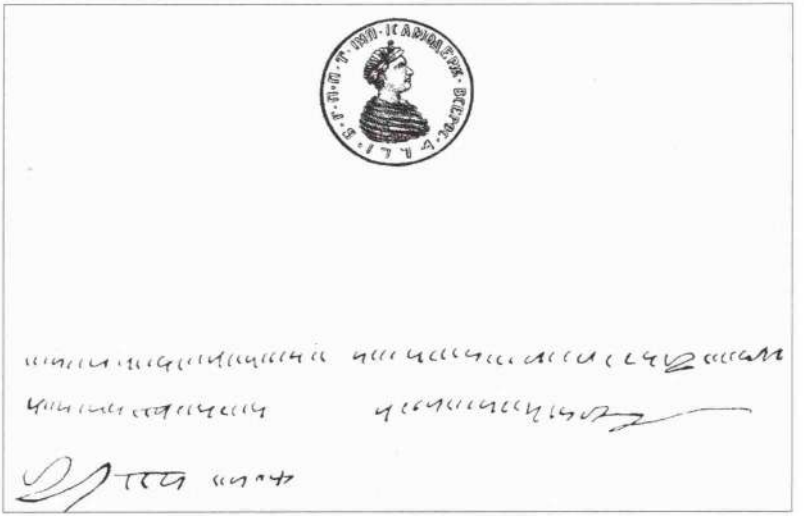
Наказание колесованием. С гравюры XVIII в.

Подвешивание за ребро. С гравюры XVIII в.

Е. Пугачев. С гравюры XVIII в.

Печать Пугачева. Ниже факсимиле имитации неграмотным Пугачевым полной императорской подписи Петра Третьего

А.И. Бибиков.
С картины XVIII в.

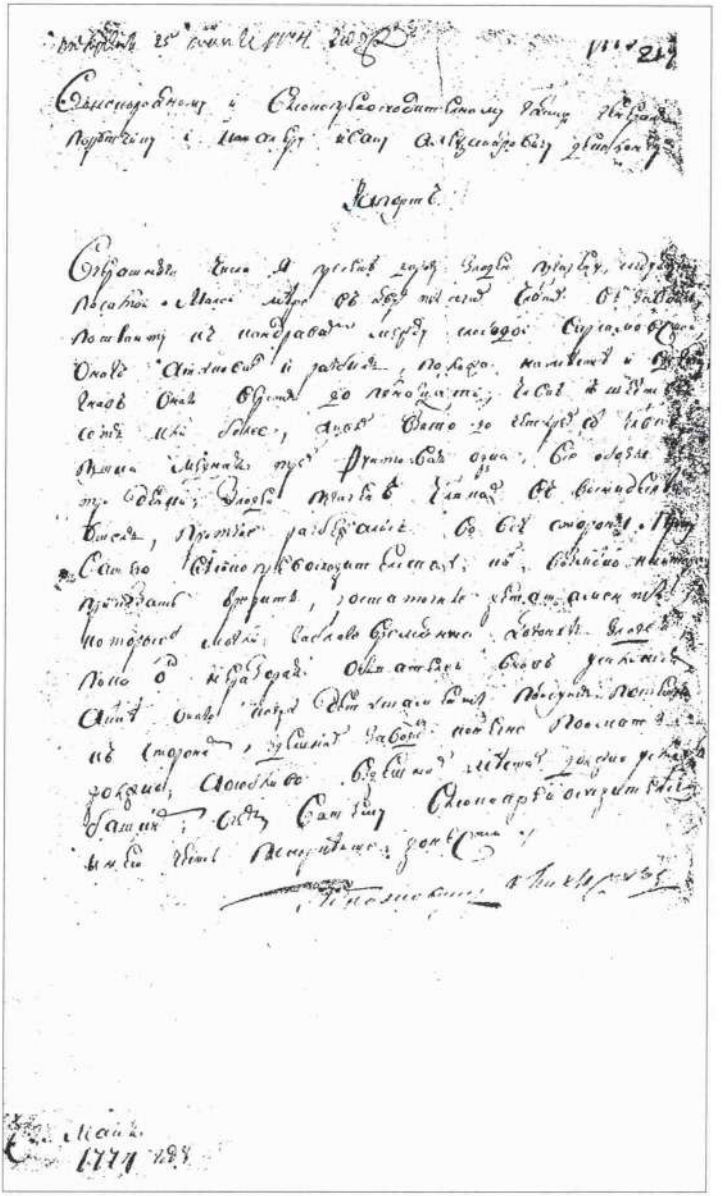
И.И. Михельсон.
С картины XVIII в.

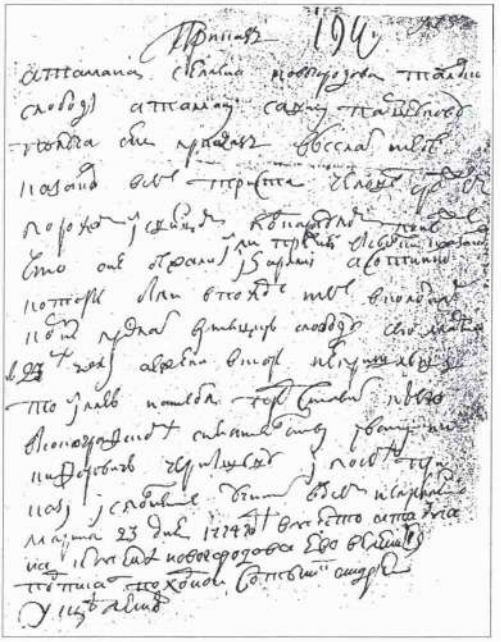
Совершение казни киргизами в степи. С акварели XVIII в.

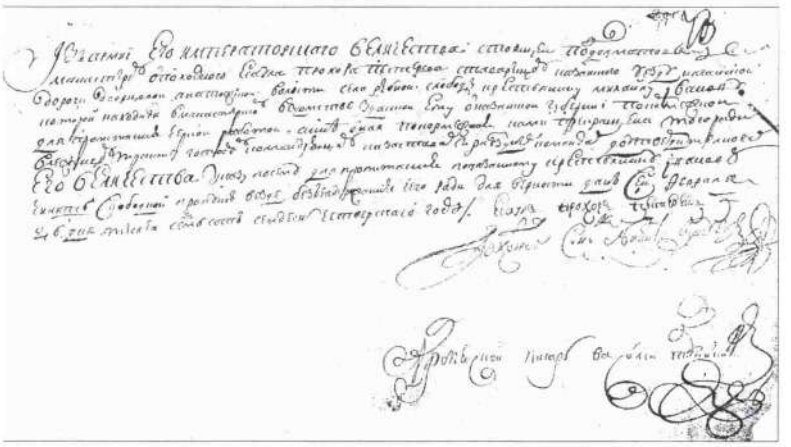
Публичная казнь: клеймение и вырывание ноздрей. С акварели XVIII в.

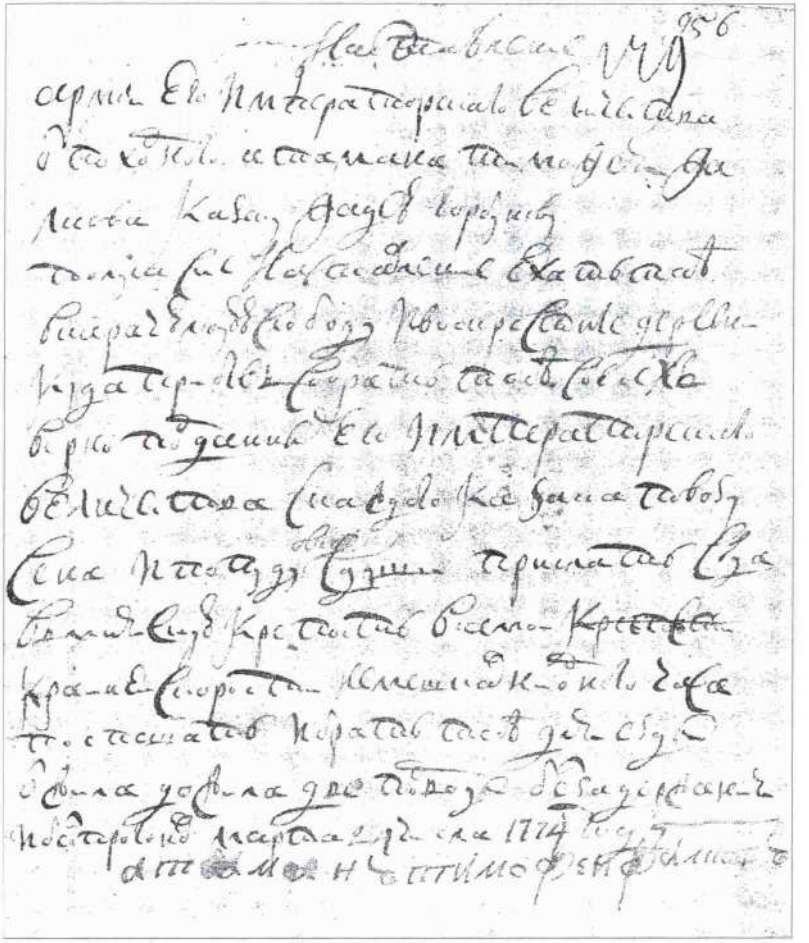
Рапорт Михельсона генералу Деколонгу о поражении Пугачева у деревни Лягушиной, 23 мая 1774 г.

Приказ атамана Семена Новгородова
от 23 марта 1774 г.

Прокормежная из армии, стоящей под Долматовым монастырем,
от походного есаула Прохора Нестерова крестьянину Казанского уезда
Михаилу Иванову, 26 февраля 1774 г.

Наставление армии от наказного атамана Тимофея Фалкова казаку Фадею Горбунову, 24 марта 1774 г.

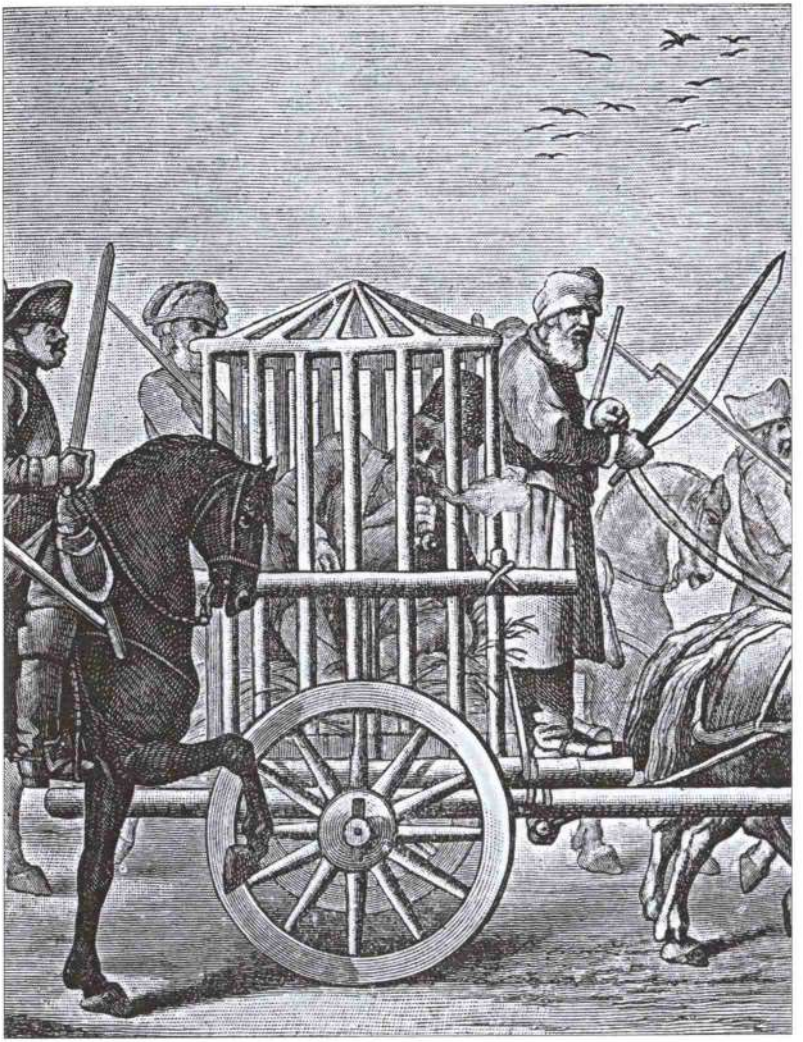
А.В. Суворов. С гравюры XVIII в.

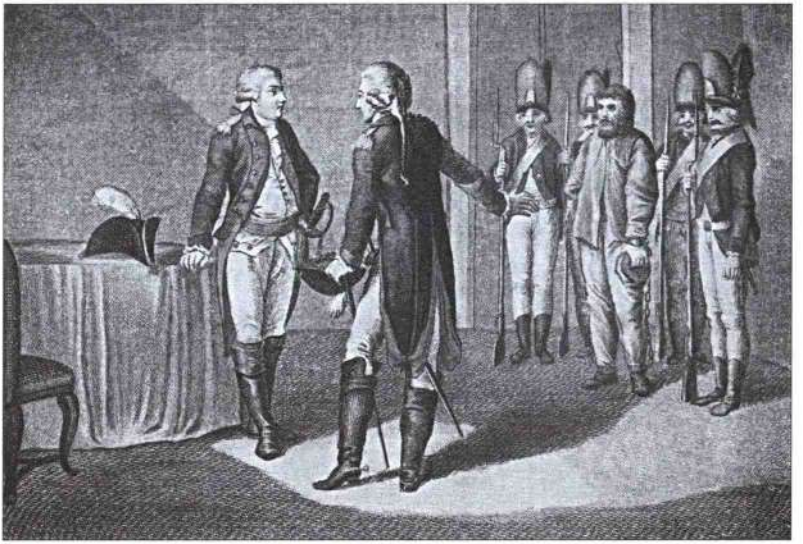
П.И. Панин. С портрета работы В. Эриксона

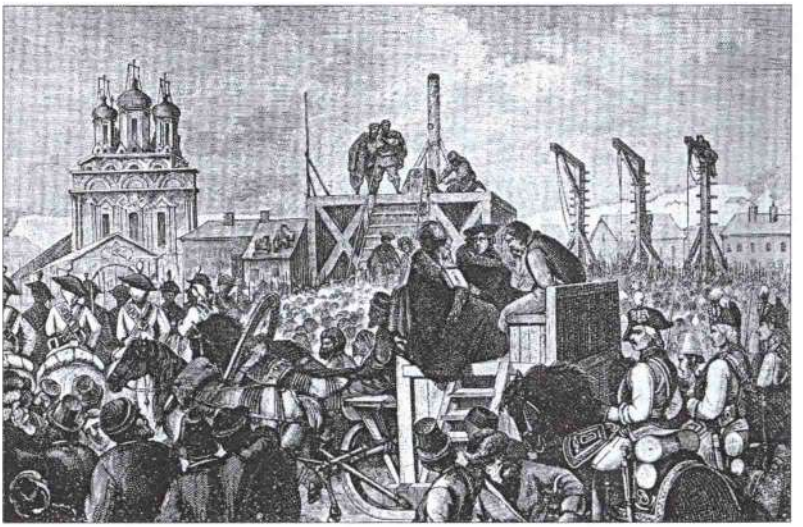
Пугачев, заключенный в клетке. С гравюры XVIII в.

Пугачев, заключенный в клетку, перевозится под стражей. С гравюры XVIII в.

Поимка Пугачева в г. Уральске. С гравюры XVIII в.

Казнь Пугачева и его сообщников в Москве, 10 января 1775 г.
С рисунка художника А.И. Шарлеманя

следовавшем отряде оказались ранеными только 3 нижних чина и подпоручик Жедринский[1].

На дальнейшем пути следования отрядом Деколонга встречены были мятежнические толпы башкир, которые, по донесению полковника Бибикова, «неусыпно формировались вором Саловатом, подзывавшим к себе Красноуфимских казаков и успевшим набрать до 10 тысяч мятежников, искавших соединения с Белобородовым, находившимся в Саткинском заводе»[2].

Присоединив к своему корпусу, состоявшему из 3-х легких полевых команд 10, 11 и 12, команду майора Гагрина из 860 человек, командированную из Екатеринбурга, генерал Деколонг прибыл 9 мая в Уйскую крепость, имея под своим начальством корпус в 2500 человек. Только здесь из донесений Верхнеяицкого коменданта Ступишина Деколонг узнал о наступательных действиях Пугачева и о падении Магнитной крепости.

В донесении своем Ступишин писал Деколонгу: «От 26 числа прошедшего апреля рапортом моим, по таковому же ко мне от находящегося в Магнитной крепости за коменданта капитана Тихановского, я уже имел честь вашему высокопревосходительству донести, что злодей Пугачев находится в Белорецком заводе, а сего мая 7 числа получил я от него, Тихановского, рапорт, коим уведомляет, что уже помянутый проклятый государственный злодей казак Пугачев с набранными им таковыми же злодеями, в числе 6000 человек, ту Магнитную крепость осадил. С собранною здесь и взятою от Карагайской крепости, при господине коменданте Фоке, с малолюдною командою сам в секурс отправился, но, отошед от Верхнеяицкой крепости расстоянием 25 верст, узнал

[1] Д. № 146. 1774 г. Донесение премьер-майора Жолобова генералу Деколонгу 9 мая 1774 г. Крепость Уйская.

[2] Донесение полковника Бибикова генералу Деколонгу 5 мая 1774 г. Екатеринбург.

от прибежавшего из Магнитной крепости денщика капитана Тихановского, что крепость та злодеем Пугачевым взята, где он, злодей, воспользовался порохом, свинцом, орудиями и провиантом правящего же должность коменданта капитана Тихановского и много жителей истребил»[1].

Затем Ступишин доносил, что «по малоимению против злодея сил и по случаю водоразлития, он возвратился в свою крепость, и так как Пугачев намеревается обратить свои силы и на другие соседние крепости, то он вывел весь гарнизон из Карагайской крепости в Верхнеяицкую, прося «наискорее, из милосердия, снабдить секурсом. Если паче чаяния (от чего Боже сохрани) и в самом деле на здешнюю крепость от него злодея будет сделано нападение, то сколько возможности с находящимися здесь командами, до последней капли крови, отпор чинить буду».

При выяснении обстоятельств падения Магнитной крепости дознано было, что Пугачев с толпою в 6000 человек 5 мая обложил крепость. Капитан Тихановский с своим незначительным гарнизоном, в составе не более 100 человек с 10-ю орудиями, при дружном содействии жителей, до вечера отбивал все атаки мятежников[2].

---

[1] Д. № 143. 1774 г. Рапорт полковника Ступишина генералу Деколонгу 8 мая 1774 г.

[2] Д. № 146. Рапорт полковника Ступишина 12 мая 1774 г. «Коликое число состояло в Магнитной крепости, сначала благополучия, какой артиллерии и при ней снаряды, также разного пороху и ядер:

1) Пушек чугунных: 3-фунтовых 3, снарядов с ядрами		82
	картечами	10
1-фунтовых 2, снарядов	с ядрами	24
	картечами	115
¾-фунтовых 2, снарядов	с ядрами	100
	картечами	12

24-лотовая, при ней снарядов не имеется.
2) Пушек медных 3-фунт. 2, ядер 462.
Пороху пушечного 33 пуда.
Пороху мушкетного 7 пудов.

Пугачев при всех усилиях, не имея артиллерии, не мог овладеть крепостью и сам был легко ранен в руку. По наступлении ночи мятежники, подойдя скрыто к деревянным крепостным стенам, успели их разрушить и в 3 часа утра 6 мая овладели крепостью. Капитан Тихановский с женою, священник и жена поручика Можентинова были повешены.

Генерал Деколонг, сообщая об этом событии генералу Скалону, писал:

«Доходимые известия, что государственный злодей самозванец Пугачев, по убеге от разбития под Оренбургом, ворвался в башкиры и заводские ведомства и, оставаясь в Белорецком заводе, против Верхнеяицкой крепости лежащем, собирает себе вновь толпу, решили меня с состоящими при мне войсками следовать за поиском его туда. В приближении к Верхнеяицкой и будучи в Карагайской через полученный рапорт от господина полковника и коменданта Ступишина уведомлен, что сей разбойник лежащую вниз по Яику Верхнеяицкой дистанции Магнитную крепость занял и всем нужным в ней состоящим воспользовался, жителей же ее многих и особенно начальствующих всех истребил и намеревается, к достижению промерзкого своего беззакония, обратить для того же проклятые свои силы и на помянутую Верхнеяицкую, для чего и обратился на реку Кызыл. Я потому, не пропуская времени, как доведался, тотчас отправился туда, чтобы его встретить, пресечь путь и при помощи Божией разбить его вконец; но сей разбойник, чрез пронырства свои известясь о том к нему приближении, мерзкий свой оборот принял по краю Уральских гор в другую сторону и держится на первую от Верхнеяицкой Карагайскую крепость. Я тотчас и сам обратил туда марш свой, следуя денно и нощно, но выигрыш его в конных силах, и что пехота моя так скоро успевать не может, дозволили ему испустить свои яды на сию крепость,

в которой до того излиял, что по завладению ею забрав с собою, на какой конец неизвестно, всех жителей, разумея больших и малых обоего пола, всю крепость до основания, не исключая храма Божия, также оставшийся провиант и овес предал огню. Потому по линии, по тракту к крепости Троицкой, я также за ним безостановочно погнался, но к крайнему моему прискорбию сия ядовитая скорпия, зная, что ему с забранными тягостями, так и с большим числом жителей уже так поспешно идти нельзя, он вздумал важную препону, чтобы мне сделать везде остановку, лежащие по тракту мосты, коих очень немало, по проследовании своем также разрушал огнем. Сии препятствия хотя совершенно досадою делали немалые остановки, однако же достиг я до первой от Карагайской Петропавловской крепости, нашел ее к пущему соболезнованию в равном Карагайской судьбине и с немалым числом уже убитых трупов.

Видимые через сожжение мостов препятствия и что при войсках моих предвещаем, за сожжением в крепостях провианта, голод, принудили меня принять к преследованию его марш внутренней стороной, где я провиант в проезде, без малейшей остановки забрал и к скорейшему преследованию. получа подводы, уповаю не упустительно поймать. Боже! помоги только чтобы нагнать, а при помощи Его Всевышнего стремительно постараюсь истребить его злокаянного»[1].

По произведенным впоследствии расследованиям о движении мятежников обнаружено было, что Пугачев в Магнитной крепости оставался два дня, усилясь там прибытием атамана Белобородова с толпою башкир и заводских крестьян в 200 человек, а также яицкими казаками в количестве 300 че-

[1] Ордер генерала Деколонга генералу Скалону 17 мая 1774 г. № 842. Крепость Верхнеяицкая.

ловек под начальством атамана Овчинникова и сотника Перфильева. Захватив с собою все орудия из Магнитной крепости, 8 мая выступил по направлению к Верхнеяицкой; но узнав о присутствии в этой крепости отряда генерала Деколонга, обошел Уральскими горами, направился к Карагайской крепости, которая и сдалась без сопротивления, так как комендантом Верхнеяицкой дистанции полковником Ступишиным все гарнизоны из крепостей Карагайской, Петропавловской и Степной были выведены и собраны в Верхнеяицке.

Взяв необходимый провиант и предав огню разграбленные жилища, Пугачев направился к крепостям Петропавловской и Степной, предавая огню и уничтожая все, что сопровождавшая его многочисленная толпа не в силах была забрать с собою.

Точно так же разорены были редуты Подгорный и Санарский Троицкой дистанции.

19 мая Пугачев овладел Троицкою крепостью, одною из наилучше укрепленных на Оренбургской линии, в которой гарнизона было до 250 человек при 6-ти 3-фунтовых орудиях. Комендант Троицкой дистанции бригадир де Фейервар и четыре офицера были убиты. Мятежники неистово злодействовали, грабя и убивая жителей. Жену бригадира де Фейервара, привязав к лошадиному хвосту, таскали по улицам, многих солдат и жителей, выстроив в шеренгу, кололи копьями.

Двигаясь форсированным маршем, со дня выступления из Верхнеяицкой крепости, 21 числа мая в 7 часов утра генерал Деколонг подошел к лагерю мятежников.

О столкновении своем с мятежниками и о победе, одержанной Сибирскими войсками над полчищами, предводимыми самим Пугачевым, превышавшими численностью своею почти в пять раз Сибирские войска, Деколонг подробно сообщал генералу Скалону:

«Прийдя к Санарской крепости, нашел всех несчастных жителей засаженными; освободя их от сего ига, к Троицкой поспешил, куда Пугачев по намерению своему пошел. И тут, 21-го рано, установя воинскую позицию, ударил и с 7-го до 11-го часа пополуночи, имев сражение, разбил и рассыпал его толпу, составлявшую десятитысячное собрание из разного рода людей, яицких казаков, калмыков, башкир и заводских мужиков, мошенническими трупами которых место покрыто было с лишком на четырех верстах, коих и перечесть было неможно. Имевшаяся артиллерия с порохом и другими припасами вся отнята, а сколько чего и сколько людей захвачено и возвращено своих, регистр у сего следует. Сверх того с множество награбленными вещами обоз, из которого войска, кто мог что захватить, сыто воспользовались за свои труды и усердность к службе Ея Императорского Величества. В числе убитых нашли самого злодея первейшего наперсника, подполковника Белобородова яицкого атамана, а других и познать неможно».

«Множество разбежалось в свои жилища, а сам он ушел в небольших силах, которого поручик Беницкий догонял в саженях 15-ти или 20-ти, также и поручик Борисов, но за усталостью под ними лошадей, а у него за переменою свежими укрыться едва мог. Троицкую крепость от намеренного злодейства на тот день, как я прибыл, освободил. Дабы же он внутрь далее не мог своих следов злодеяниями класть, на другой день за ним отрядил я достаточный деташемент при господине премьер-майоре Жолобове, который следом его поспешил догонять, но он с того себе страха весьма и безостановочно скоро бежал, которого майор Жолобов при всем том уже по пятам гнал, 22 числа повстречался с тем злодеем от Уфы следующий деташемент в гусарах и карабинерах при господине подполковнике Михельсоне, который паки его разбил и положил на месте сот до шести, да взял в плен до

четырехсот человек, а он скрылся и ушел с 80-ю человеками. Однако я приказал, чтобы было сему злодею конец, гнать за ним деташементу господина майора Жолобова»[1].

В сообщенном генералом Деколонгом «регистре» трофеями победы значились: «отнятые 2 знамя с перевязями, принадлежавшие Троицкому батальону, 28 орудий с 9-ю ящиками, 1200 снарядами, 65 пудов пороху». «Взято злодейских знаков голевых и гафтяных 8, из которых 5 принадлежали яицким казакам и калмыкам и 3 протчей сволочи».

В плен взято было всего 70 человек, в числе которых хорунжий Иван Шундеев, бывший секретарем при Пугачеве. Число пленных потому было невелико, что, по удостоверению Деколонга, разъяренные войска, будучи раздражены варварскими приступами, не старались живых брать, но на месте, где б ни попадалися, били до смерти, «почему по примеру положено на тех местах, где только имели дело с мятежниками, до 4000 тысяч человек». Отбито из захваченных самозванцем при разорении крепостей в свою толпу, «ожидавших лютейшего мучения», 3570 человек, в числе которых находились:

439 чинов военного ведомства — из состава легких полевых команд, батальонов и гарнизонной крепостной артиллерии (и лекарь и прапорщик), 131 казаков разных крепостей, 3000 обывателей крепостей, в том числе жена подполковника фон Витте[2].

---

[1] Ордер генерала Деколонга генералу Скалону 26 мая 1774 г. № 911. Крепость Троицкая. — Ордер от 27 мая был дубликат первого; упоминаемый в ордере и дубликате убитым подполковник атаман Белобородов несомненно был смешан с другою личностью, близко стоявшею к самозванцу. (Дубровин, Пугачев и его сообщники. Т. 3. С. 383—384.)

[2] «Регистр, сколько при бывшей в 21 день сего мая с злодеем и изменником самозванцем Пугачевым сражении от его толпы каких припасов отбито, людей его мошенников на месте положено и в плен захвачено».

Из числа отнятых у самозванца орудий 4 медные пушки отданы были генералом Деколонгом секунд-майору Гагрину, начальнику отряда войск, командированных из Екатеринбурга и принимавших участие вместе с Сибирскими войсками в разбитии мятежников[1].

Денег отнято было 5568 рублей и 16¾ коп., составлявших казну самозванца. Из них 3044 рубля 11¾ коп. розданы были генералом Деколонгом в команды, принимавшие участие в одержанной победе, а именно:

1010 р. 21 к. десятой полевой команде.

582 р. 7½ к. одиннадцатой.

529 р. 63 ¼ к. двенадцатой.

158 р. 48 к. артиллерии.

762 р. команде секунд-майора Гагрина.

Из тех же сумм 800 руб. 60 коп. «выдано было на пропитание многим людям, ничего у себя не имеющим, имущество которых разграблено было мятежниками».

В числе лиц, получивших пособие из сумм Пугачева, значились преимущественно вдовы офицеров и нижних чинов, погибших в борьбе с мятежниками, а также церковнослужители разоренных мятежниками храмов в крепостях Оренбургской линии»[2].

ГЛАВА IX

Впечатление победы генерала Деколонга под Троицкою крепостью. — Преследование Пугачева. — Победа подполковника Михельсона над Пугачевым близ Кундравинской

---

[1] Д. № 145. Рап. артил. штык-юнкера Ульянова 29 мая 1774 г. Крепость Троицкая. Ведом., «сколько во время сражения, при помощи Божией, от злодеев отбито и какого калибра пушек с их ящики и снаряды».

[2] Д. 145. Ведомость о захваченных при сражении в крепости Троицкой от злодея Пугачева деньгах и сколько на перечете оных оказалось и из того роздано, а затем налицо осталось. 1774 года, мая 24-го.

слободы. — Несогласие действий Михельсона и Жолобова. — Движение отряда генерала Станиславского из Орской крепости к Верхнеяицкой. — Прибытие отрядов генерала Фреймана и Тимашева к Оренбургской пограничной линии. — Ложное известие о появлении самозванца близ Звериноголовской и Верхнеяицкой крепостей. — Приказ полковника Ступишина. — Указ Исетской провинциальной канцелярии о поимке Пугачева. — Объявление Сибирского губернатора Чичерина о поимке Пугачева. — Деятельность Пугачева на Миасе. — Участие калмык в составе мятежнической толпы. — Поимка калмык. — Отдача их в рабство киргиз-кайсакам. — Малая защитность Колывано-Воскресенских заводов. — Народная молва в Сибири о самозванце. — Объявление Сибирского губернатора Чичерина для умиротворения населения.

Победа, одержанная генералом Деколонгом над самозванцем, только что разорившим целый ряд крепостей, произвела сильное впечатление как на жителей Оренбургской пограничной линии и Исетской провинции, измученных грабежами и разбоями, так и на лиц, стоявших во главе административных учреждений, переживавших постоянные опасения от нападения мятежников и от совращения в число бунтовщиков ложными уверениями легкомысленных обывателей. По получении известия о совершившихся событиях под Троицкой крепостью Исетский воевода полковник Лазарев писал Деколонгу: «Известный вор Пугачев с сообщниками своими, по благости Господней и счастием вашего высокопревосходительства, разбит и утечку учинил, с которым полученным благополучием и имею честь нижайше поздравить, моля при том Всемилостивейшего Бога о продолжении дрожайшего здравия и чтобы поручила Всевышнего десница

самого сего злодея доставить в руки вашего высокопревосходительства.

Какая ж в Челябе произошла от верноподданных Ея Императорского Величества рабов радость, о том вашему высокопревосходительству к изъявлению не нахожу довольно способов, так что редко кто мог бы удержаться от пролития слез. Словом, вы воскреситель нашей жизни»[1].

Пугачев, разбитый наголову Сибирскими войсками, едва ускользнувший от гнавшихся за ним с поля битвы команд поручиков Беницкого и Борисова, 21 мая к вечеру прибыл в Нижне-Увельскую слободу с остатками разрозненной и уничтоженной толпы.

Эта прибывшая толпа, состоявшая приблизительно из 1500 человек, преимущественно заводских крестьян, при одной пушке, выжегши и разграбивши слободу и захватив с собою несколько молодых слободских жителей, направилась к Кичигинской слободе с намерением пройти на Еткульскую крепость.

Посланная в погоню за Пугачевым на другой день битвы под Троицкою крепостью команда под начальством премьер-майора Жолобова пришла в Нижне-Увельскую слободу всего 23 мая, когда пугачевская толпа уже успела, еще накануне вечером, пройти Кичигинскую слободу, забрав там 50 казаков и направиться к Коельской крепости, отстоявшей в 45 верстах от Нижне-Увельской слободы[2].

Прибыв 23 числа в Кичигинскую слободу и сделав там небольшой роздых, премьер-майор Жолобов продолжал путь по следам Пугачева и в тот же день, к вечеру, прибыл в

---

[1] Д. № 145. Письмо полковника Лазарева генералу Деколонгу 24 мая 1774 г. Челябинск.

[2] Д. № 145. Рапорт премьер-майора Жолобова генералу Деколонгу 24 мая 1774 г. Слобода Нижнеувельская.

крепость Коельскую, где и получил известие от подполковника Михельсона о разбитии им Пугачева, причем Михельсон просил Жолобова поспешить движением своего отряда для соединения с ним[1].

Подполковник Ив. Ив. Михельсон, назначенный еще в начале марта 1774 года А.И. Бибиковым начальником отряда для освобождения осажденной Уфы, после удачного поражения мятежников под Чесноковскою и освобождения от блокады Уфы, 24 апреля двинулся со своим отрядом к Симскому заводу и оттуда 15 мая к Саткинскому заводу, продолжая движение по направлению к Челябинско-Троицкому тракту. Будучи в полном неведении о месте нахождения Пугачева, а также в полном недоумении о том, какое ему действительно избрать направление для движения своего отряда, в видах согласования своих действий с распоряжениями командующего Сибирскими войсками, подполковник Михельсон, находясь в Веденеевском руднике, 19 мая просил генерала Деколонга «снабдить его наставлением, где ныне Пугачев находится, нужно ли ему в тех местах обращаться и сходно ли ему будет к тем местам следовать, на что он ожидает повеления»[2].

Не получая указания от генерала Деколонга, Михельсон продолжал предпринятое им движение по ранее составленному плану и, подойдя к Кундравинской слободе, узнал о разбитии самозванца под Троицкой крепостью и о бегстве его с остатками мятежной толпы по линии.

23 мая, у деревни Лягушиной, имея в своем отряде не более 500 человек, Михельсон наткнулся на самозванца, бе-

---

[1] Д. № 145. Рапорт премьер-майора Жолобова генералу Деколонгу 24 мая. Варламовская слобода.

[2] Д. № 145. Рапорт подполковника Михельсона генералу Деколонгу 19 мая 1774 г. Рудник Веденеевский.

гущего с толпою в 2000 человек. Атакованный превосходными силами мятежников, Михельсон стал во главе эскадрона Изюмских гусар, сам повел атаку, решившую скоро дело в его пользу. Мятежники поколебались, самозванец бежал одним из первых, а за ним вся толпа, которую преследовал отряд Михельсона на расстоянии более 15 верст. Мятежники потеряли 600 человек убитыми и около 400 пленными, преимущественно заводских крестьян. Они лишились единственной пушки, продовольственных запасов и обоза, в котором найдена была голубая лента установленного Пугачевым ордена, которую он надевал на себя в торжественных случаях.

Премьер-майор Жолобов, получивший одновременно уведомление Михельсона с приглашением его соединиться с ним и ордер генерала Деколонга, которым поручалось ему отрезать самозванцу путь от Челябинска, двинулся с отрядом к Чебаркульской крепости, где и встретился 24 мая с Михельсоном, искавшим Пугачева и находившимся в неведении о том, куда скрылся самозванец — на Кыштымовский ли завод или же на Косотурский.

При встрече отрядов соглашения начальников относительно единства действий к одной общей цели — поимке самозванца — не последовало. Премьер-майор Жолобов доносил генералу Деколонгу, что Михельсон, предприняв со своим отрядом движение на Косотурский завод, как для преследования самозванца, так и для защиты пути в Уфимскую провинцию, предлагал ему направиться с отрядом к Карасуйской деревне, где пролегает дорога по болотам и топям, почему он, признав такое движение неудобным для своего отряда, согласно данного ему ордера, повернул к Челябе[1].

---

[1] Д. № 145. Рапорт премьер-майора Жолобова генералу Деколонгу 25 мая 1774 г. Крепость Чебаркульская.

В то же время Михельсон, недовольный действиями Жолобова, писал генералу Деколонгу: «Я должен вашему высокопревосходительству принести мою жалобу на господина майора Жолобова, который 24 числа, поутру, подошед к Чебаркульской крепости, со мною верстах в четырех от оной встретился, коему я не только словесно, но и письменно дал знать, что, имев известие, якобы злодей пробирается к стороне Косотурского или Кыштымовского заводов, почему по настоящим обстоятельствам его, господина майора, наисильнейшим образом просил идти на Кыштым, куда дорога гораздо способнее, нежели на Косотур, через что злодей у нас и оставался бы в средине и была бы ему загорожена не только дорога в Уфимскую провинцию мною, но и в Челябинск и в Екатеринбургское ведомство им, господином Жолобовым, и злодей бы не имел уже никакого способа усиливаться, а должен бы в непродолжительном времени попасть в руки, будучи преследован нами с обеих сторон. Господин майор Жолобов хотя словесно на то соглашался, однако вместо того, чтобы сие учинить, злодею дороги пересекать, что есть единый способ, на последнее мое сообщение мне отвечал, что сего сделать не может, прописывая худые дороги и реки, через которые каждой действующей команде проходить должно. Эти действия дают злодею усиливаться»[1].

Этот рапорт получен был Деколонгом 29 мая, когда Михельсон, двинувшись чрез Златоустовский и Саткинский заводы, выступил в Симскому заводу и далее на Уфу, а отряд Жолобова уже был в Челябе[2].

---

[1] Д. № 140. Рапорт Михельсона генералу Деколонгу 26 мая. Завод Златоустовский.

[2] Д. № 145. Рапорт премьер-майора Жолобова генералу Деколонгу 26 мая. Челяба.

Несвоевременное получение сведений в главной квартире о движении и месте нахождения отдельных отрядов, действовавших против самозванца, а также совершенное неведение о расположении отрядов на линии крепостей, естественно, порождали полное несогласование действий отрядов к одной общей цели.

По освобождении Оренбурга от осады мятежников и по нанесении поражения самозванцу при Сакмарском городке генерал Рейнсдорп, имея в виду удаление Пугачева в Башкирию, предложил генералу Станиславскому, находившемуся в Орской крепости с отрядом Сибирских войск, произвести движение к северу по линии к Кызыльской или же Верхнеяицкой крепостям для ограждения главным образом находившихся в этой части крепостей и редутов от нападения башкир. Руководствуясь этим предложением, генерал Станиславский 1 мая выступил со своим отрядом из Орской крепости по указанному направлению, не имея никаких сведений о движении отрядов генерал-майора Фреймана и коллежского советника Тимашева, командированных от Сакмарского городка кн. Голицыным для поисков Пугачева. 5 мая отряд генерала Станиславского прибыл в Таналыцкую крепость, 10-го в Уртызамскую, где и получил сведения о взятии Пугачевым Магнитной.

По малочисленности гарнизона этой крепости, а также опасаясь, чтобы самозванец от Магнитной не обратился на эту крепость, как на слабейшую, генерал Станиславский забрал с собою всю гарнизонную команду и казаков вместе с комендантом подполковником фон Рассом, оставив в крепости при обывателях одного прапорщика Манькина.

Находившиеся в крайности 7 чугунных пушек, которые признано было невозможным забрать с собою, оставлены были генералом Станиславским на попечение прапорщи-

ка Манькина с тем, «что если злодей нападать будет большою толпою и усмотрит он к отпору себя не в состоянии, то немедля того же часу, чтобы злодей воспользоваться не мог, пушки с состоящими зарядами побросал бы в воду и, забрав способных людей, оставя крепость, ретировался на лодке по реке Яику, в крепость Таналыцкую». 14 числа генерал Станиславский прибыл с отрядом в крепость Кызыльскую, куда в тот же день прибыл и коллежский советник Тимашев с отрядом Оренбургских войск. 16-го оба отряда выступили к Магнитной, куда и прибыли 18-го, найдя ее совершенно разоренною. В этой крепости оставлены были самозванцем 112 человек крестьян Белорецкого завода и при них до 600 человек жен и детей разных заводских крестьян, примкнувших к мятежнической толпе. На этих крестьян, а также на уцелевших обывателей и раненых солдат, здесь оставленных, возложено было самозванцем заготовление разного провианта и в особенности сухарей. Забрав с собою всех крестьян с женами и детьми, а также часть заготовленного для мятежников провианта, оба отряда 20-го прибыли в Верхнеяицкую крепость, где генерал Станиславский передал в ведение коменданта полковника Ступишина всех приведенных им крестьян «с приказанием обрить им головы и бороды, отпустив в свои дома с таким подтверждением, чтобы они от домов своих далее одной версты, под страхом смертной казни, не отлучались».

В Верхнеяицкой крепости генерал Станиславский застал отряд генерала Фреймана с Оренбургскими войсками, прошедший через Белорецкий завод. Присоединив к своим войскам отряд Тимашева, генерал Фрейман 20 числа выступил из Верхнеяицкой крепости к Троицкой, в след отряда генерала Деколонга, выбрав путь степною стороною, прямо на Степную крепость. Однако 23-го со всеми своими войсками

генерал Фрейман возвратился обратно в Верхнеяицк, не дав знать о своем пребывании и о своем движении генералу Деколонгу, от места расположения которого находился всего на расстоянии одного перехода. По этой причине Деколонг до 29 мая находился в полном неведении как о приходе отряда генерала Станиславского, так и о близости нахождения отрядов Оренбургских войск.

Тимашев словесно заявлял генералу Станиславскому, что поспешное возвращение генерала Фреймана с отрядом было вследствие получения известий от бежавших мятежников о поражении их под Троицкою крепостью, а также о том, что Пугачев укрылся в Уральских горах, в деревне башкирского старшины Абнима Тархана. Основываясь на этом заявлении, генералом Станиславским командирован был отряд в 260 человек под командою капитана фон Винклера до урочища гор Корептау на поиски бежавшего самозванца.

Донося подробно о прохождении своего отряда из Орска до Верхнеяицка и не имея сведения о том, что намерены предпринять Фрейман и Тимашев, генерал Станиславский просил генерала Деколонга разрешить ему присоединиться к его отряду, ввиду значительного скопления войск в Верхнеяицке[1].

В то же время генерал Станиславский оповещал, что начальники отрядов Оренбургских войск «имеют почасту разновидные повеления: господин губернатор повелевает одно, а князь Голицын другое, и тако двуличные повеления к одноличности сходственно не придутся»[2].

27 мая генерал Фрейман со всеми Оренбургскими войсками выступил из Верхнеяицкой крепости по линии к Оренбур-

---

[1] Д. № 145. Рапорт генерала Станиславского генералу Деколонгу 25 мая 1774 г. Крепость Верхнеяицкая.

[2] Д. № 145. 27 мая. № 578. Крепость Верхнеяицкая.

гу. Комендант Ступишин, имея в виду, что генерал Станиславский предполагал соединение своего отряда с корпусом генерала Деколонга, просил последнего оставить пришедшие Сибирские войска в подчиненной ему крепости, «так как гарнизон ее состоит всего из 150 человек, преимущественно рекрут, вооруженных одними пистолетами. К тому же значительная часть гарнизона должна ежедневно окарауливать пойманных из мятежнической толпы разных беглых колодников, которых уже имеется до 200 человек»[1].

13-я легкая полевая команда премьер-майора Эртмана, долженствовавшая следовать, по усмирении крестьян Ялуторовского дистрикта, на Челябинск и затем на соединение с корпусом генерала Деколонга, ввиду движения самозванца к Троицкой крепости и возникших потому опасений при успехе оружия мятежников за целость других крепостей, а в особенности Сибирской пограничной линии, вызвана была комендантом Звериноголовской крепости полковником Эстко к этой крепости, куда и прибыла 24 мая[2].

Неизвестность действительного нахождения самозванца в связи с тем паническим страхом, который овладевал массами населения в местностях его появления, порождали ложные тревоги, при предположениях или слухах о том, что самозванец скрывается в данной местности. В особенности немало породило волнений сибирской администрации и населению предположение, что Пугачев находится в Киргизской степи близ Звериноголовской крепости. Предположение это основывалось на показаниях пойманного близ этой

[1] Д. № 145. Рапорт полковника Ступишина 27 мая 1774 г.

[2] Д. № 145. Рапорт коменданта Звериноголовской крепости полковника Эстко генералу Деколонгу 23 мая 1774 г.

Д. № 144. Рапорт премьер-майора Эртмана генералу Скалону 24 мая.

крепости беглого Азовского полка драгуна Мезенцева, удостоверявшего, что Пугачев, ускользнув из Башкирии от всех войск и перебежав линию, находится в Киргизской степи против Звериноголовской крепости в 50 верстах, вверх по реке Абуге, откуда он и послан к крепости для разведок о ее защитности. Затем Мезенцев показал, что одновременно с ним из пугачевской толпы посланы также еще лица внутрь линии для приглашения крестьян к их толпе.

«Такие обстоятельства, — писал по этому поводу Сибирский губернатор Чичерин генералу Скалону, — показывают здешнему краю, особливо Сибирской линии, беспримерную опасность; весьма удивительно только, каким образом и столь стремительно мог злодей вдруг, не оставя по себе и следов, ускользнуть из Башкирии в Киргизскую степь». Признавая пойманного Мезенцева за шпиона, подосланного самозванцем, с целью, может быть, отвлечения военных сил и бдительности от мест, в которых он действительно намеревался проявить свою разбойническую деятельность, Сибирская администрация тем не менее принимала меры к розыскам по указанию этого шпиона и к усилению состава войск в Звериноголовске, для чего из Курганской слободы, по приказанию Чичерина, была немедленно перевезена на подводах в Звериноголовск рота рекрут под командою капитана Мокринского и командирован взвод гусар под командою поручика Воронова. Также принимались меры и к подкреплению по Сибирской линии гарнизона Пресногорьковской крепости.

По распоряжению, отданному генералом Деколонгом коменданту Звериноголовской крепости полковнику Эстко, Мезенцев за свои ложные показания был повешен, также были повешены премьер-майором Эртманом в степи, «дабы в случае наезда воровские партии то видели, им на страх,

5 калмык, задержанных во время розысков и сознавшихся в принадлежности к мятежнической толпе»[1].

Опасения за Звериноголовскую крепость еще возникали вследствие того, что пойманные близ Троицка приверженцы пугачевской толпы показывали на принятые будто бы самозванцем меры для склонения киргиз к нападению на эту крепость, почему генерал Деколонг ордером давал знать генералу Скалону:

«Через пойманных из злодейской толпы сущих плутов осведомился я, будто бы от самозванца Пугачева из воров башкирских старшин послан сотник Упал к киргизским старшинам, с уговором, чтобы они склонялись к собранию своих, до несколько тысяч сил, дабы сделать общее с самозванцем нападение на Звериноголовскую крепость; а как сие для линии не безважно, то рекомендую всеми силами стараться разведывать через доброжелательных киргизских же российской стороне старшин»[2].

Такая же ложная тревога порождена была известиями о появлении самозванца близ Верхнеяицкой крепости, почему генерал Фрейман, недавно выступивший из этой крепости и находившийся с своим отрядом в Кызильской, должен был вернуться для производства поисков.

Опасаясь появления самозванца, неизвестно куда скрывшегося, дистанционные коменданты и воеводские канцелярии Исетской провинции и Сибирской губернии рассылали воззвания к населению с целью поддержать в нем верноподданнические чувства.

«Военнослужащие и жители Верхнеяицкой крепости, — писал полковник Ступишин, — Божиим попущением и в

---

[1] Д. 143. Рапорт премьер-майора Эртмана генералу Скалону 25 июня 1774 г. Крепость Звериноголовская.

[2] Ордер генерала Деколонга генералу Скалону 30 мая 1774 г. Троицкая.

казнь за грехи наши и наше нераскаяние посылаются велением Божием на нас: напрасная смерть, потопы, глады и грабительства, как сказано в св. Писании и ныне все сие над нами ясно совершается.

«Злодей Емелька манит многих обещаниями. Но кто же, помня Бога и присягу, поверит ему, оприч таких же воров вероотступников, шельм, как он сам. Если Божием попущением он, вор злодей Емелька, придет к Верхнеяицкой крепости, станем все от мала до велика, кто в силе поднять хоть камень, а живыми не дадимся в руки злодея, не дадим ему ругаться храмом Божием, женами и детьми нашими. Первый умру за веру и Государыню я, комендант, и все мои подначальные офицеры; надеюсь, что не постыдят себя за начальными людьми и солдаты. Будем живы, отразим злодея и наградит нас Бог и Ея Императорское Величество; а погибнем, то яко мученики обретем венец нетленный. Оружия у нас довольно, свинцу и провианта тоже, солдаты молодцы. Кто из жителей хочет оружия, требуй пороха и свинца от комендантской канцелярии. Между нами как от солдат служащих и отставных нет изменников и трусов; а если такие есть, я не держу идти в вечную гибель и к злодею Емельке, только назад такого не приму и с повинною, а по власти, мне данной, таковой злодей будет весьма лишен живота. Предписываю воинским начальникам и жителям вверенной мне дистанции крепко смотреть за ворами башкирцами и киргизами, приезжающими будто бы на торг: не переметчики ли они и нет ли у них каких воровских писем? Буде каковые окажутся, то брать и передавать в комендантскую канцелярию. Ордер сей прочитать по ротам и капральствам и объявить в Верхнеяицкой крепости с барабанным боем».

Исетская провинциальная канцелярия указами сообщала, для всенародного объявления, о разбитии самозванца, призывая население к его поимке.

«Известный государственный злодей Пугачев не только под Троицкою крепостью господином генералом-порутчиком и кавалером Иваном Александровичем Деколонгом со всеми силами разбит и поражен, но и последняя его сволочь, нечаянным образом, при утечке из Троицкой крепости, вся встречена и истреблена до основания, так что едва и сам бесчеловечный мучитель и тиран Пугачев проклятую свою жизнь бегством спасти мог. Однако ж, чаятельно, что недолго прошатается и голова его проклятая скоро будет сокрушена, в рассуждение что за ним отправлены вслед от господина генерала-порутчика и кавалера два майора, Жолобов и Гагрин. Уповательно, совершится может к порадованию верноподданнических Ея Императорского Величества рабов сердец. Между тем час от часу бежавшие из его толпы с повинною примножаются, в том числе находятся таковые, кои во всем сему извергу Пугачеву содействовали самовольно. Рекомендуется о таковых счастливых успехах оружия ее Императорского Величества к удовольствию каждого ведомства своего во всех местах распубликовать, с таким подтверждением, что если паче чаяния иногда случилося тому злодею быть в каком-либо российском жительстве, то бы его всеми силами старались изловить. И для того по учиненному в Исетской провинциальной канцелярии определению сим Ея Императорского Величества указом определяется по получении сего, в каждом месте о таковых счастливых успехах оружия Ея Императорского Величества к удовольствию каждого распубликовать и притом, ежели паче чаяния иногда оный злодей Пугачев в каком либо жительстве случится быть, то б его всеми силами старались изловить. Приметами он возмутитель: росту среднего, лицом смугл, волосы

на голове и бороде темно-русые с сединою, во рту в передней челюсти одного зуба нет да и правая рука простреленная»[1].

Также рассылались объявления такого же содержания и по Сибирской губернии:

«От генерал-поручика, лейб-гвардии премьер-майора, Сибирского губернатора и кавалера Чичерина Объявление. 30 мая 1774 г.

Известный государственный возмутитель, вор и злодей донской казак Пугачев с главными его и великими толпами под Оренбургом победоносными Ея Императорского Величества войсками двукратно: сперва в Татищевой крепости, а потом в Каргалинской слободе и в Сакмарском городке разбит и толпы его наголову истреблены, так что он с малым числом людей едва мог уйти; скрывался везде потаенным уж образом, не смел да и не мог уж в тамошних пределах держаться. Возник было на Оренбургской линии, собрав кое-какой из ссыльных, и наказанных, и в бегах находящихся людей сволочи, напав нечаянным и ночным временем, причинил несколько утеснения. Но над Троицкою крепостию и сам поражен, как господин генерал-поручик и кавалер Деколонг от 20 числа мая, а Челябинский провинциальный воевода Лазарев от 26-го, Звериноголовской комендант полковник Эстко от того же числа меня уведомили, что господин генерал-поручик и кавалер Деколонг, обхватя оного вора и злодея Пугачева с сообщниками под Троицкою крепостию, разбил, так что сам он, Пугачев, ранен, толпа его истреблена, артиллерия вся отбита; весьма с малым числом мог он оттуда убежать, а будучи в том побеге, близ Верхне-Увельской слободы встретившим его господином полковником Бибиковым и последняя его сволочь истреблена до основания, так что едва сам он, бесчеловечный мучитель, проклятую свою жизнь бегством

[1] Д. № 144. Указ Исетской провинциальной канцелярии в Тюменскую воеводскую канцелярию 26 мая 1774 г.

спасти мог. Однако же недолго проскитается, и его голова скоро будет сокрушена! За которым вслед от его превосходительства отправлены два майора, Жолобов и Гагрин, с командами, да и сей полковник Бибиков старается наперехват его взять. По сему последнему истреблению всей бывшей у него сволочи (ибо оставшиеся в живых к его превосходительству Деколонгу, так и в Челябе к воеводе Лазареву, сами собою... признаются в своем преступлении, просят помилования, в верности Ея Императорского Величества утверждены присягою) не может он нигде подобных злодеев сыскать и набрать опять партии, то одно ему осталось — уйти для единственного своего пропитания. А чрез сие публично даю знать, чтоб во всех селениях сами жители приняли предосторожность, ибо один иногда сообщник его примет, а вся слобода прилепится, и деревня разбита и погублена быть должна. И для того бы все жители неусыпно друг за другом следили и примечали, и коль скоро в коем селении оный покажется, то бы все усердно старались поймать и скорее дать о том знать.

Приметами оный злодей: росту среднего, лицом смугл, волосы на голове и бороде темные-русые с сединою, во рту в верхней челюсти одного зуба нет, правая рука прострелена. И кто же оного злодея у кого присмотрит, донесет, а всего лучше если сам поймает и приведет, оный все то награждение получит, о которых в Высочайших Ея Императорского Величества манифестах объявлено. Напротиву же того, буде в каком селении оный злодей как принят и укрыт будет, то все оное селение, считая злодеями и сообщниками всех, военною рукою жестоко наказано будет и род оставшихся людей навеки злодеями и бунтовщиками признаемы будут.

Денис Чичерин»[1].

---

[1] Д. Тобольского губернского архива (полуистлевшее дело архива Тобольской Консистории № 313 за 1773—1775 гг.).

Отсутствие единства действий в направлении военных сил по преследованию мятежников и несогласия начальников отдельных отрядов дали возможность Пугачеву снова усилиться. Предположения Михельсона о месте нахождения Пугачева с остатками своей толпы оправдались. Пугачев находился на Миасе, где, простояв четыре дня, усилил свою толпу до 2000 человек, затем, за удалением отряда Жолобова к Челябе, сжег Чебаркуль, Кундравинскую слободу, Златоустовский, Саткинский заводы и 3 июня, совершенно неожиданно, атаковал Михельсона. После упорной схватки Пугачев был отбит и преследуемый скрылся в вершинах реки Ай, оставив на поле сражения до 400 тел. Разбитый самозванец с небольшою толпою предпринял движение к западу, преследуемый Михельсоном, который двигался через Симский завод на Уфу к Бирску, с надеждой не допустить самозванца к приволжским губерниям.

Одновременно с проявлением самозванцем вновь своей преступной деятельности взволновались и крестьянские слободы Ялоторовского дистрикта Куртамышская и Утяцкая, почему 13-я легкая полевая команда снова отодвинулась в эти слободы, водворив там спокойствие.

При поражении под Троицкою крепостью пугачевской толпы в составе ее была значительная часть калмык, из которых партия, свыше 100 человек, бежала в Киргизскую степь.

Опасаясь их влияния на население степей и придавая потому особенное значение их поимке, генерал Деколонг предписал по всей Сибирской пограничной линии производить разведки и поиски бежавших. Не желая, чтобы эти калмыки предались китайским властям, генерал Деколонг просил участия султана Средней Орды Аблая и старшины Кулсара Батыря:

«Всепресветлейшей Державнейшей Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны Самодержицы Всероссийской и проч. и проч.

Киргизско-Кайсацкой Средней Орды верноподданному и почтенному владельцу Аблаю султану:

Из подданных Ея Императорскому Величеству обитающих в России калмык, оказавшихся ныне в злейшем противу государства преступлении, с небольшим сто человек, страшась по законам Ея Императорского Величества должного за преступление наказания, бежали от Троицкой крепости киргиз-кайсацкою степью, как видно, с намерением прорваться в Китайскую землю, чего ради заблаговременно уведомляя вас, почтенный султан, прошу оных изменников при подающемся случае, буде они обратятся к Китаю, всех, не допуская туда, приказать своим киргизцам переловить и употребить в свою пользу в услуги хатонами, о чем и меня уведомить. Я, пожелав вам всякого благополучия, пребываю Ея Императорского Величества Самодержицы Всеросийской Государыни моей от армии генерал-порутчик ордена святые Анны кавалер и над сибирскими войсками главный командир Иван Деколонг. Мая 26 дня 1774 года, крепость Троицкая».

Совершенно такого же содержания письмо было послано и киргиз-кайсацкой Средней Орды верноподданному и почтенному старшине Кулсаре Батырю.

Бежавшие калмыки, стремившиеся перейти киргизскую степь, захвачены были киргизским старшиною Урусултаном и с разрешения султана Аблая розданы были в рабство десяти киргизским волостям, причем генералом Деколонгом объявлено было киргизам, «что если они отдать калмыков не желают, дабы с ними поступлено было по строжайшим Ея Императорского Величества законам, если кал-

мыки им угодны, то с его стороны нет усилия во взятии их и они могут пользоваться калмыками по своей воле»[1].

Во время преследования и розысков бежавших многие из их единоплеменников, находившихся в рабстве у киргиз и разночинцев, проживавших на пограничной линии, подвергались истязаниям, заподозренные как в укрывательстве, так и в пособничестве. Генерал Деколонг в одном из ордеров своих давал наставление порядку производства допросов этим несчастным: «Отправленный в Омскую крепость крещеный калмык Иван Алексеев допросом, под жестоким пристрастием, показал, будто бы он не из числа бежавших из злодейской толпы, под битием же кошками, закуся язык, ничего не говоря, на том и утвердился, по сему льститься никаким образом неможно, а что он под битием молчанием укрепился, то уже многими опытами здесь доказано, что таковые, прилепившиеся к стороне его злодейской, сколько бы не стерпели жестокие побои, однако же ни одного слова не хотят к признанию своего преступления выговорить, следовательно, и сей, как заключить надобно, таким же образом намерен себя оправдать; однако же, напротив того, легко станется, что он опасается смертной казни за совершенное, может быть, важнейшее преступление, для того приходится всяким образом его уверять, что он будет свободен и от смертной казни и от телесного наказания, лишь бы чистосердечно принес в вине своей раскаяние, и когда то истинно откроется, то выведывать от него и о других важнейших обстоятельствах[2].

Такое суровое отношение сибирских властей к калмыкам объяснялось как недавним еще (в 1771 году) откочеванием

---

[1] Ордер генерала Деколонга генералу Скалону 7 июля 1774 г. Челябинск. № 1261.

[2] Ордер генерала Деколонга генералу Скалону 14 июля 1774 г. Челябинск. № 1336.

из пределов России, с р. Волги в Джунгарские степи, к китайцам, огромной орды торгоутов во главе с Убуши-ханом, так и тем, что по полученным сведениям, откочевавшие в пределы Китая калмыки, в числе 3500 человек в начале 1774 года, имев собрание на реке Уламкуле, выразили намерение идти вниз по Иртышу для разорения киргиз-кайсаков.

Это намерение калмыков, заставившее сибирскую администрацию смотреть на них как на воюющую сторону, вынудило принять меры к усилению войск на пограничных местах Иртышской линии, и прежде всего в Усть-Каменогорске, где находилась одна рота Бийского батальона, почему 29 апреля 1774 года туда и была отправлена из Семипалатинской крепости еще одна рота Бийского батальона и команда казаков в 50 человек[1].

На необходимость усиления войск в южной части Иртышской линии, как для предупреждения набега калмыков, так и грабежа киргиз, указывало и управление Колывано-Воскресенских заводов, располагавшее на огромном пространстве раскинутых рудников и заводов всего одним батальоном в составе 4-х рот. Ввиду такой беззащитности, еще в начале 1774 года управление заводов заявляло, что и имеющимися войсками «не только линейные крепости подкреплять или заводы и рудники защищать, но постов нужных при сребро-плавильном действии и денежной переделке, также и хранении знатных металлов, сменять некем». «Хотя при здешних заводах и рудниках артиллерия и есть, однако обученных к действию оной людей никого нет»[2].

---

[1] Д. № 145. Рапорт генерала Скалона генералу Деколонгу 17 мая 1774 г. Омск.

[2] Д. № 144. Промемория канцелярии колывано-воскресенского горного начальства 7 марта 1774 г. № 1578.

С распространением области мятежа в пределах Сибирской губернии среди населения ее создавалась легендарная молва как относительно личности самозванца, так и относительно участия в его судьбе Римской курии.

Крестьянин Усть-Суэрской слободы Петр Шалобанов передавал крестьянам своей слободы и местному священнику, «что инде господа радуются, что самозванца команду разбили и крестьян за то зорят и мучают, вот когда государь Петр Федорович водворится, он господ всех перевесит. Петра Федоровича благословил на царство папа римский и приказал слить большой колокол, чтобы звон был слышен по всей земле для собрания силы, а по тому звону народ взбунтовался и скопляется к оному царю самоохотно»[1].

Содержавшийся в Омской тюрьме ссыльный колодник Василий Морозов разным людям передавал: «Не будут имет дворяна людей, все отберутся государю. Во время погребения Петра Федоровича государыни не было, а он опущен жив и жил у римского папы в прикрытии и потом, когда он вышел от папы в Россию набравши партию, в то время осматривали гроб, в котором и нашли восковую статую. У Пугачева-де продается соль по двадцати копеек, а вино по рублю ведро, может быть, и здесь, в Омске, будет, если доживем, и он, Пугачев, придет сюда в крепость»[2].

Какому наказанию подвергнут был крестьянин Шалобанов за распространение ложных возмутительных слухов, сведений не сохранилось; колодник же Морозов, признанный виновным в восстановлении бунта в Омской крепости,

---

[1] Д. № 145. Отношение Чичерина к генералу Деколонгу 18 мая 1774 г. № 1680.

[2] № 145. Рапорт коменданта Омской крепости бригадира Клавера 22 марта 1774 г.

по 137 ст. воинского артикула, повелением генерала Деколонга, был повешен[1].

Для умиротворения населения Сибири Денис Иванович Чичерин обращался к этому населению с следующим объявлением:

«От генерал-поручика лейб-гвардии премьер-майора, Сибирского губернатора и кавалера Чичерина Сибирской губернии жителя объявление и июля 1774 г.

Как велико Ея Императорского Величества, нашей Всемилостивейшей Государыни, милосердие впадшим в важнейшие преступления, что и самых бунтовщиков, разоряющих церкви Божии, безумно восставших прямым бунтом противу Ея Величества и противу отечества, всяк может рассудить, что сии злодеи, по законам целого света, где б то ни было, заслужили мучительные смертные казни и истребления всех их родов, но, напротив, Ея Императорское Величество всех таковых из высокоматерного милосердия еще и сожаления о заблуждении их всемилостивейше прощает и простить соизволила, повелевая только, чтоб всякий с чистосердечным раскаянием явился и жил спокойно в своих домах, о чем от меня от 22 марта выданным манифестом довольно изъяснение. Чего же осталось злодеям ожидать! Как только, видя такое высокоматерное и всему свету удивительное Ея Императорского Величества к ним милосердие, пролить пред Богом о здравии Ея Императорского Величества, слезы, придтить в чистосердечное раскаяние, явиться и жить в домах своих спокойно. Целый свет так великому Ея Величества

---

[1] Ордер генерала Деколонга генералу Скалону 27 апреля 1774 г. № 747. Село Бродо-Калмыцкое.

Д. № 43. 1773—1774 гг. Журналы по секретной части по экспедиции Пугачева. Предложение генерала Скалона Омской комендантской канцелярии 10 мая 1774 г. № 011.

милосердию не может надивиться, и не только сии преступники, которые заслужили мучительную смерть, но и все верноподданные, бывшие в непоколебимой верности, и те, которые от тех злодеев разорены и оскорблены, без радостных слез не могут слышать и видеть такое Ея Величества милосердие, и всякий, воздев руки на небо, благодарит Бога, что благословил Россию такою милосердною и великодушною Императрицею, которая подданных своих не строгостьми, а высокоматерным милосердием управлять изволит. Коль паче, впадшие в мерзкое и богопротивное... бунтовщики, с самого их вступления в то, почитались мертвыми, за их вины мучительными казнями умертвленными. Не должны ли все восчувствовать Ея Величества милосердие, получа помилования, и прийтить в раскаяние! Но вкоренившийся в злые сердца сатанинский яд и сам сатана, желающий сами пр... наполнить ад свой, как он первый погубник роду христианскому ок... не допускает и признания, чтоб через то их несчастные души не выпустить... мученья. Из всех вверенных в правление мое жительство, я имею известие... еще: слышав такое милосердие и в преступление помилование, слышав... гнев Божий сему злодею и его сообщникам, что везде они разбиты, и остатки... как нечестивый прах по земле, невзирая ни на что, в домы свои не возвращаются по лесам, и многие пристают к злодейским толпам. Я же взял смелость... в последний раз повторить мое прежнее объявление и объявить Ея Величества высочайшее милосердие и помилование тем, кои, раскаявшись, придут в домы свои, положа уже тому срок июля первое число. Ежели ж и за сим кто до того показанного сроку не восчувствует, не раскается и в дом свой не явится, те уже, яко сущие злодеи, никакого помилования ожидать не могут. И чтоб все начальники своего ведомства, по прошествии того сроку, учиня справки, кто не явился,

таковых чрез публикации ловить и поступать по строгости законов яко с сущими злодеями, от меня предписано. Я желаю, чтоб Спаситель наш Христос сих замерзлых избавил от вечной гибели обращением на истинный путь раскаяния. Мое истинное сожаление о погибающих безрассудно, желание же к тому мое побуждает. *Денис Чичерин...*»[1]

ГЛАВА X

Воззвание самозванца к башкирам и заводскому населению. — Распределение войск Сибирского корпуса. — Уведомление князем Щербатовым генерала Деколонга о действиях Михельсона. — Бездеятельность генерала Фреймана. — Заботы Дениса Ивановича Чичерина о торговых интересах Сибири. — Взятие мятежниками Осы. — Приближение их к Казани. — Бездеятельность генерала Деколонга. — Уведомление князем Щербатовым генерала Деколонга о победах, одержанных Михельсоном. — Состояние киргиз Малой и Средней орды. — Назначение главнокомандующим князя П.М. Голицына. — Распоряжения князя Голицына по распределению войск, вверенных его команде. — Назначение графа Петра Ивановича Панина главнокомандующим. — Передача генералом Деколонгом команды Сибирскими войсками, действовавшими против самозванца, генералу Скалону.

Башкирское и заводское население, возбужденное к мятежу вновь рассылавшимися воззваниями самозванца, обещавшими «вольность», избавление от податей и рекрутства, бродило толпами, грабя и разоряя заводы. В начале июня

[1] Д. Тобольского Губернского архива (полуистлевшее дело архива Тобольской Духовной Консистории № 313 за 1773—1705 гг.).

мятежники разорили в Уфимской провинции заводы: Воскресенский, Архангельский, Котовский и другие. Отряды преследующих войск ходили по разным направлениям, но мятежники, в особенности башкиры, уклонялись от боя, скопляясь толпами в тех местах, где войск не было.

Для водворения спокойствия среди заводского населения Исетской провинции генерал Деколонг в начале июля с главными своими силами передвинулся в Челябинск, предоставив самостоятельность действий отрядам Жолобова и Гагрина для прикрытия Екатеринбурга.

В Троицкой крепости оставался генерал Станиславский с 14-ю легкою полевою командою: 13-й легкой полевой команде назначено было местопребывание в Куртамышской слободе с тем, чтобы иметь возможность, в случае надобности, пойти на помощь и Сибирской пограничной линии.

В то время как Михельсон стремился преградить дорогу самозванцу, следуя из Уфы через Бирск к Сарапул, толпа мятежников, предводительствуемая самозванцем, оказалась в Красноуфимске, где встречена была при деревне Быковой отрядом подполковника Попова.

Опрокинув этот отряд, мятежники заняли и выжгли заводы Уинский и Иргинский. Перейдя затем реку Тулву, осадили пригород Осу, который 21 июня сдался, открывая дорогу Пугачеву к Казани.

Князь Щербатов, уведомляя генерала Деколонга о предпринятом движении мятежников, сообщал, что «расторопный полковник Михельсон следует за самозванцем в ближайшем расстоянии и если теперь еще не разбил, то, конечно, злодей не ушел от своей погибели, о чем с нетерпением ожидаю известий.

Я сам, узнав о сих обстоятельствах, поспешил прибытием в Бузулук, чтобы быть ближе к сим местам, главное

зло в себе заключающим, и отсюда поспешать буду к реке Каме»[1].

Незначительность состава войск, оставшихся в Башкирии, за нахождением отряда генерала Фреймана на Оренбургской линии, обращала на себя внимание князя Щербатова, который, отдав повеление майорам Жолобову и Гагрину с их отрядами находиться в Кунгурском уезде, неоднократно предлагал генералу Фрейману занять Зелаирскую крепость, как наиболее центральную среди Башкирии, для умиротворения ее населения. Также кн. Щербатов неоднократно обращался и к генералу Деколонгу о том, чтобы он не удерживал генерала Фреймана на линии.

«Крайне огорчает меня недействие и тщетное препровождение времени генерала майора Фреймана с великим числом войск, ему порученным, — писал кн. Щербатов Деколонгу, — не только теперь, когда войск весьма мало в Башкирии, но и до сего времени нужно весьма было прибытие его в Зелаирскую крепость, ибо весь тот угол Башкирии остается теперь в ожидании его без войска. Между тем он рапортует из Уйской крепости, что удерживается там вашим превосходительством; почему из приложенного к нему ордера усмотреть изволите, который доставить к нему прошу, чего я от него желаю. Сие конечно пишу к нему в последний раз, и если ваше превосходительство не благоволите его отпустить, то принужден буду донести Ея Императорскому Величеству, дабы затем ответствовать я не мог.

Рапорты сего генерала и недействие его деташемента показывают, что по удалении злодея обстоятельства вашего края спокойнее стали, но и опытами сие доказывается, что

[1] Д. № 141. Отношение кн. Щербатова к генералу Деколонгу 16 июля 1774 г. Бузулук. (Отправляя это отношение, кн. Щербатов еще ничего не знал о событиях 12—15 июля под Казанью.)

там только пылает в полной силе зло, где сам начальник оное производит».

Известие о распространении области мятежа до Камы, вследствие чего преграждался свободный водный путь в Сибирь, озабочивало Дениса Ивановича Чичерина, принимавшего живейшее участие в судьбах вверенного ему края, почему, передавая генералу Скалонгу свои впечатления по поводу совершившихся событий, он не мог не выразить соболезнования: «Видно по обстоятельствам, на Макарьевскую ярмарку купцам нет свободного и безопасного пути ни водою, ни сухим путем. Прямо наказание!»[1]

Это прекращение свободного пути потому в особенности представлялось серьезным для торговых и промышленных интересов Сибири, что и Ирбитская ярмарка, бывшая в начале года, не могла состояться в Ирбитской слободе, а перенесенная в Тобольск не имела успеха, несмотря на то что всем воеводам сибирских городов, магистратам и ратушам, а также и приезжавшему из других губерний купечеству, объявлено было от Чечерина, «что сие учреждение сделано в ограждение от хищнических рук злодеев, к спасению их самих, имения их, обнадеживая всех и каждого, кто будет в Тобольске при производстве торга из купечества и мелочников, что не только от всяких обид и притеснений защищены пребудут, но и принимаются они под его попечение и покровительство»[2].

По взятии Осы, позорно сдавшейся мятежникам во главе с начальником гарнизона майором Скрипициным, Пугачев сжег этот пригород и, забрав пушки, двинулся к Рож-

---

[1] Д. № 143. Уведомление Чичериным генерала Скалона 4 июля 1774 г.

[2] Д. 136 1774 года. Уведомление Чичериным генерала Скалона 25 января 1774 г.

дественскому заводу. Переправившись затем через Каму и заняв 27 июня Ижевский завод, двинулся к Казани.

Падение Осы и приближение Пугачева к Каме вызвали со стороны Казанского губернатора фон Брандта усиленную деятельность. Малочисленность оставшихся команд в Казани, за выкомандированием войск в разные места прежней деятельности самозванца, вынудила генерала Брандта просить помощи у отрядов, преследовавших Пугачева и разбросанных на огромном пространстве. Между тем самозванец, не встречая нигде препятствий, подвигался быстро по направлению к Казани, увеличивая свои силы.

Преследовавший мятежников полковник Михельсон 8 июля переправился через Вятку, 13-го находился в 14 верстах от Казани и получив сведения, что у самозванца до 12 000 человек, несмотря на малочисленность своего отряда, не превышавшего 800 человек, решился немедленно атаковать мятежников.

Все обращения генерала Брандта к отрядам Сибирских войск, расположенным близ Екатеринбургских заводов, о присылке помощи Казани не доходили до назначения. Эти отряды, также как и майор Гагрин, еще долгое время были в совершенном неведении о ходе событий и месте нахождения самозванца. Первые известия о движении Пугачева к Каме, затем к Казани получены были Сибирскими войсками всего в начале августа, при опросе бежавших из стана самозванца. Бежавшие из мятежнической толпы казак села Вишерского Сесюнин и Аннинского завода мастеровой Голущин 27 июля при допросе в Екатеринбурге показали:

«Мятежники, подойдя к пригороду Осе и встретив сопротивление со стороны жителей и гарнизона, обложили городское укрепление соломой с целью ее поджечь. Устрашенные мятежниками, признавая себя бессильными к защите, ввиду

недостатка пороха, гарнизон и обыватели 21 июня сдались самозванцу, выйдя из укрепления с образами, во главе с начальником гарнизона майором Скрипициным. Разграбив пригороди и предав его затем огню, а также приказав башкирам заколоть шихмейстера Яковлева, Пугачев с толпою отошел за три версты, где, остановясь, приказал осинскому священнику привести всех, только что им забранных пленных, к присяге на верность Государю Петру Федоровичу, Наследнику Цесаревичу Павлу Петровичу и супруге его Великой Княгине Наталье Алексеевне. Переночевав в пяти верстах от Осы, в деревне, пошли левой стороной Камы, дошли до Рождественского завода, где самозванец, узнав, что Скрипицин написал письмо Башмакову о выручке, с указанием удобства поражения, приказал повесить на кладбище 5 человек: майора Скрипицина, капитана Смирнова, унтер-шихмейстера Бахмана, приказчика кн. Голицына Клюшникова и целовальника Осинского пригорода, первых двух за сочинение письма, а остальных за знание умысла. Доносчик же подпоручик Минеев произведен был самозванцем в полковники.

Переправясь через Каму и оставив Рождественский завод нетронутым, забрав из него лишь местных мастеровых, пошли к Воткинскому казенному заводу, который совершенно выжгли, так как не нашли в нем жителей, заблаговременно выведенных в Ижевский завод; здесь же по приказанию Пугачева повесили одного отставного солдата, бежавшего из Рождественского завода, и одного крестьянина.

Не доходя двенадцати верст до Ижевского завода, встречены были, близ села Завьялова, сборною заводскою командою под начальством управляющего теми заводами Венцеля и обер-гинтер-фервальтеров Ижевского Алымова и Воткинского Клепикова. Не устояв против многочисленной толпы, эта команда бежала, преследуемая мятежниками. Венцель

и другие начальствующие лица были убиты. Заняв завод, мятежники приступили к грабежу, найденного там лекаря Рафена и его жену закололи и одного подьячего засекли до смерти.

Предав после ряда бесчинств завод огню, выступили и в пяти верстах расположились лагерем, где повесили двух пономарей и одного дьякона.

На другой день мятежники пошли в Казань прямо дорогою; на пути Пугачев произвел фурьера Екатеринбургской роты Саву Вершинина в свои полковники»[1].

Основываясь на приведенном показании и уведомлении Пермской провинциальной канцелярии о том, что, по полученным сведениям от генерала Брандта, Пугачев, разбитый под Казанью полковником Михельсоном, бежал неизвестно в которую сторону, полковником Бибиковым предложено было отряду Сибирских войск под начальством премьер-майора Жолобова и отряду Гагрина направиться к Красноуфимску с тем, чтобы производить поиски за рекою Уфою[2].

Во время опустошительного действия мятежников по берегам Волги и Камы генерал Деколонг, имея при себе две легких полевых команды 10 и 14, оставался в Челябинске в полном неведении о совершающихся событиях и в совершенном бездействии. Вся деятельность его в этот период времени заключалась лишь в предпринятом движении с своими командами, в половине июля, к Екатеринбургу для подкрепления командированных команд под предводительством премьер-майора Жолобова, но, однако, план этот не был выполнен и с половины пути, неизвестно по каким при-

---

[1] Дело № 141.

[2] Дело № 141. Рапорт полковника Бибикова генералу Деколонгу 5 августа 1774 г. № 6471.

чинам, 29 июля, Деколонг с командами вновь возвратился в Челябинск[1].

Находясь в этом городе, 9 августа генерал Деколонг получил первые точные известия о победах Михельсона под Казанью и о бегстве самозванца вниз по Волге.

Извещая об этих событиях, кн. Щербатов писал Деколонгу: «Я, ваше превосходительство, в последнем моем сообщении имел честь уведомить, какими обстоятельствами побужден я был оставить пребывание свое в Оренбурге и спешить к здешнему городу; но сколь ни поспешен был марш мой с войсками меня прикрывающими и прочих, которых из разных мест к здешней же стороне обратил, однако ж злодей самозванец Пугачев, пользуясь приклонностью обольщенной глупой черни, успел приблизиться к здешнему городу, и сколь ни старались его встретить, но, к несчастью, причинил он вред городу, зажегши некоторую часть городского строения, и может быть, удалось бы ему произвесть более злодейства, если бы достойный и храбрый подполковник Михельсон не отвратил злого его намерения. Сей расторопный штаб-офицер, не оставляя его преследовать с самого разбития злодея 22 числа прошедшего месяца и несмотря на великое препятствие, достиг его наконец под Казанью и совершенно разбил с многочисленною толпою, убив более 2000 человек и захватя до 5000 злодеев со всею его артиллериею. Но к крайнему сожалению, ушел с малым весьма числом злодей и перебрался через Волгу к Цивильску. В сие же время прибыл я в Казань и все мое внимание теперь на сего изверга обращено с тремя достаточными деташементами, которые стремятся за злодеем и отрезывают ему дорогу во внутренние российские места.

---

[1] Ордера генерала Деколонга Скалону 15 июня 1774 г. № 1347 и 29 июля 1774 г. № 1443. Челябинск.

Между тем число войск в Башкирии, около Оренбурга и в прочих Оренбургской губернии местах знатно уменьшилось, а как нужно очень очистить и успокоить все те места Казанской губернии, через которые бежал злодей и наполнил заразою возмущения, для того принужден я был дать повеления майорам Жолобову и Гагрину вступить в Кунгурский уезд»[1]. При этом кн. Щербатов вновь напоминал Деколонгу о скорейшем отпуске к Оренбургу отряда генерала Фреймана.

Основываясь на распоряжениях кн. Щербатова, полковником Бибиковым предложено было майору Жолобову «потянуться от Красноуфимска к Башкирии, предупреждая нашествие воров на здешние жилища»[2].

Победа, одержанная Михельсоном под Казанью, за которую Императрица щедро наградила всех ее участников, высоко ценилась современниками, видевшими в Михельсоне избавителя не только Казани, но и Москвы. Донесения Михельсона об этой победе кн. Щербатову, изложенные в рапортах от 13 и 16 июля, разосланы были в копиях главнокомандующим Оренбургскому губернатору Рейнсдорпу и генералу Деколонгу.

Препровождая означенные рапорты к генералу Рейнсдорпу, кн. Щербатов писал: «Хотя сие и облегчило мое беспокойство, но озабочивает меня несказанно бег сего злодея вверх по Волге, а более полученное сейчас от г-на Казанского губернатора и от подполковника Михельсона известие, что злодей на Кокшайском перевозе на 17-е в ночи через Волгу в весьма малом числе переправился; другая же толпа уклоняется по Алацкой дороге, но в которой сам злодей Пу-

[1] Д. 141. Отношение кн. Щербатова к генералу Деколонгу 29 июля 1774 г. № 383. Казань.

[2] Д. № 141. Рапорт Бибикова генералу Деколонгу 6 августа 1774 г. № 6476.

гачев — неизвестно. Для чего за Волгу отправлено 100 человек чугуевских казаков, вслед же за злодеями достаточной деташемент под командою секунд-майора графа Меллина; а я послал мои повеления к подполковнику Муфелю, чтобы он с крайнею поспешностью, забирая подводы, шел прямою дорогою к устью реки Камы, откуда обращу его за Волгу, узнав в которое место зло проявляться будет. Если же злодей по Волге устремится, то оставлю его для удержания, с другой же стороны поспешит г-н генерал-майор кн. Голицын. Я же сам не престаю поспешать на Туранский перевоз, а оттуда смотря по обстоятельствам, обращусь и побываю немалое время в Казани. Я покорнейше ваше превосходительство прошу уведомить о сем стремлении злодеев за Волгу Астраханского губернатора и господина генерал-майора Мансурова, равным образом о разбитии злодеев. О последнем и движении войск нужно также известить и некоторые места губернии вам порученной, а именно Ставрополь, который страхом наполнен»[1].

С удалением самозванца от границ Сибири и пограничных линий Оренбургской и Сибирской не только в значительной мере уменьшились случаи киргизской баранты, но киргизы Малой и Средней орды во всех случаях стали проявлять свою покорность и желание быть полезными в деле умиротворения башкир.

По поводу состояния киргизских орд Оренбургский губернатор Рейнсдорп в половине июля 1774 года сообщал генералу Деколонгу:

«Что касается до состояния киргиз-кайсаков, то хотя некоторые из них воришки при здешних крепостях продер-

[1] Д. № 141. Отношение кн. Щербатова к генералу Рейнсдорпу 19 июля 1774 г.

зости и оказывают увозом людей и оттоном скота, однако ж из того заключить неможно, чтобы они генерально на зло обратились. Хан их Нурали с братьями своими султанами о верности и усердии при всяком случае уверяет, только один из них, Дусали-султан, племянник Нурали-хана, развращен будучи от государственного злодея Пугачева, находится в беспокойстве, коего, однако, хан с братьями намеревается поймать»[1].

В доказательство верности Средней орды генерал Рейнсдорп препровождал перевод полученного им письма от султана Валия:

«От меня Средней орды Аблай-ханова сына Валия-султана высокопочтенному, высокочиновному и высокопревосходительному г-ну генералу-порутчику, Оренбургскому губернатору и кавалеру.

По многократном поздравлении моем слово мое состоит в следующем:

Присланное от вашего высокопревосходительства письмо через Чинять-мурзу благополучно я получил, только отца моего Аблай-хана дома нет, находится он на линиях с неисчисленными войсками против имеющихся там наших злодеев, и как не бесслышно, что он их в прах разбил, здесь же на место его управляю я.

Вы изволите писать о победе над вашим злодеем; услыша это, я весьма порадовался, ибо и мы находимся Ея Императорского Величества злодеям злодеи, а союзникам приятели.

Вам самим известно, что Чинять-мурза послан был от меня для торгу, в числе 73 человек, и они у того злодея в руках невольниками были, но их вы великосилием своим из

[1] Отношение генерала Рейнсдорпа к генералу Деколонгу 18 июля 1774 г. № 967.

рук того злодея взяли к себе, чем я весьма доволен, ибо мы Великой Государыни нашей верны и с подданными Ея как братья тому уже многие годы, один другому не учиня никакого злодейства, пребываем и отныне даже до второго пришествия злодейства в нас не будет»[1].

Преданность свою выражали и киргизы, кочевавшие близ Сибирской пограничной линии. Старшина Байжигит-мурза, имевший свои кочевья близ «камня Кокчетова», в письме на имя коменданта Петропавловской крепости бригадира Сумарокова сообщал, что от злодея, находившегося под Оренбургом, были послы к султану Аблаю, которые, не застав его, являлись к сыну его Валию, «заявив, что присланы от государя Петра Третьяго; но Валий объявил тем людям, что почитает лицо, пославшее их, единственно злодеем, вором и разбойником».

Кокчетовские киргизы, принося поздравление русскому оружию по поводу победы под Троицком, обращаясь к бригадиру Сумарокову, просили «дозволить им против злодеев башкирцев войною идти», и что ими сделаны сношения с другими соседними киргизами по поводу снаряжения в поход и заготовке лошадей[2].

Известия о приближении Пугачева к Каме порождали неудовольствие на кн. Щербатова; Императрица относила удачи самозванца к бездеятельности главнокомандующего, почему 8 июля назначен был главнокомандующим кн. Петр Михайлович Голицын.

По поводу своего назначения кн. Голицын от 9 августа 1774 года писал Деколонгу:

---

[1] Д. № 141. Перевод с татарского, письмо Средней орды Валия-султана генералу Рейнсдорпу 2 июня 1774 г.

[2] Д. № 141. Перевод с татарского письма старшины Байжигит-мурзы 4 августа 1774 г.

«Ея Императорскому Величеству угодно было всемилостивейше своим рескриптом поручить мне главную команду над всеми бывшими под предводительством господина генерала-порутчика и кавалера кн. Щербатова войсками, а его отозвать к высочайшему своему двору, вследствие чего оный господин генерал туда отправился, а я в командование сего корпуса на сих днях вступил.

При сем не оставляю присовокупить, к сведению вашего превосходительства, о здешних происхождениях: злодей государственный вор Пугачев, кинувшись от Верхнеяицкой линии, прорвался к Казани и, напав на оную с многочисленной сволочью, подверг несчастью сей прекрасный город, распространив в нем свои варварства. Полковник Михельсон, преследуя по стопам сего изверга, не допустил довершить своего хищного желания, напав в самое грабительство на него троекратно, поразил столь жестоко, что злодей лишился, почитай, всей своей дружины и с малою частицею бежал за Волгу, переправясь под Колменском, продолжил свой бег через Цивильск, Курмыш, Алатырь и далее, оставив везде знаки своего тиранства. В преследовании сего разбойника от предшественника моего господина генерала-порутчика кн. Щербатова отряжены деташементы под командою: первый — полковника Михельсона на Московской дороге, а другой — майора графа Меллина по следам сего изверга. Погоня за ним была от графа Меллина сильная, а полковник Михельсон сим движением отрезал ему путь, ежели бы иногда покусился он к Москве. Ныне, по последним известиям, Пугачев 11 августа находился уже в Пензе, и подполковник Муфель, направленный с Яика к пресечению сего бега, следуя через Корсунь, был от него тогда в сорока пяти верстах и пошел на поражение оного тирана; майор же граф Меллин на этот же самый раз, достигши Саранска, выступил за зло-

деем, а полковник Михельсон обращается теперь в Арзамасском уезде, прикрывая сим движением границы Московской губернии.

Господин генерал майор Мансуров из Яика обратился к Сызрани и по времени думаю, уже ежели не достиг, то близко оной находится, сею позицию он закрывает сторону Самарскую и Саратовскую. Настоящего уклонения злодейского еще теперь узнать неможно и по известиям считаю — или к Сарапулу, либо на Дон. Не оставил я и начальников тех пределов моим предуведомлением, дабы все осторожности от сего хищного злодея взять не упустили.

К ограждению Кунгурского уезда определены от меня с деташементами подполковник Попов в Осе, а майор Гагрин в прилегающих к оной местам.

Сей последний должен располагать свои движения, сходные с майором Жолобовым, оставленным к закрытию границ Екатеринбургского уезда. К обузданию же непостоянного башкирского народа учредить посты от Оренбурга к Стерлитамакской соляной пристани с полковником и кавалером Шепелевым, в Уфе с подполковником Рылеевым, в Мензелинске с полковником и кавалером Якубовичем, сей последний прикрывать будет и по левую сторону прилегшие к его расположению Казанской губернии места. Господину генерал-майору Фрейману неминуемо должно приблизиться к окружностям Оренбурга, деташементу же его предписать расположиться от Оренбурга, зачиная от деревни Богулчин, лежащею по левому берегу реки Белой, а оттуда к вершинам реки Яика на защищение Верхнеяицкой дистанции. О поспешном следовании сего генерала я ему предложил, но ваше превосходительство прошу ему предписать, дабы немедля маршировал со всем своим деташементом. Если надобность предусмотреть изволите в тех местах войскам, то

некоторую часть можно будет оставить, остальные же большие силы обратить к Оренбургу, для того что больше в тех местах великое злодейство происходит.

Теперь, собрав сколько мог из окружности здешних мест войск, с двумя эскадронами гусар, четырьмястами казаками и тремястами пехоты, отправляюсь завтрашний день сам на совершенное искоренение злодея и подкрепление преследующих его деташементов. Обращу первое мое движение на город Корсунь, а оттуда где, по обозрению обстоятельств, больше нужды в моем присутствии будет.

К безопасности города Казани и его околичностей, сколько я был в состоянии, войск оставил, препоруча над ними команду господину генерал-майору и кавалеру Потемкину, который к сему самопроизвольно свое желание объявил, имея особую порученную от Ея Императорского Величества комиссию. Ея Императорское Величество Всемилостивейше своим письмом меня уведомить изволила, что от Москвы с тремя полками генерал-майор и кавалер Чорба сюда отправлен и следует.

Таким образом, уведомляя ваше превосходительство о расположении вверенных мне войск, за должность почитаю изъяснить, что Ея Императорское Величество Всемалостивейшим письмом от 15 минувшего месяца, между прочим, изъявить соизволила, на каком основании в здешнем краю войска должны содействие свое располагать, притом же предпочитать за нужное Высочайше соизволила, чтобы деташементы вашего превосходительства могли составить кордон ради охранения границ Сибирской губернии и к согласному содействию здешним войскам, уповая, что удобнее, если зачнется от Верхнеяицкой крепости к Чеборкульской, простираясь до Екатеринбурга, и тем, расположенные войска, предводительствуемые вашим превосходительством,

могут с моими от Верхнеяицкой крепости к Екатеринбургу сомкнуты быть.

По нынешним важным обстоятельствам, чтобы ваше превосходительство не могло удалиться с корпусом своим во внутрь Сибири и особливо ныне, господин губернатор Сибирской, письмом написанным на имя покойного Казанского губернатора[1], уведомляет, что в тех местах, по удалении злодея, тишина восстановляется и насупротив того в здешних сильно свое распространение берет, то, уведомляя о сем, прошу ваше превосходительство к тому взять удобные меры.

Ея Императорское Величество Всемилостивейшим своим письмом изволила меня уведомить, что с Портою Отоманскою наиполезнейший и славный мир заключен. Сие известие доставлено в С.-Петербург от его сиятельства графа Петра Александровича Румянцева сыном его, который Всемилостивейше пожалован генерал-майором. Притом Ея Императорское Величество Высочайше изволила назначить, чтобы вся кавалерия из второй армии обратилась на искоренение здешних бунтовщиков»[2].

В то время как кн. Голицын делал распоряжения относительно более целеобразного распределения войск, предназначенных к преследованию самозванца и к умиротворению бунтовщиков, собираясь лично выступить с частью войск из Казани, последовало назначение нового главнокомандующего графа Петра Ивановича Панина.

Указ Военной коллегии по поводу назначения нового главнокомандующего получен был генералом Деколонгом в Челябинске через Оренбург 31 августа.

---

[1] Казанский губернатор фон Бранд умер 3 августа 1774 года.

[2] Д. № 141. Отношение кн. Голицына к генералу Деколонгу от 7 августа 1774 г. № 1619. Казань.

«Сего июля 29 дня, — гласил указ, — в Имянном Ея Императорского Величества указе, данном Военной коллегии, объявлено: узнав желание генерала графа Петра Панина служить Ея Императорскому Величеству в пресечении бунта и восстановлении внутреннего порядка, в губерниях Оренбургской, Казанской и Нижегородской, Высочайше повелеть соизволила Военной коллегии доставить к нему немедленно надлежащие сведения о всех тех войсках, которые ныне в тамошнем краю находятся, с повелением от себя и тем войскам состоять отныне под его главною командою. Вследствие сего о тех находящихся в губерниях Казанской, Оренбургской и Нижегородской и в тамошнем краю войсках равно и туда следующих, сего числа при указе из Военной коллегии отправлена к нему, г-ну генерал-аншефу и кавалеру, ведомость, а вы, господин генерал-порутчик и кавалер, будучи о сем Высочайшем Ея Императорского Величества соизволении через сие известны, имеете, со всеми находящимися в команде вашей войсками, состоять под главною его, г-на генерала-аншефа, и кавалера командою»[1].

Назначение нового главнокомандующего не остановило предпринятых кн. П.М. Голицыным мероприятий, который осуществив предположенное выступление отряда под своим начальством, еще 15 августа из села Томяшева Симбирского уезда сообщал Сибирскому губернатору Чичерину, «что как его сиятельство г-н генерал-аншеф и кавалер еще к корпусу не прибыл, распоряжения же всеми бывшими в моей команде войсками, сообразуя здешние обстоятельства, предоставлены мне; посему ваше превосходительство прошу о следующих до сведения моего известиях уведомлением не оста-

[1] Д. № 141. Указ Военной коллегии генералу Деколонгу 29 июля 1774 г. № 7870.

вить, главное же, и в подчиненные вам места предложить, дабы они по касающимся до порученной мне экспедиции, доставлять известия могли»[1].

С водворением спокойствия в пределах Сибирской губернии, а также в пограничных с нею местах Исетской провинции, по удалении самозванца во внутренние губернии Империи, генерал Деколонг считал свою миссию оконченною, почему еще 2 августа ордером давал знать комендантам Сибирской пограничной линии: «что так как многие повеленные правительством дела остаются без окончания и которые без него решить никто не может, — то он, оставя обращающиеся в здешних пределах Сибирского корпуса войска в предводительстве прибывшему по его повелению генерал-майору Скалону, отправляется сам в места своего постоянного пребывания»[2].

Быстрота движения самозванца, разбитого под Казанью, вниз по Волге и предположения о возможности нового вторжения его в Башкирию заставили однако генерала Деколонга отложить, на некоторое время, отбытие свое из Челябинска в Омскую крепость.

ГЛАВА XI

Отъезд графа П.И. Панина из Москвы. — Циркуляр его от 25 августа 1774 года. — Предложение его Сибирскому губернатору Чичерину о применении циркуляра 25 августа 1774 года. — Занятие Пугачевым Пензы и других городов. —

---

[1] Д. № 143. Отношение кн. Голицына к Сибирскому губернатору Чичерину15 августа 1774 года. № 1727. Село Томяшево в Симбирском уезде.

[2] Ордер генерала Деколонга коменданту Омской крепости бригадиру Клаверу 2 августа 1774 г. № 1666.

Движение самозванца к Петровску и Саратову. — Последнее поражение самозванца Михельсоном. — Уведомление графом П.И. Паниным генерала Деколонга о своем полномочии и о поражении самозванца. — Возвращение генерала Деколонга в Омскую крепость. — Уведомление П.С. Потемкина о поимке Пугачева. — Новое возмущение конфедератов в Сибири. — Уведомление графа П.И. Панина о поимке Пугачева. — Присылка портрета самозванца.

Граф Петр Иванович Панин, получив назначение главнокомандующего, медлил отъездом к театру военных действий, выжидая как разъяснения обстоятельств, так и прибытия вновь назначенных войск к борьбе с мятежниками.

Только 17 августа он выехал из Москвы, имея прежде всего в виду восстановление спокойствия в губерниях Нижегородской и Воронежской.

Деятельность нового главнокомандующего, обращенная к подавлению мятежа во внутренних губерниях Империи, где в особенности буйства помещичьих крестьян требовали энергичных мер, еще продолжительное время ничем не проявлялась по отношению к Сибири. В течение всего периода времени, с назначения графа П.И. Панина до поимки самозванца, Сибирь и Исетская провинция, охраняемые Сибирскими войсками, оставались вне всякого влияния на них распорядительности главнокомандующего. Первое мероприятие нового главнокомандующего, которое сделалось известным в Сибири, это был циркуляр 25 августа, полученный генералом Деколонгом и Д.И. Чичериным в начале октября:

«1774 года, августа 25 дня, по указу Ея Императорского Величества и по данной мне мочи, за собственноручным подписанием, на усмирение производимого ныне в государ-

стве бунта изменником с его сообщниками и самозванцем Пугачевым, в имени покойного Императора Петра Третьего, который известно всему государству, двенадцать тому уже лет скончался и пред глазами всего Петербурга похоронен в Невском монастыре, по усмотрению на месте удобнейших средств, не только к пресечению сего бунта, но и к возвращению в прежнее верноподданическое повиновение Ея Императорскому Величеству законновладеющей Империей Всероссийской Императрице, Великой Екатерине Второй, всех взбунтовавшихся и заразившихся сим бунтом Ея Величества подданных, изменников и сообщников его, предполагаю я сим по государственным законам поступать по нижеписанному:

1) Во всех тех городах и селениях, в которых обыватели поднимали свои руки или способствовали только поимке и предательству в руки изменников на убийство своих воевод, всяких постановленных от Ея Величества начальников, собственных помещиков, священников и всякого звания верноподданных, и тех, как самых убийц, так и предателей, заводчиков, изготовя наперед по христианскому закону, казнить смертию отрублением сперва руки и ноги, а потом головы и тела класть на колесы проезжих дорог.

2) Всех без изъятия последователей за таковыми бунтовщиками сечь жестоко при виселице плетьми».

3) Ради такой кары, при всех тех селениях, которые бунтовали или хотя ослушными противу законного начальства оказывались, поставить и впредь до указу не велеть снимать по одной виселице, по одному колесу и по одному глаголю, для вешения за ребро.

4) Если заводчиков убийств учрежденных начальников, собственных помещиков, священников, настоящими обличениями изыскивать будет уже нельзя, то в таковых селениях,

где начальники, священники и всякого звания верноподданные умерщвлены или преданы их же поселянами, принуждать к выдаче заговорщиков метанием между ними жребия, для повешения третьего, а ежели и сим средством они их не выдадут, то и действительно сотого между таковыми по жребию повесить, а остальных всех возрастных пересечь жестоко плетьми.

5) Всех поселян, возвращенных сими средствами в прежнюю подданническую верность к Ея Императорскому Величеству нашей Всемилостивейшей Государыне и в должное повиновение своих начальников, помещиков, утвердить в том целованием Евангелия и Креста, объявив, что кто и за сим дерзнет впредь каким-либо образом приобщаться к бунтовщикам или утверждать самозванца Петром Третьим, который двенадцать уже тому лет, всему государству известно, подлинно скончался, или кто сделает малейшее ослушание воеводам, канцеляриям, всяким над собою начальникам и собственным помещикам, а другие таковых заводчиков или подсыльных от государственных бунтовщиков не свяжут и в ближайшую канцелярию или в воинскую команду не представят, за то в самой скорости присланными из войск команды генерала графа Ланина все в таковых селениях без изъятия возрастные мужики будут казнены мучительнейшими смертями, жены и дети их отданы в рабство, а земли во владение в верности прибывшим, всегда к Ея Императорскому Величеству подданным и помещикам.

6) Если, паче чаяния, чего до сих пор еще не произошло и ожидать почти невозможно, чтобы нашлись по вышеписанному заслужившие наказание смертной казни или телесные наказания, дворяне или имеющие офицерские и высшие чины, также из духовного рукоположения, таковых по изобличении содержать прикованными к стенам на хлебе и

воде, а о действительном их наказании представить генералу графу Панину через нарочных.

7) В тех селениях, в которых собственными обывателями, что казенного или помещичьего, разграблено, оное принуждать обратно возвращать, с тем угрожением, если у кого что из такого награбленного и собственно собою невозвращенного впредь отыщется, то таковой непременно будет повешен»[1].

Исполнение приведенного циркуляра впоследствии было подтверждено именным указом Ея Императорского Величества, данным на имя графа Панина и предложением главнокомандующего Сибирскому губернатору Чичерину. Находясь в Симбирске, граф Панин писал Чичерину:

«Какой дан Правительствующему Сенату Высочайший именной Ея Императорского Величества указ о сделанных мною распоряжениях и Ея Величеству донесенных по тем селениям, какие сопричаствовали изменническому бунту и дерзновенному выступлению от повиновения законной власти, на обуздание впредь черни в подданническом повиновении с различием противу тех, которые оному изменничеству не последовали, с того копию, есть ли еще по настоящей дороге из Правительствующего Сената в получении нет, здесь прилагая, с моим засвидетельствованием, а к точному и непременному исполнению Высочайшего Ея Императоского Величества оного указа присовокупляю сие (на случай, если бы и в губернии ведения вашего нашлись города и селения, вышедшие из законного повиновения надлежащим властям и прилепившиеся к самозванцу и изменнику Пугачеву):

---

[1] Д. № 147. Приведенный указ получен был в Сибири в октябре 1774 г. Рапорт генерала Скалона генералу Деколонгу 28 октября 1774 г. № 292. Челябинск.

Чтобы при всех, без изъятия, в тех городах и всякого звания селениях, которые дерзали при нынешнем государственного злодея Пугачева возмущении бунтовать и выходить из должного подданнического повиновения, как канцеляриям и начальникам поставленным от Ея Императорского Величества, так и из послушания своим помещикам, постановлены бы непременно при больших дорогах виселицы, колесы и глаголи. И впредь до указа содержаны бы были, а при каких именно селениях и за какое именно бунтовщичье оказательство постановлены будут и те на смертную впредь казнь приготовлены, об том прислать ко мне как можно скорей обстоятельные ведомости за рукою вашею.

С сего времени впредь до особливого Ея Императорского Величества указа во всех тех селениях, где оные приготовления для смертной казни поставлены будут, по преступлениям не только бывшего злодея Пугачева бунта, но и по всем прочим, заслуживающим смертную оную над злодеями и преступниками подлого состояния, а не над дворянами и имеющими офицерские и выше чины, производить по указанным следствиям самым исполнением, по государственным законам тем присутственным местам, которым власть над смертною казнью по оным законам прежде была предписана, не останавливаяся за изданными о удержании над преступниками смертной казни Всемилостивейшими указами, как покойною в Бозе почившею Государынею Императрицею Елисаветою Петровною, так и ныне владеющею над нами нашею Всемилостивейшею Самодержицею. А о дворянах и чиновных лицах, в смертные преступления впадающих, представлять на решение к вышним подлежащим местам.

В тех же городах и селениях, которые не были причастны нынешнему государственному возмущению и бунту, но всегда пребывали в должном повиновении законной власти,

при которых, яко подданнической верности к Ея Императорскому Величеству пребывших, в различие же тех, кои в изменническое преступление впадали, не ставить ни виселиц, ни колес, ни глаголей и со впадающими из оных селений преступниками под смертную казнь по обыкновенным, государственным законам оного от искоренения удерживаться, то поступать с ними Всемилостивейше изданным от их Императорских Величеств, в Бозе почивающей покойной Государыни Елисаветы Петровны и ныне благополучно Державнейшей над нами Всеавгустейшей великой Государыни Императрицы Екатерины Второй»[1].

В препровожденном указе повелевалось «всем присутственным местам во всем поступать, при определении наказания за преступления, по точной силе учреждений графа Петра Ивановича Панина».

Между тем Пугачев производил страшные опустошения. Разграбив Саранск, мятежники вступили в Пензу, заняли Алатырь, Инсару, Краснослободск, Темников, Керенск, Нижний Ломов, где при сообщничестве помещичьих крестьян производили грабежи и неистовства.

Партия, предводительствуемая самим самозванцем, приняла направление к Петровску и затем к Саратову. Разграбив эти города, 9 августа Пугачев пошел вниз по Волге, преследуемый отрядами войск полковника Михельсона и генерал-майора Мансурова.

21 августа самозванец приблизился к Царицыну; оставив этот город, защищенный сильным гарнизоном, и боясь настигавшего его Михельсона, двинулся к Сарепте. 24 августа у Сальникова завода Михельсон настиг самозванца, нанеся

[1] Д. 117. Предложение графа Панина Д.И. Чичерину 3 октября 1774 г. № 145. Симбирск.

ему последний и самый сильный удар. Мятежники потеряли 24 орудия, более 2000 убитыми и до 6000 пленными. Самозванец бежал одним из первых с поля сражения, будучи преследуем до самой Волги, через которую успел, однако, переправиться с главными сообщниками, направившись к Черному Яру. Остальная часть толпы рассыпалась в разные стороны, ища где можно спасения.

Сформированные летучие отряды от войск, состоявших при командах Михельсона и Мансурова, отправлены были за Волгу с приказанием преследовать самозванца по следам.

В таком положении находилось дело, когда 2 сентября прибыл в Царицын генерал-поручик Суворов, принявший, по приказанию главнокомандующего, общее начальство над всеми отрядами, преследовавшими Пугачева. Донесение полковника Михельсона о разбитии им самозванца получено было главнокомандующим во время нахождения его в Керенске; также 2 сентября и из этого города впервые граф Панин уведомил генерала Деколонга как о своем полномочии, так и об успехах оружия отряда Михельсона.

«Если ваше превосходительство еще не известны, — писал граф Панин генералу Деколонгу от 3 сентября 1774 года, — то сие предлагает вам, что по собственному Ея Императорского Величества Высочайшему указу Всемилостивейше поручено мне главное начальство над всеми войсками, отряженными к пресечению бунта, произведенного самозванцем и изменником Пугачевым, и на приведение во всем государстве прежнего спокойствия; в числе сих войск и ваше превосходительство с деташементом помещены. Вследствие того и имеете через нарочного меня уведомить как о числе и состоянии вашего деташемента, так зачем и где вы находитесь, что в порученном вам деле производите, зачем генерал-майора Фреймана при себе удерживаете по

столь долговременном уже отбытии из вашего края в такую отдаленность самого самозванца. А что до здешних моих произведений, со вступления к сему начальству происходит, то оное предполагается к вашему сведению следующим: вчерась только я получил рапорт, что проклятый самозванец разбит наголову 25 числа минувшего месяца храбрым и неутомимым господином полковником Михельсоном на Астраханской дороге за Царицыным в ста верстах, все без изъятия у него отнято, и бежал он только с пятьюдесятью человеками степью к Астрахани, не имея при себе не только ни одной телеги, даже и вьючной лошади; за ним погнались наши на отборных лошадях отряды по обеим сторонам Волги, и я теперь ожидаю ежеминутно известия, чем оное конец свой получит, ласкаясь притом надеждою либо о поимке злодея, либо о его умерщвлении, потому что на степи нет у него никаких пропитаний, а страна, сказывают, та вся выгорела; в рассуждение же наших преследующих его, то несомненно по свободному их заду, доставится им пропитание.

Хотя произойдет в том желанный успех или нет, однако ж столько из оного его на самой степи уже разбития, кажется, произошло, что он, злодей, лишен способов усиливать себя шайкою, а с оною обратится, да и с одною своею персоною скоро ни в сердце нашего государства, ниже и в ваш столь отдаленный край не может. По сему и осталось мне здесь возженные и весьма дерзко производимые еще чернию бунты совсем усмирить, на что я, разделив в разные деташаменты все здешние войска, вижу надежное в том преуспевание, зачинаю уже спешить обратить в ваш край все мое полномочие на избавление его от претерпеваемого теперь зла, чрез отдаление из него за злодеем войск, и не только оные все к вам возвращу, да и прибавлю еще их из вновь ко мне под ведение вступивших.

Я пробыл здесь три дня в ожидании настоящего в здешней окружности усмирения и наказания бунтовщиков посланными от меня для того отрядами, которые их где не повстречают, все побивают и усмиряют, потом пойду вперед до Ломовы, яко сии места самая средина возженных приходом самозванца бунтом; после, если чего особливого не приключится, обращусь к Симбирску на мое к вашему краю приближение»[1].

Это первое обращение графа П.И. Панина к делам Сибири[2], полученное генералом Деколонгом 8 октября в Омской крепости, по существу заключавшихся в нем упреков об удержании генерал-майора Фреймана с отрядом Оренбургских войск в районе подведомственном командующему Сибирскими войсками, так же было несправедливо, как и обращения прежде бывших главнокомандующих кн. Щербатова и кн. Голицына, основанных исключительно на представлениях генерала Фреймана, объяснявшего свое бездействие этим удержанием. По удостоверениям начальников Сибирских войск, генерала Деколонга и в особенности генерала Скалона, отзыв которого можно считать вполне беспристрастным как лица, не имевшего влияния на удержание генерала Фреймана в месте распоряжения Сибирских войск: «Генерал Фрейман зашел в Исетскую провинцию с своими деташементами сам, удерживаем никогда не был и из оной вышел с войсками на основании повелений от главной команды»[3].

Во время последовавшего предложения графа Панина генерал Фрейман с большею частью войск своего отряда уже

---

[1] Д. № 147. Предложение графа Панина генералу Деколонгу 3 сентября 1774 г. № 128. Керенск.

[2] Там же.

[3] Д. № 147. Донесение генерала Скалона графу Панину 2 октября 1774 г. Челябинск.

находился в окрестностях Оренбурга, на Верхнеяицкой же линии и в Исетской провинции оставался лишь отряд Тимашева с двумя неполными легкими полевыми командами 23 и 25, в количестве 543 человек, расположенными там распоряжением самого генерала Фреймана.

Несмотря на обстоятельства, указывавшие возможность движения самозванца при его бегстве в Башкирию, генерал Деколонг с корпусом Сибирских войск, находился в совершенном бездействии, поручая лишь незначительные рекогносцировки отдельным отрядам по мере получения сведений о брожении среди заводского населения.

Еще до получения сведений о победах Михельсона Деколонг, сдав командование Сибирскими войсками, действовавшими против самозванца, генералу Скалону, отправился в Омскую крепость с одною легкою полевою командою, куда и прибыл 2 октября, дав об этом знать подчиненным ему начальникам отдельных частей, а также Иркутскому губернатору Брилю и начальнику Колывано-Воскресенских заводов Иерману:

«По установлении в Оренбургской губернии, в Исетской провинции и Екатеринбургской ведомстве, то ж частью и Сибирской губернии Ялуторовском дистрикте, жителей от известного возмущения в должную тишину, кроме башкирцев, из коих, однако ж, некоторое число с повиновением пришли, в тамошнем краю не такая опасность, какова прежде осталась. А как на Сибирской линии час от часу, по доходящим ко мне рапортам, от киргиз-кайсак великие опасности приходят по намерениям к нападению на наши крепости, а в самом деле через прорывы внутрь, разорение деревень, увоз и убийство многих людей, сколько по тому, а более, что по отбытии моем до ныне многие важные по повелениям вышних правительств дела остаются нерешенными, которые без меня

решить никто не может, — препоруча бывшие при мне там войска во управление господину генерал-майору и кавалеру Скалону, я по-прежнему к командованию здешними линиями в Омскую крепость вчерашнего числа прибыл»[1].

Насколько неосновательна была ссылка, деланная генералом Деколонгом на опасности, угрожавшие будто бы Сибирской линии со стороны киргиз, вынуждавшие сдать его команду над войсками, действовавшими против самозванца, генералу Скалону, то доказывается как поступавшими в то время к пограничным начальникам мирными и преданными заявлениями со стороны киргиз, так и отсутствием усиленного производства баранты и вообще набегов кочевников на русские оседлые поселения.

Одновременно с извещением графа Панина получено было Денисом Ивановичем Чичериным в Тобольске уведомление от П.С. Потемкина о положении дел по поимке самозванца:

«Я должен вашему превосходительству донести, — писал Потемкин, — что преследуют Пугачева триста Яицких казаков с верным старшиной Бородиным и тысяча Донских, а за ними с достаточным деташементом секунд-майор граф Меллин, наконец господин Михельсон отправился из Царицына. В здешней же стороне, как скоро известился о сем обороте господин генерал-майор кн. Голицын, то немедленно с деташементом своим взял марш к Иргизу, дабы там злодея встретить, а я в подкрепление послал на Самарскую линию достаточный деташемент под командою полковника Якубовича и жду с нетерпением от первого известия, считая его близ злодея.

---

[1] Д. № 43. 1773—1774 гг. Журналы по части пограничной. Отношения генерала Деколонга к генералам Брилю и Иерману 3 октября 1774 г. № 59 и 60.

По сему распоряжению можно иметь твердую надежду, что злодей не возможет внутрь земли ворваться, равным образом не может он сыскать убежище и на Яике, потому что все тамошние казаки клятвенно обещались не дать ему войска и пути, а у Оренбурга господин генерал-майор Фрейман находится, и потому заключаю я: что если не удастся ему тайным образом внедриться в Башкирию, то статься может, что не вознамерится ли он укрываться в киргизской степи, так как есть показания от вышедших из плена, что киргизы ему доброхотствуют, которых наглость и набеги по линии доныне еще несовершенно пресеклись. И для того за нужное поставил вашему превосходительству о сих обстоятельствах сообщить, дабы благоволили со стороны вашей принять нужные меры предосторожности, чтобы злодей не мог близ пределов вверенной вам губернии оказаться, если бы сверх чаяния, степью туда пробираться он начал.

Впрочем, дела здешнего края час от часу в лучшее состояние приходят: сколь ни мало осталось на здешнем берегу реки Волги в команде моей войск, но утушается ими не только здешних мест возмущение, да и за Волгою; все ближайшие провинции, как-то Симбирская, Пензенская, Саранская и Алатырская успокаиваются.

Башкирия также утихает, и старшины не перестают являться с повиновением. Вступление же стекающихся сюда войск и команд господина генерала графа Панина ускорит восстановление совершенно тишины и спокойствия всего здешнего края, несказанные бедствия претерпевшего»[1].

При этом уведомлении Потемкин собственноручно делал добавление: «Сей самый час получил я приятнейшее из-

[1] Д. № 147. Отношение П.С. Потемкина к Д.И. Чичерину 17 сентября 1774 г. Казань.

вестие, что известный государственный бунтовщик Емелька Пугачев пойман при речке Усихе и поведен в Яицкой городок. Толь приятную ведомость сообщая вашему превосходительству, льщу себя, что повсюду прежнее спокойствие восстановится».

Известие о поимке Пугачева подтверждено было и прибывшим в Тобольск из Москвы курьером, сообщившим также, что Ея Императорское Величество изволит прибыть в Москву в январе (1775 г.); к пребыванию Ея Величества очищается дом на Пречистенке князя Михаила Михайловича Голицына[1].

Получение известия о поимке самозванца застало Д.И. Чичерина озабоченным подавлением нового волнения среди конфедератов в Тобольске. По этому поводу Чичерин сообщал Деколонгу: «В Тобольске открылось подозрение за находящимися в военной службе конфедератами и по захвачению нашли подлинно умышление оных к измене. По произведенному тотчас следствию явилось, что все они генерально, сколько их в Тобольске в разных командах ни есть, имели общий заговор, брося ружья и сняв амуницию, отказаться от повиновения и службы Ея Императорскому Величеству; почему все числом до 400 человек в тот же момент арестованы и первым зачинщикам сего умысла подлежащее наказание учинено будет. Прочих всех по причине, что у меня военных людей числом столько нет, сколько сих изменников, определил я, разбив на части, разослать в разные Сибирской губернии отдаленные места»[2].

Дальнейшее следствие обнаружило, что в заговоре участвовали вместе с конфедератами, находившимися в Тобольском

---

[1] Д. № 147. Письмо Чичерина к генералу Деколонгу.

[2] Д. № 147. Письмо Чичерина к генералу Деколонгу 30 сентября 1774 г.

батальоне, конфедераты, размещенные по войскам Сибирской линии. В числе главных зачинщиков заговора был Савелий Козицкий, служивший нижним чином в Омском батальоне[1].

Хотя результаты следствия показали, что настоящий заговор конфедератов ничего не имел общего с мятежными замыслами приверженцев самозванца, а вызван был исключительно плохим содержанием нижних чинов в командах и грубым отношением начальников команд с подведомственными им нижними чинами, тем не менее генералом Деколонгом предложено было всем начальникам военных частей, расположенных по Сибирской пограничной линии, в которых находились польские конфедераты, «по причине открывшегося в г. Тобольске от находящихся в военной службе конфедератов формального бунта иметь неослабное примечание над состоящими в здешних местах конфедератами, отобрав от них ружья и патроны».

Приказание генерала Деколонга приведено было немедленно в исполнение во всех командах, расположенных по пограничной Сибирской линии, встретив лишь протест со стороны начальника 13-й легкой полевой команды премьер-майора Эртмана, донесшего, что находящиеся в его команде конфедераты, в числе 21 человека, с успехом участвовали в подавлении мятежа при действиях команды в пределах Ялуторовского дистрикта, оказав особое усердие, а потому он считает несправедливым налагать на них какое-либо позорное наказание. Протест этот был уважен, и генералом Деколонгом разрешено было конфедератам 13-й легкой полевой команды сохранить оружие и патроны[2].

---

[1] Д. № 147. Письмо Чичерина к генералу Деколонгу 2 октября 1774 г.

[2] Рапорт премьер-майора Эртмана генералу Деколонгу 15 октября 1774 г. Крепость Пресногорьковская.

Уведомление сибирских деятелей генерала Деколонга и Д.И. Чичерина о поимке самозванца последовало со стороны главнокомандующего графа П.И. Панина всего во второй половине октября месяца. Препровождая к распубликованию 10 печатных экземпляров извещения о поимке самозванца, граф Панин писал генералу Деколонгу: «Ваше превосходительство, надеюсь, уже известны, а если нет, то полученные десять экземпляров к распубликованию известят вас, что злодей и самозванец Пугачев здесь в оковах готовится к заслуженной им казни, и потому еще присовокупляю, что все внутри России возмущенные от него шайки не только совсем низложены, но и вся пригородная чернь в прежнее повиновение приведена, почему и остается только вверенному вам оружию низложить бунт и возмущение киргиз-кайсак и башкирцев, не допустя, если, паче чаяния, и от природной российской черни могло возникнуть еще какое возмущение в крае вашем, что от моего надзирания еще отдалено, к которому поспешить хотя я и напрягаю все силы, но изнурившиеся здешние войска, с наступившею теперь весьма тягостною распутицею, не могут мне оного на некоторое время еще дозволить. Для того вышепрописанные оставшиеся еще предметы, порученные бдению войск вам вверенных, в краю вашем теперь и остаются, единственно на собственном вашего превосходительства ответе, усердии и верности к Ея Императорскому Величеству».

Это уведомление получено было генералом Деколонгом в Омской крепости 15 ноября. В то же время уведомлен был и Денис Иванович Чичерин, которому граф Панин посылал и портрет самозванца.

«Его сиятельство граф Петр Иванович Панин, — сообщал Чичерин Деколонгу, — изволил уведомить, что Пугачев

под крепким конвоем ведется в Москву, и рожу его ко мне прислал, которую, скопировав, вашему превосходительству посылаю. Вчера получил я от приятеля две семги, из которых вашему превосходительству одну при сем посылаю, зная, что у вас ее нет»[1].

ГЛАВА XII

Увеличение количества войск для умиротворения населения. — Распределение войск в пределах Башкирии. — Состав Сибирского корпуса, количество войск, действовавших против самозванца из состава этого корпуса. — Общее число Сибирских войск, находившихся под предводительством генерала Деколонга в экспедиции против самозванца. — Участие в этой экспедиции Сибирского линейного казачьего войска. — Заслуги генерала Деколонга перед Сибирью. — Умиротворение населения Исетской провинции и Башкирии. — Поимка последних сподвижников самозванца Салавата и Юлая. — Экономическое расстройство местностей, объятых мятежом. — Меры, принятые правительством, к предотвращению народных бедствий.

В распоряжении нового главнокомандующего, с самого начала его назначения, для действий против самозванца стали поступать значительные военные силы, прежде отвлекавшиеся войною с Турциею. Призванные войска оставались еще некоторое время, по поимке самозванца, размещенными

[1] Д. № 147. Предложение графа Панина генералу Деколонгу от 17 октября 1774 г. № 446. Симбирск.

Д. № 147. Письмо Чичерина генералу Деколонгу 16 ноября 1774 г. Тобольск.

в разных пунктах прежнего мятежа для совершенного умиротворения населения.

Граф Панин, препровождая из Симбирска 17 октября к генералу Деколонгу составленное им расписание войск, писал между прочим: «Главное внимание я распространил к тому, чтобы занятием всех нужных постов, лежащих от стороны Башкирии, утвердить сей к колебленностям и возмущениям по природе своей склонный народ в совершенном спокойствии. Ваше превосходительство, согласясь с оным моим предположением, благоволите и с своей стороны находящиеся в команде вашей войска расположить таким образом, дабы правое крыло вашего кордона имело соединение с постами, учрежденными во второй дивизии, начиная от Красноуфимска, и простиралась бы линия через Екатеринбург по реке Исети на Челябинск, Увельскую и Уйскую крепости, примыкая левое крыло к Верхнеяицкой крепости. А если ваше превосходительство заблагорассудите занять посты в Чебаркульске и в Кундарской слободе или в других каких-либо способных к тому местах, для надежнейшего уральских башкирцев обуздания, то я сие предоставляю собственному вашему ближайшему рассмотрению, основанному на нужде и обстоятельствах требовать того имеющих, напоминая с моей стороны вам, что лежащие от Верхнеяицкой через Степную к Троицкой крепости места заняты быть могут.

Располагающаяся в близости Сибирской линии вашему попечению вверенная киргиз-кайсацкая Средняя Орда, по известной сего народа ко всяким грабительствам поползновенности, не меньше вышеозначенного долженствует заслуживать с вашей стороны внимания, и так, ваше превосходительство, обуздывая хищных и непостоянных башкирцев, изволите и в сем последнем случае принять такие

меры, которые бы во всем совершенстве обеспечили тамошние места от неприязненных киргиз-кайсацких покушений».

По составленному графом П.И. Паниным расписанию нижеследующие войска входили в состав действующей армии против самозванца:

А) Первая дивизия под командою г-на генерал-поручика и кавалера Суворова

У кого в бригаде	Полки	Расположение по квартирам
Пехотные		
Бригада г-на генерал-майора Волкова	Второй гренадерской	Соединится в Казани, кроме тех рот, кои на правом берегу Волги
	Великолуцкой	Штаб в Симбирске, а батальоны в селах близ Симбирска
Бригада г-на бригадира Пилля	Ладожской	Первый батальон в Алатыре и по уезду, второй в Курмыше и по уезду
	Нарвской	В Темникове, Краснослободске, Наровчате, Инсаре, Керенске, Саранске, Нижнем Ломове
Полки кавалерийские		
Бригада г-на генерал-майора Чорба	Архангелогородской карабинерный	По удобным местностям к пропитанию, позади Саратова и Сызрани
	Владимирской драгунской	В Верхнем Ломове и по уезду, где лучше фураж родился
	Смоленской конный	В Арзамасе и по уезду
Легкие		
Бригада г-на полковника Древиц	Полковая команда г-на подполковника Муфеля	В Сызране
	Венгерской гусарской полк	В Корсуне и где способнее фураж получать
	Пикинерной Донецкой	В пригороде Тетюше и по уезду на низ р. Волги
	Донской Краснощокова	В Самаре и в окружности онаго, где удобнее фураж получать
Полевая артиллерия, прибывшая в генеральную квартиру		В селе Шиловке близ Симбирска
Сверхкомплектный г-н полковник Михельсон по управлению генерального дежурства, под ведомством которого уланские: Пензенской, Симбирской и Саранской		Всякой в городе и по деревням собственных своих уездов

Б) Вторая дивизия. Под командой г-на генерал-майора князя Голицына, в должности генерал-поручика

1-я бригада генерал-майора Мансурова, пребывание в Оренбурге, 2-я бригада генерал-майора Фреймана, пребывание в Уфе, 3-я бригада генерал-майора Волкова.

Полки пехотные: Владимирский, Томский, 6 легких полевых команд, состоящих на левом берегу Волги, 3 пехотных роты полевых полков.

Полки кавалерийские: С.-Петербургской карабинерной, Изюмской гусарской, 7 полевых гусарских эскадронов, Молдавской гусарской, Бахмутской гусарской, Луганской пикинерной, Казанские уланы, Донской казачий полк, Чугуевской казачий полк, команда Малороссийских казаков.

Полевая артиллерия, все полевые орудия, состоящие на левом берегу Волги.

В) Корпус для предохранения сибирских границ и внутреннего в Сибирской губернии спокойствия под главною командою генерал-поручика Деколонга

Генерал-майоры: Скалон, Станиславский, 7 легких полевых команд и все те войска, которые в ведении его состоят[1].

Вторая дивизия, предназначавшаяся по преимуществу к умиротворению населения в местностях, сопредельных с расположением войск Сибирского корпуса по составленному графом Паниным расписанию, распределялась по нижеследующим пунктам:

---

[1] Д. 147. Предложение графа Панина генералу Деколонгу 17 октября 1774 г. Симбирск. «Разделение состоящих под начальством графа П.И. Панина генералитету и полкам».

1-я бригада генерал-майора Мансурова, пребывание в Оренбурге

Где расположены	Полки и команды	Число	Под чьими командами
В Оренбурге	Бахмутского гусарского полка с премьер-майором Шевичем эскадроны	2	
В Илецком городке	22-я легкая полевая команда	1	Под командою подполковника Гринева
	Бахмутского гусарского полка при секунд-майоре Голубе эскадронов	2	
В Яицком городке	7-я, 8-я легкие полевые команды	2	Под командою полковника Симонова
	Бахмутского гусарского полка с премьер-майором Штерн эскадронов	3	
В Богульянской слободе	Томского пехотного полка баталион	1	Под командою полковника Кожина
В деревне Усмановой	Донского войска казаков	100	
В деревне Сарпаевой	Донского войска казаков	100	
В Вознесенском заводе	Томского пехотного полка баталион	1	Под командою штаб-офицера того же полка
	Донского войска казаков	100	
В Преображенском заводе	6-я легкая полевая команда	1	Под командою подполковника Наумова
	Донского войска казаков	100	
Близ р. Кинели	Изюмской гусарской полк	1	Под командою полковника Хорната
	Донских казаков	200	
Близ Кичуевского фельдшанца	Казанские уланы	—	
	Полуэскадрон гусар	—	

2-я бригада г-на генерал-майора Фреймана, пребывание в Уфе

В г. Уфе, в Табынске	С-Петербургского карабин. Полка рот	3	Под командою подполковника Шепелева
	Эскадронов	2	
В Овзяно-Петровском заводе	Вятского пехотного полка	3	То же
	Малороссийских казаков	150	
В Ильдинском заводе	Чугуевского казачьего полка	5	Под командою секунд-майора Харина
В Кичуевском фельдшанце	Малороссийских казаков	200	
В Оссе	Владимирского пехотного полка батальонов	1	Под командою премьер-майора Якимсона
В Сарапуле	Батальонов	1	
В Кунгуре	Малороссийских казаков	200	
В Красноуфимске	Малороссийских казаков	100	Под командою подполковника Аршеневского
На р. Ай	23-я легкая полевая команда	1	
В Катанском заводе	25-я легкая полевая команда	1	
	Малороссийских казаков	100	

3-я бригада г-на генерал-майора Волкова

Между Медведицей и Волгою от устья Бурлука, простираясь до самого верховья Медведицы, по ближайшим к Саратову селениям: Бахмутской, Молдавской гусурские, Луганской пикинерной.

Состоящая при корпусе артиллерия, разделенная на две части, вверялась в команду начальникам 1-й и 2-й бригад[1].

Общая численность войск Сибирского корпуса, размещавшегося в пределах Сибири, простиралась до 11 635 человек, в том числе 7 легких полевых команд и 5 пограничных батальонов. Из этого состава 10 514 человек, 5 легких полевых команд и все батальоны расквартированы были на Сибирских пограничных линиях, две полевые команды 9 и 15, в 1112 человек, находились в Иркутске и Селенгинске. Состав же Сибирского корпуса, действовавшего против мятежников и выкомандированного с пограничных линий, достигал в начале 1774 года всего до 3443 человек, заключая в себе: 1) пять легких полевых команд (10, 11, 12, 13, 14), численностью в 2775 человек; 2) выкомандированных из состава пяти пограничных батальонов 244 человека; 3) артиллерийской команды 180 человек; 4) гарнизонной команды 36 человек и 5) иррегулярных войск — Сибирских линейных казаков 249 человек. Затем этот состав увеличился до 4000 человек, при присоединении к нему пехотной команды секунд-майора фон Трейблюта и части командированных с Сибирской линии казаков. Подробное исчисление войск Сибирского корпуса, с указанием мест расквартирования по пограничным линиям и количества выкомандированных,

[1] Расписание: «На коликое число полки и команды второй дивизии на бригады и части распределяются и в каких местах под чьими командами состоять будут».

для действия против самозванца, приведено было в рапорте генерала Скалона А.И. Бибикову от 15 февраля 1774 года, и эти данные лишь незначительно изменились впоследствии[1].

[1] Д. № 43. 1773—1774 гг. Журналы по части пограничной. Рапорт генерала Скалона генералу-аншефу лейб-гвардии майору и кавалеру Бибикову 15 февраля 1774 г. № 248:

«Коликое число состоит Сибирского корпуса из здешней линии генералитета с их штабом, регулярных и иррегулярных команд и прочих чинов по списку из того числа в отпуске и за тем налицо об оном явствует под сим»:

Звание, чинов	По списку состоит	Из того числа выкомандировано	Состоит на линии
Тобольской линии			
Генерал-поручик и кавалер	1	1	—
Генерал-майоров	2	1	1
Штаб-адъютанты:			
В капитанском чине	1	1	—
Подпоручьего чина	2	1	—
Прапорщичьего чина	1	1	1
Канцеляристов	1	—	1
Писарей	3	1	2
Деньщиков	31	22	9
От редута Песчаного			
Из Сибирского корпуса:			
Обер-аудитор	1	1	—
Пастор	1	1	—
Обер-аудиторских писарей	1	—	1
Деньщиков	2	—	2
Легких полевых команд 10—14-й: штаб, обер-унтер-офицеров и прочих всех нижних чинов	2775	2775	—
Комендантского штата:			
Комендантов-бригадиров	2	—	2
Полковников	2	—	2
Майоров	4	—	4
Плац-майоров	1	—	1
Писарей	11	—	11
При Омском хоре:			
Капельмейстеров	1	—	1
Гобоистов	6	—	6

Кроме войск Сибирского корпуса в команде генерала Деколонга состояли еще войска, командированные Сибирским губернатором Чичериным, в количестве 2000 человек, почему весь контингент Сибирских войск, принимавших активное участие в борьбе с мятежниками, простирался до 6000 человек.

Командированные Чичериным войска, за исключением команды секунд-майора Заева, погибшей в самом начале развития мятежа, в большинстве состояли или из только что

Звание, чинов	По списку состоит	Из того числа выкомандировано	Состоят на линии
По Ишимской, Тарской, Иртышской, Колыванской и Кузнецкой линиям, оканчивая гор. Кузнецком, протяж. на 2163 версты:			
В 5 пограничных батальонах — штаб, обер, унтер-офицеров и прочих нижних чинов.	3783	244	3539
Артиллерийских команд:			
Полевой — обер, унтер-офицеров и прочих нижних чинов	188	108	80
Гарнизонной — штаб, обер, унтер-офицеров и всех прочих чинов.	341	36	305
Инженерного корпуса — обер-офицеров и нижних чинов	18	2 в Тобольске	16
Провиантского департамента — штаб-обер и унтер-офицеров и нижних чинов	51	35	16
Медицинских чинов:			
Докторов	1	—	1
Лекарей	1	—	1
Подлекарей	1	—	1
Иррегулярных войск			
Казаков с их старшинами	2141	249	1892
Башкир и татар	1140	—	1140
Итого	10 514	3478	7036
Сверх вышеозначенного числа считаются в здешнем же корпусе, как состоят в показанных городах:			
В Иркутске и Селенгинске 9-я и 15-я легкие полевые команды и в оных штаб, обер и унтер-офицеров и прочих нижних чинов	1112	—	—
В Тобольске	9	—	—
Итого	11 635	—	—

наверстанных в строй и вовсе необученных рекрут, или же из выкомандированных на временную казачью службу сибирских крестьян под именем выписных казаков.

Набранные наскоро рекруты для несения пехотной строевой службы и выписные казаки, по отзывам всех начальствовавших лиц, в команды которых эти новобранцы поступали, признавались совершенно бесполезными к подавлению мятежа: «При встрече с толпою мятежников, — как доносил управлявший Екатеринбургскими заводами полковник Бибиков, — набранные рекруты и выписные казаки, не слушая команды, вступали в дружеский разговор, уговаривая один другого предаться к себе. Начальники никак не могли привести команды свои в боевой порядок. На пикетах же, исполняя сторожевую службу, при приближении воров бежали без оглядки»[1].

Значительная часть этих войск, в особенности из состава выписных казаков, в самом начале командирования своего предалась мятежнической стороне, изменнически выдав злодеям на позорную казнь своих начальников.

При такой слабой боевой подготовке войск, командированных Сибирским губернатором Чичериным в распоряжение генерала Деколонга для подавления мятежа, умалялось совершенно участие этих войск в деле умиротворения края.

Сибирское линейное казачье войско, незначительное еще в то время по своему составу, всего в 2141 человек на огромном протяжении линии в 2163 версты, не могло оказать серьезного участия в экспедиции генерала Деколонга.

---

[1] Д. № 146. Донесение полковника Бибикова генералу Деколонгу 24 января 1744 г. Екатеринбург.

Постоянные набеги не порабощенных еще киргиз принуждали держать пограничную Сибирскую линию в оборонительном состоянии.

Из 98-ми укреплений и поселений, разбросанных по линии, только Петропавловская, Омская, Семипалатинская, Ямышевская, Устькаменногорская крепости устроены были с земляными укреплениями по системе Вобана, остальные крепости и укрепления отличались примитивною простотою, будучи защищены бревенчатыми частоколами, рвом и рогатками с малопригодными орудиями разнообразного калибра. Гарнизонная же служба в означенных крепостях с их дистанциями, по всей линии от Пресногорьковска до Устькаменногорска, возлагалась на пять крепостных батальонов, каждый в составе до 750 человек и с артиллерийскою командою в 60 человек.

Необходимость усиленной охраны этой линии как вследствие ее малой защитности по устройству укреплений, так и по малолюдности, ввиду лишь только что зарождавшейся ее колонизации, вызывала правительственные мероприятия о содержании на ней легких полевых команд и о командировании в помощь этим войскам, для несения сторожевой службы, башкиро-татарских команд, сменявшихся ежегодно.

С откомандированием в Пугачевскую экспедицию с Сибирской пограничной линии легких полевых команд охрана этой линии оставалась всецело на попечении линейного казачьего войска и гарнизонов, расположенных по крепостям, почему, естественно, в составе экспедиции могла принять участие лишь незначительная команда линейных казаков, не более 400 человек.

Несмотря на присутствие в то время среди населения по линии массы неблагонадежного элемента — запорожцев, зачисленных в пограничное казачество за произведенные

самовольства в Польше башкир, польских конфедератов и колодников[1], всегда готовых при первом замешательстве пристать на сторону мятежников, Сибирское линейное казачье войско оставалось верным долгу службы, выполняя с доблестью трудную задачу по охранению порядка и спокойствия на линии, соприкасавшейся с мятежными районами губерний Оренбургской и Сибирской.

Находившиеся же в экспедиции Сибирские линейные казаки стяжали себе, вместе с легкими полевыми командами, при которых они состояли, славу умиротворения мятежного населения и защиты сибирской территории от нашествия самозванца.

Генерал-поручик Иван Александрович Деколонг (Clappier de-Colongue)[2], назначенный с 1771 года начальником пограничных Сибирских линий вместо умершего генерала поручика Шпрингера, хорошо был знаком с условиями и интересами Сибири, как находившийся в ней на службе с

---

[1] Д. № 134. 1773 г. Рапорт Омского коменданта бригадира Клавера генералу Скалону 5 ноября 1773 г. «О состоянии ссыльных колодниксъи». В одной Омской крепости состояло в конце 1773 г. 807 колодников.

[2] И.А. Деколонг род. в 1716 г., начал службу и продолжал ее более 20 лет в инженерном корпусе. В течении этого времени был в походах: в 1736-м и 1737 гг. в Крыму, 1736-м на Днепре, 1739-м в Молдавии в Ставунгакском сражении и при взятии Хотина и Ясс. С 1746 по 1752 г. находился при разных крепостях на работах. В 1752 г. отправлен в Кизляр и оттуда в Кабарду для составления карты. В 1757 г. переименован в квартирмейстеры и участвовал в сражении при Гросс-Эгендорфе, в 1758 г. произведен в полковники, в 1759 г. за сражение при Цорндорфе, при Франкфурте и при взятии Берлина (1760) награжден чином генерал-майора. С 1764 по 1768 г. находился в Сибири при проектировании новых линий: Колыванской и Кузнецкой и командовал находившимися там войсками. В 1771 г. назначен командиром Сибирского корпуса, где оставался по 1777 год, когда оставил службу и удалился в свое эстляндское поместье, где вскоре умер. (*Старчевский*. Справочный энциклопедический словарь; *Толь*. Полный энциклопедический словарь).

1764 года и призывавшийся к разрешению многих пограничных вопросов и по устройству линий.

Предприняв в самом начале мятежа экспедицию с Сибирскими войсками против самозванца, он направлял всю деятельность свою во все смутное время Пугачевщины, главным образом к охранению интересов Сибири и Сибирской пограничной линии, защищая их от вторжения мятежников.

Если движения войск Сибирского корпуса и порицались главнокомандовавшими, в особенности А.И. Бибиковым, доносившим Императрице о необходимости отозвания генерала Деколонга, «так как в распоряжениях его видимо странное поведение, причиною чему или лета, или же вкоренившаяся сибирская косность»[1], то эти обвинения не всегда были основательны, как потому, что в главной квартире главнокомандовавших не имелось своевременных сведений о положении дел на сибирской границе, так и потому в особенности, что А.И. Бибиков, находивший возможным движение войск Сибирского корпуса к Оренбургу, не был осведомлен о нарождавшихся смутах среди населения Ялуторовского дистрикта, грозивших опасностью для всей Сибирской пограничной линии.

Обширность территории, на которой предстояло действовать войскам Сибирского корпуса, представлявшимся малочисленным по отношению к местности, объятой мятежом, а также возникновение смут в тылу расположения главных действующих сил служили несомненным оправданием генералу Деколонгу к отмене движения к Оренбургу.

Может быть, при осуществлении предположения о назначении генерал-поручика А.В. Суворова на место гене-

[1] *Грот Я.К.* Материалы для истории Пугачевского бунта. Приложение к запискам Императорской Академии наук. Донесение Бибикова Императрице 15 марта 1774 г. Кичуй.

рала Деколонга[1] Сибирские войска покрыли бы большими лаврами успехи своего оружия, но и результаты совершенной экспедиции, под личным руководством генерала Деколонга, сохранят навсегда в истории Сибири добрую память как о войсках, принимавших участие в этой экспедиции, так и в особенности об их главном командире, избавившем блестящей победой, одержанной под Троицкою крепостью, не только Сибирскую линию, но всю Сибирь и Исетскую провинцию от злодейств нашествия самозванца.

С поимкою Пугачева мятеж сразу настолько утих, что спокойствие в взволнованном крае можно было считать вполне восстановленным, заводское и крестьянское население в Исетской провинции и Сибирской губернии, разоренное мятежом, выражало полную покорность, башкиры с их старшинами являлись массами к начальникам команд, расположенных в Башкирии, принося раскаяние, оставляя в уверение своей покорности аманатов. Только часть Башкирии волновалась, подстрекаемая к мятежу бывшими сподвижниками самозванца Салаватом и его отцом Юлаем. Такое умиротворение заводского и крестьянского населения, в связи с сделанными распоряжениями главнокомандующим о командировании в Башкирию военных команд из состава бригады генерал-майора Фреймана, послужило поводом генералу Деколонгу к обратной отправке и роспуску как тех гарнизонных и рекрутских команд, которые были присланы сибирским губернатором Чичериным в Исетскую провинцию, так и казачьих команд, комплектованных из выписных казаков.

Одновременно с отпуском части команд генерал Деколонг сделал распоряжение о передвижении легких полевых команд

[1] *Грот Я.К.* Письмо Императрицы Бибикову 29 марта 1774 г.

Сибирского корпуса для зимнего расквартирования в местности, лежащей ближе к Сибирской пограничной линии.

Однако это распоряжение, ввиду возможности нового усиленного волнения среди башкирского населения, было приостановлено главнокомандующим графом П.И. Паниным, отдавшим приказание всем войскам Сибирского корпуса оставаться до половины февраля 1775 года в местах их расположения. По этому поводу граф Панин писал генералу Скалону:

«Господин генерал-майор и кавалер князь Голицын, коего бдению поручена от меня вся окрестность Оренбургской губернии, а потому и все войска, находящиеся в оной его управлению, рапортом объясняет, что по отдаленности Исетской провинции никоим образом, при настоящих обстоятельствах, на смену находящихся там Сибирского корпуса команд неможно перевесть войск команды его, в рассуждении великого расстояния, которое кроме затруднения в переходе людям никакой пользы не предвещает, а полагает в возможное отпустить Сибирского корпуса только из Екатеринбурга, потому что на место их можно перевесть легкие войска, расположенные в Красноуфимске и Кунгуре, предоставляя притом, что из числа находящихся в команде вашего превосходительства 4000 строевых, без сомнения, можно будет вам отделить для ограждения и Сибирской пограничной линии от безопасности, не отменяя постов в Исетской провинции в г. Челябинске и в крепостях Уйской и Увельской, тем наипаче, что в рассуждении наступающей зимы можно надеяться на успокоение киргиз-кайсаков»[1].

Несмотря на значительное сосредоточение войск в Башкирии, Салават и Юлай еще долгое время не покорялись, про-

[1] Д. № 147. Предложение графа Панина генералу Скалону 3 ноября 1774 г. № 340. Симбирск.

должая грабить и волновать население. Обращенное к ним увещание Потемкина с обещанием прощения не имело успеха. Только в конце ноября 1774 года Салават был пойман отрядом подполковника Аршеневского и в то же время отец его Юлай был выдан коллежскому советнику Тимашеву[1].

С передачею их в руки правительства волнение в Башкирии совершенно прекратилось, почему Исетской провинциальной канцелярией, с разрешения генерала Деколонга, сделано было распоряжение о роспуске по домам выписных казаков из крестьян своей провинции[2].

Продолжительные смуты, оторвавшие часть крестьянского населения от работ в связи с грабежами и пожарами, произведенными мятежниками, породили полное экономическое расстройство крестьян Ялуторовского дистрикта и в особенности Казанской и Оренбургской губерний, где разоренному населению грозили многие бедствия и прежде всего голод.

Нуждавшееся в пособии и пропитании население разоренных селений и слобод Ялуторовского дистрикта удовлетворено было продовольствием из обширных запасов Сибирской губернии распоряжением Д.И. Чичерина, на которого именным Ея Императорского Величества указом также возложена была забота о доставке хлеба и овса для продовольствия населения Оренбургской и Казанской губерний из запасных магазинов управляемой им губернии.

Провиант и фураж для Оренбургской губернии доставлялся из внутренних магазинов Сибирской губернии в Звериноголовскую крепость, откуда развозка его по Оренбургской линии производилась натуральною повинностью крестьян Исетской провинции.

---

[1] Рапорт генерала Скалона генералу Деколонгу 6 декабря 1774 г. № 560.

[2] Рапорт генерала Скалона генералу Деколонгу 9 декабря 1774 г. № 566. Челябинск.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I

Экстракт, сочиненный из дела о самозванце Войска Донского казаке-раскольнике Емельяне Пугачеве, произведенного о обстоятельствах с ним Пугачевым и с изменническою его толпою происшедших и какие притом здешние распоряжения и действа учинены.

В сентябре

Указом ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА из государственной Военной коллегии от 14 августа Оренбургскому губернатору генерал-поручику и кавалеру Рейнсдорпу предписано его Пугачева из Казани из-под караула бежавшего, обще с бывшим при нем на часах солдатом, в селениях здешней губернии, а особливо в жилищах Войска Донского чрез надежных людей разным секретным образом сыскивать, и как скоро они сысканы и пойманы будут, то заковав их в крепкие кандалы, за особливым конвоем, отправить в Казань к тамошнему губернатору господину генерал-аншефу и кавалеру фон-Бранту.

Как скоро по содержанию ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА указа куда надлежало о сыску его Пугачева публикация учинена, так в самое почти тож время, а именно 15 числа помянутого сентября, находящийся в Яицком городке в комендантской должности, подполковник Симонов, по уведомлению от отставного яицких казаков сотника Лящилина рапортовал, что реченный самозванец Пугачев шата-

ется по степи, лежащей от Яицкого городка к Сызрану дорогою расстоянием верстах во сто, с которым де он Ляпилин назад тому недели с две при умете Таловских — Вялен, съехавшись, разговаривал и по возвращении в городок многим людям сказывал, через что в жителях того Яицкого городка и нашел сомнение.

По причине сего и по предписанию реченного генерал-поручика и кавалера тотчас для сыску его Пугачева с товарищи отправлены от него Симонова в разные места пристойные команды, только ими нигде не найден, а чрез некоторое время, а именно 18 числа, оказался он Пугачев, с приставшими к нему из беглых мятежников и с набранными на хуторах и на ближних форпостах, более нежели как с 300 человек, в близости Яицкого городка, которого усмотря, находящиеся в том Яицком городке с мятежнической стороны казаки все почти пришли в колебание и начали в толпу его злодейскую партиями приставать, потому наипаче, что он отважился разгласить себя ложно в Бозе почивающим ИМПЕРАТОРОМ ПЕТРОМ ТРЕТЬИМ. Однако он Пугачев с воровскою его партиею, добрым реченного коменданта Подполковника Симонова распоряжением, не только в городок не допущен, но и прогнан, который рассыпавшись по степи пошел далее по верхним Яицким форпостам, забирая с оных людей и пушки, причем им, Пугачевым, из приставших к нему верных старшин и казаков переловлено и повешено 12 человек.

Между тем он, Пугачев, и к Нурали-хану киргиз-кайсацкому отправил лист свой, объявляя себя ИМПЕРАТОРОМ и требуя присылки к себе сына его и ста человек киргиз, который, однако, на форпостах перенят и к нему хану с довольным уверением писано, что он Пугачев беглый казак и злодей и чтоб ему ни в чем не верили.

Ко учинению ж за ним поиску состоящими там воинскими командами, вышереченным Симоновым занеудобно признано, потому что принуждено оных, в колебании оказавшихся, казаков удерживать, а сверх того для защищения Яицкого городка о командировании еще калмык до 500 человек из Ставрополя требовано, о чем туда по рапорту его Симонова и от помянутого генерала-поручика и кавалера подтверждено.

И хотя оные командированы и высланы были, только из них 316 человек в дома свои с дороги бежали.

От 22-го: нижней Яицкой дистанции комендант полковник Елагин по полученному им Рассыпной крепости от коменданта майора Вяловского уведомлению рапортовал, что он Пугачев, умножа свою партию до 10 000 человек, сперва прислал в Илецкий городок к тамошнему атаману Портнову, обще с старшинами и казаками, с разными угрозами, а притом и с уважением о сдаче ему городка и о принесении покорности лист, чрез что тамошние казаки в такое приведены возмущение, что они, забыв страх Божий и присяжную свою должность, атамана своего связав, реченного Пугачева со всею его толпою к себе в городок приняли, который умножа свою партию того Илецкого атамана повесил и намерен идти далее сюда к Оренбургу.

Как скоро о сем печальном приключении помянутый генерал-поручик и кавалер известился, не приминул тотчас отсель к тому Илецкому городку с бригадиром бароном Биловым корпус военных людей, состоящий из воинских регулярных и нерегулярных в числе 410 человек и с 6-ю орудиями артиллерии, отправить, дав ему открытый ордер, чтоб он Билов шел туда по крепостям сколько за благо рассудить в прибавок пехоты и конницы в подкрепление от каждого коменданта требовал, с таким ему Билову притом предпи-

санием, чтобы он старался сию злодейскую толпу всемерно догнать, разбить и злодеев переловить а особливо упомянутого Пугачева, обещая вознаграждение, если б кто живого поймав, представил за него от казны 500, а буде мертвого, то 250 рублев.

Да и подполковнику Симонову предложил, чтобы оттоль Шестой легкой полевой команды командира майора Наумова с пристойным из обоих полевых команд и здешних казаков числом, для преследования его Пугачева, к Илецкому городку отправил с равномерным как и Билову предписанием.

Сверх того из Ставрополя навстречу им прямо 500 человек калмык командировать велел, да из ближайших жилищ башкирцев до 500, из сейтовских татар до 300 к тому ж употребить рассудил.

А здесь по городу господину обер-коменданту генерал-майору Валленштерну рекомендовал принять и продолжать крепкую предосторожность и на непредвидимый случай сделать распоряжение, которому батальон куда в нужное время, по учиненном сигнале, собираться и притом совсем опущенную доселе здешнюю крепость стараться через инженерную команду гарнизонными служителями привести в надлежащее оборонительное состояние.

О принятии таковой же предосторожности и по всей губернии публиковано и к господам губернаторам Казанскому, Сибирскому и Астраханскому сообщено[1].

25 числа Нижне-Озерной крепости комендант майор Харлов к бригадиру Билову рапортовал, что Рассыпная крепость, к коей была гарнизонная одна рота и 50 человек казаков, им Пугачевым взята, и тамошний комендант майор Вя-

[1] Да и в горное оренбургское начальство сперва от 19 октября предложено, а от 16 ноября и подтверждено.

ловский с женою его повешен, а притом и посланная к нему от Харлова в секурс пехота с казаками 100 человеками в тою злодейскую толпу захвачена.

Потом вскоре и с Нижне-Озерной крепостью и с комендантом оной, реченным майором Харловым, с офицерами равным образом поступлено.

По причине чего того числа, посланным Уфимского уезда на Ногайскую дорогу в ближайшие к Оренбургу башкирские волости к старшинам с сотниками указом подтверждено для поиска над означенным злодеем Пугачевым башкирцев с их старшинами, с исправным оружием и на добрых лошадях до 1000 человек, командировав с нарочно посланным отсель старшиною и почтовым комиссаром Мендеем Тупеевым, отправить к Илецкому городку прямейшим трактом, с обещанием им башкирцам награждения.

26-го, в прибавок посланному с реченным бригадиром Биловым корпусу и сейтовских татар 300 человек с их старшиною отправлено.

А помалоимению, за отлучкой в Оренбурге гарнизона, Озерной дистанции к коменданту бригадиру Корфу предписано вдобавок сюда командировать с вверенной ему дистанции, с пяти крепостей, солдат с каждой по двадцати, итого 100 человек, причем обер-коменданту подтверждено нимало медля из ближних отлучек солдат собрать в крепость.

27-го. Чернореченской крепости комендант майор Крауз по полученному им из Татищевой крепости известию рапортовал, что оная злодейской толпой атакована и происходит сражение.

Но дабы семуж жребию и Чернореченская крепость подвержена не была, то ему Краузу предписано, чтоб он, в рассуждении малоимения у него воинских людей и артиллерии, естли предусмотрит неминуемую опасность, со всеми та-

мошними служащими и неслужащими людьми перешел поблизости под защищение здешней артиллерии, что им Краузом и учинено.

28-го получено известие, что и Татищева крепость злодейскою толпою взята и половина той крепости вызжена, а имеющиеся в оной комендант полковник Елагин с женой и прочие офицеры, также и бригадир Билов с его офицерами, по причине учиненной некоторыми регулярными и нерегулярными измены, по разбитии корпуса, перевешаны, а солдаты по остриженни волос в тою злодейскую толпу захвачены и в казацкую службу поверстаны, как и с казаками и калмыками поступлено. Помянутые ж сейтовские татары, не доходя еще до него Билова, а услыша о разбитии корпуса его, принуждены возвратиться и прибыть сюда в город, а башкирцы ни туда ни сюда не бывали.

Как скоро уведомленные, что он злодей с толпою его сюда приближается, то по причине того здесь, с собранным генералитетом и штаб-офицерами, учинен общий совет, на коем положено:

1-е: имеющихся здесь польских конфедератов, примечая в них великую колеблемость и знаки злодейства, отобрав у них ружья и всю амуницию, отправить за конвоем от места до места по линии, даже до Троицкой крепости.

2-е: все мосты чрез Сакмару реку разломав сжечь.

3-е: здешним разночинцам, имеющим ружья около города по валу, а не имеющим оных, для потушения внезапного пожара внутри города, в назначенных местах под предводительством приставленных к ним разных присутственных здешних мест членов расположиться[1].

---

[1] Вследствие сего общего совета вокруг города по валу расположено регулярных Алексеевского полку 134; гарнизонных с чинами 848; при артиллерийских орудиях артиллерийских служителей 69; ин-

4-е: артиллерию к приведению ее в исправное состояние поручить в полную диспозицию губернаторскому товарищу господину действительному статскому советнику Милюкову[1].

5-е: Сеитовских татар всех взять сюда в город под защищение[2].

30-го числа, как известно, учинилось, что в здешних регулярных и нерегулярных людях и обывателях о злодее Пугачеве носился ложный слух, якобы он другого состояния нежели как есть, то всем воинским служителям чрез оберкоменданта сверх прежнего публиковано, что он в самом деле беглый Донской казак и раскольник, и притом подтверждено, чтобы каждый во время наступления злодейской его толпы старался присяжную свою должность доказать и с места своего, даже до последней капли крови, не отступал, с обещанием, ежели кто в том себя отличит, ВЫСОЧАЙШЕЙ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА милости, о чем и всем здешним обывателям от губернской канцелярии публиковано ж.

Того числа, по присланному Озерной дистанции от коменданта бригадира Корфа рапорту о замешательстве, со-

---

женерных 13; гарнизонных служителей 466; к ним по необходимости принуждено было присовокуплено отставных 41; не приверстанных рекрут 105; казаков 28; да по валу прибывших из архангелогородской губернии с колодниками регулярных 40; казаков 439; Сеитовских татар 350; отставных солдат, казаков, купцов и других разночинцев 455; итого 2988 человек.

[1] Коим артиллерия вокруг города по валу расставлена в десяти бастионах и в двух полубастионах да по рву под стеной и в яру против губернаторского дому разного калибра пушек 68, мортира 1 да гаубица, итого 70 орудиев.

[2] Оных татар наибольшее количество со всем их семейством приехало, а прочие, большей частью не исполняя сие повеление, остались в своем жительстве.

стоящих в его дистанции на форпостах калмык и со оных о самовольной их отлучке, посланным к нему Корфу ордером предложено со всех форпостов людей и артиллерию в крепости и редутах, под таким претекстом будто бы потребны для защищения оных от киргиз-кайсак, снять, однако обыкновенные разъезды производить, а имеющимся там конфедератам толковать, естли они против неприятеля с ревностью поступать будут и усердие свое в верности докажут, то об отпуске их в отечество от генерал-поручика и кавалера к ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ всеподданнейше представлено будет.

А имеющейся в Пречистенской крепости оставшей команде всей определено сюда в Оренбург прибыть с таким предписанием, естли чего из казенных припасов по тяжелости с собою взять будет неможно, в таком случае оные спрятать в землю или где за способно признается.

Сакмарские казаки все высланы поблизости на Озерную дистанцию, а вместо их взяты сюда бывшие на ординарной службе калмыки.

В октябре

1-го числа означенный злодей Пугачев со всею его толпою из Татищевой крепости чрез Чернореченскую вступил в границы здешнего города и расположился по ту сторону реки Сакмары около Тевкелевского хутора, отколь сюда в город подослал отставного сержанта Ивана Костицина для смущения обывателей, чтоб ему сдались и напрасно крови не проливали, однако то де он Пугачев до последней капли крови сопротивляться не оставит, причем де старшины его приговаривали, чтоб командиров здешних заколоть, однако

он Коѓтицин, по входе в город, тотчас и пойман и ни до чего не допущен, хотя намерен был, как подполковнику Могутову говорил, губернатора заколоть.

2-го, то есть на другой день, в среду, был в Сеитовой татарской слободе и из оной всех оставших мужеска полу возрастных обывателей к себе забрав, потянулся объявленною ж стороною вверх по реке к Сакмарскому городку и будучи тут, как из Пречистенской, так и из других крепостей и из всех окольных жительств лучших людей забрав, перевешал, а единственно подлой народ в свою толпу взял, рассевая листы свои с разглашением себя ИМПЕРАТОРОМ, каковы и к здешнему губернатору и легких войск к атаману Могутову прислал, да и в Башкирию на татарском языке отправивши, с которым однако посланные переняты, и те листы оригинальные при рапорте в Государственную Военную коллегию отправлены.

На противу того, к находящимся при нем Пугачеве Яицким и Илецким казакам послан увещевательный указ, чтоб они пришли в должное познание и от всех производимых ими злых дел отстали и постарались бы того самозванца поймать, за что они могут удостоить себя в том их злодеянии здешнего у ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА предстательства, а естли того по ожесточению их не учинят, то, конечно, останутся в вечной погибели, причем еще дано им знать, что оный самозванец точно беглый из Казани донской казак, а не другой кто.

Против 3-го в ночь на четвертое означенный Пугачев, со всею его толпою, чрез имеющийся под Сакмарским городком мост перебрался на здешнюю сторону и, расположась близ того мосту, был тут слишком сутки, то есть две ночи да день.

Того 3-го числа прибыла сюда отправленная из Яицкого городка для содействия бригадиру барону Билову и преследования его Пугачева команда, состоящая из находящихся в том городке легких полевых со всеми чинами в 246, да из верных Яицких старшин и казаков 378; и того 624 человека, с тремя орудиями артиллерии, которая преследовать его Пугачева за скорым его перебегом не могла, а за разорением им крепостей, по опасности в рассуждении малолюдства, принуждена придти сюда за Яицкою стороною[1].

4-го, то есть в пятницу, вся злодейская толпа от показанного моста вниз реки Сакмары потянулась и ночевала, не доходя до Бердской слободы при Камышевом озере.

Того числа Уфимского уезда башкирским верным старшинам и сотникам третично предложено, чтоб они, собрався с командами их в помощь здешним войскам для поимки злодействующих, приездом в Оренбург поспешили.

И хотя их человек с 400 близ Сакмарского городка собрались было, только их реченный злодей Пугачев в свою толпу захватил, а чрез них, рассевая листы свои, всю Ногайскую дорогу поколебал и старшин, призвав и одаря разграбленными у шедших на торг бухарцев верблюдами, товаром, также и у киргизцев отогнанными лошадьми обольщал, обещая им прежнюю вольность и от всего свободу и грабеж за-

[1] Сия команда в бытность ее в городе находится по валу в расположении обще с вышеписанными; при них по малоимению военных учреждены в назначенных на дистанциях командирами из статских чинов на 1-й коллежский советник и губернаторский товарищ Мясоедов, на 2-й коллежский же советник находящийся в отставке Иван Тимашев, на 3-й Оренбургской губернской канцелярии прокурор Ушаков, на 4-й здешнего главного соляных дел правления член майор Карпов, на 5-й от армии подполковник и здешних нерегулярных войск войсковой атаман Могутов, да сверх оных внутри города при наблюдении оного от пожарных случаев надворный советник и здешней пограничной таможни директор *Обухов*.

водов и помещиков, коих всех поныне к нему набралось человек до 5000, вместо того что толикое число их Уфимскою провинциальною канцеляриею определено было сюда для поиска над ним Пугачевым прислать. А чтоб они башкирцы лестному его Пугачева разглашению не верили и в верности своей не изменяли, в том неоднократные деланы им увещевания, а особливо чрез нарочно отправленных отсель надежных башкирских старшин бывшего в польском походе Балтачевада Юсупа Шарыпова, из которых, как от выходцев известно, последний Юсуп Шарыпов с 12-ю человеками башкирцев, находящимися в злодейской толпе, пойман и со всеми повешен.

5-го в субботу по полуночи в 11-м часу злодей Пугачев с предписанного места прямо чрез Сырт перешел к реке Яику на казачьи луга, состоящие расстоянием от города в пяти верстах, причем чинены им в имеющейся едучи в город по левую сторону расстоянием от городского вала в 15 саженях, форштадт подбегн, по причине чего оный форштадт по общему совету в самое тоже время сожжен с обещанием хозяевам домов испрошения у Ея Императорского Величества удовольствования, ибо инаково тот форштадт великую опасность предъявлял, что доказать может построенная на право того форштадта каменная церковь во имя Святого Георгия, которая с поруганием употреблена ими была вместо пушечной батареи, не меньшему ж ругательству и разоренных ими крепостей также и имеющаяся в загородном губернаторском доме церква подвержена[1].

6-го, в воскресенье, пополуночи в 12-м часу, в рассуждении того, что он Пугачев начал, заготовленное

[1] С городовой стены выпалено из пушек ядрами и картечами 88 зарядов, да бомб брошено 30-фунтовых 3.

около города Оренбурга продовольство в наступающую ныне зиму скота, сено пожигать, к отвращению его от того выслан был и для атаки, состоящий из регулярных и нерегулярных в 1500 человек, корпус, с пристойным числом артиллерии, под предводительством легкой полевой 6-й команды командира премьер-майора Наумова, коий будучи в виду у неприятеля перестреливался часа с два, и напоследок, увидя, он, Наумов, в подчиненных своих робость и страх принужден ретироваться в город без всякого урону[1].

7-го числа пополудни в 11-м и 12-м часу злодейскою его Пугачева толпою здешний город, а днем того 7-го числа посланная отсюда из города за фуражом команда были атакованы, однако та толпа возвратилась с неудачею[2].

Того ж 7-го числа, в рассуждении происходимых неприятельских действий, находящимся в Киргиз-Кайсацкой степи, по лежащему от Оренбурга до Илецкой защиты тракту, на Донгузском и Елтанском уметах командирам предложено, чтоб они, со всею вверенною им командою и артиллериею, переехали в тою Илецкую защиту.

К киргиз-кайсацкому Айчуван Султану писано, чтоб он, будучи в самой к Оренбургу близости, учинил помощь. О чем к нему по поводу обещания его по некотором времени и повторено было, только он, Айчуван, не только того требования не исполнил, но и ответу не дал.

На 8-е в ночи, также часу в 11-м пополудни, чинен был злодейскою толпою к городу приступ, токмо отошла с неу-

---

[1] С городовой стены выпалено в них из пушек ядрами и картечами 15 да в поле на сражении 43, итого 58 зарядов, да бомб брошено 30-фунтовых 5, причем из злодейской толпы выстрелом убит вахмистр 1.

[2] Выпалено по ней из пушек с городовой стены 234 заряда.

дачею, а днем оного числа посланные за фуражом команды были атакованы, однако без удачи отвращены[1].

А поутру того 8-го числа посланною из города командою, состоящею из легких полевых драгун, здешних Яицких казаков в числе 300 человек, на той стороне реки Яика, около менового двора и во оном из показанной изменнической толпы, разъезжавших для грабежа оставших там купеческих вещей, поймано сущих злодеев Яицких и Илецких казаков 7, взятых ими будучи в Татищевой крепости по разбитии оной и имеющегося там воинского корпуса гарнизонных солдат 41, здешних и крепостных казаков да после захваченных в разных местах разночинцев 68, итого 116 человек.

На 9-е в ночи было спокойно, а днем оного числа сперва поутру тою стороною реки Яика к мосту, а после половины дня с той стороны, где форштадт был, из изменнической толпы многолюдственно подъезжали к городу, но ни с чем отъехали[2].

Затем, по поводу усмотренного чрез чинимую 8-го числа высылку авантажа и точно открывшегося его Пугачева намерения, хотя сего 9-го и рассуждено было паки предписанный корпус выслав, злодейскую толпу атаковать, токмо, к крайнему сожалению, обер-комендантом реченному генерал-поручику и кавалеру рапортовано, что все командированные в том корпусе регулярных и нерегулярных команд командиры пришед к нему представили, якобы они в подчиненных своих слышат роптание и великую робость и страх, и к выходу против изменнической толпы отозвались невозможностью. За чем принуждено было в рассуждение произойти

---

[1] Выпалено по ней из пушек с городовой стены ядрами и картечами 30 зарядов.

[2] Выпалено по ним из пушек с городовой стены ядрами и картечами 53 заряда.

могущих вредных следствий остановиться в городе в одном только и оборонительном состоянии и того 9-го числа чрез нарочного курьера Государственной Коллегии о том донести, с прошением как возможно наискорее о присылке войска и хороших командиров, в предварение дальнейшего вреда и государственного предосуждения.

На то в ночи сперва в исходе 6-го, а потом в 12-м часу пополуночи злодейскою толпою город со всех сторон был окружен, но как в той толпе люди большею частью из разных народов и в таком количестве, что здешний корпус хотя тем количеством меньше, но качеством военных людей превосходил, то не упуская возможных способов, командиры предписанного корпуса довольно увещеваны, дабы они постарались тою толпу атаковать и разбить, которые по тому увещеванию, одумавшись, готовыми себя к той атаке и представили и каким образом сию атаку учинить о том предводителю оного корпуса майору Наумову предписание учинено, с тем чтоб по оному поступить 12 числа поутру.

А между тем к Озерной дистанции коменданту бригадиру Корфу предложено, собрав всех, состоящих на его дистанции регулярных и нерегулярных людей, также и артиллерию с ее припасы и денежную казну в одну Озерную крепость, а прочую тягость оставя в крепостях под смотрением некоторого числа верных людей, самому с собранным им до того корпусом, взяв с собою артиллерию с ее припасы надлежащее число, в самоскорейшем времени для поиску идти сюда.

На 11-е число в ночи и днем оного было спокойно.

12-го, вследствие означенного учиненного майору Наумову 10 числа предписания, поутру вверенный ему корпус, с принадлежащим числом артиллерии, выслан был и продолжался в поле при произвождении с обеих сторон канонады

до половины дня, то есть более четырех часов, но по причине той, что нерегулярные, находя себя в робости против артиллерии злодейской толпы, почти ничего не содействовали, а стояли больше под защитою здешних пушек, и что та толпа, рассеявшись по степи кучами, весь тот корпус окружила, принуждено было, сделав из регулярных каре, возвратиться в город[1].

На 13-е число в ночи и днем оного было спокойно.

На 14-е в ночи было спокойно, а днем оного в виду города разъезжало из злодейской толпы только 4 человека[2].

15-го и 16-го было спокойно, но как злодейскою толпою заготовленные около Оренбурга сена все почти без остатку пожжены, то имеющиеся здесь у воинских регулярных и нерегулярных служителей и у прочих обывателей худые и впредь к работе ненадежные лошади для прокормления их, некоторые в Уфимский уезд, а другие на Верхне-Яицкую дистанцию и в Илецкую защиту за надлежащим препровождением отправлены, а о рогатом и мелком скоте обывателям отдано на волю держать ли его или употребить в пищу.

17-го днем, пополудни, близ города злодеи кучами разъезжали и за посланными из города фуражирами гонялись[3].

18-го вся злодейская толпа со всеми тягостями от реки Яика обратно проследовала через Сырт к реке Сакмаре и

---

[1] При сей атаке с городовой стены выпалено из душек ядрами и картечами 134, на полевом сражении 499, итого 633 заряда, да бомб брошено 5, а из злодейской толпы, разделившейся в разных местах пушечных выстрелов, не только не меньше, но гораздо еще больше было, причем каков со здешней стороны урон приключился, о том прилагается при сем под 1-м реестр, напротив того, и в изменнической толпе выходцы из оной здешние люди и пленники гораздо больше, нежели здешний урон, свидетельствуют.

[2] Из которых один с городовой стены пушечным выстрелом убит.

[3] В них выстрелено с городовой стены из пушек с ядрами 12 зарядов.

расположилась под Берденскою слободою близ летней Сакмарской дороги и при самом том преследовании лагерь свой сожгла, а притом и к городу немалыми кучами подбег чинила, но как под городом ничего сделать им не удалось, то, обежав она город, перекинулась на ту сторону реки Яика и там напала на поехавших отсель из города для фуражирования разного звания людей, некоторых в город не явилось, и видно, что по причине оплошности конвойного офицера злодеями убито и захвачено разночинцев некоторое число, да бежало бывших в конвое Ставропольских калмык 120 человек, о коей оплошности над конвойным офицером определено исследовать и суд учинить[1].

На 19-е в ночи и днем оного было спокойно.

20-го днем, поутру, около города между Орских и Черноречинских ворот злодеи кучами и по степи рассеявшись разъезжали[2].

На 21-е в ночи и днем оного было спокойно.

На 22-е в ночь было спокойно, а днем с начала 12-го часа пополуночи вся злодейская толпа усильным образом к городу сперва между ворот Чернореченских и Сакмарских, зайдя и поделав батареи, со оных беспрерывно производила канонаду, и как с того места имеющимися здесь на городовой стене пушками и бросанием бомб сбита, то зашед уже с другой стороны и расположась между Сакмарских и Орских ворот, также сделав под увалом батареи, производила беспрерывную канонаду, причем и с третьей стороны, то есть между Орских ворот и соборной церкви, немалыми кучами забегая, из пушек же в город стреляли, но и со оных сторон имеющеюся на городовой стене артиллерией хорошим ар-

[1] Против оной злодейской толпы выстрелено с городовой стены из пушек с ядрами и картечами 46 зарядов и брошено 4.

[2] С городовой стены из пушек выпалено в них ядрами 7 зарядов.

тиллерийских служителей старанием с большим его уроном опрокинуты[1].

23-го, после половины дня, около вечера, из злодейской толпы немалое число близ города против бывшего форштата проехало на то место, где старый лагерь был[2].

25 и 26-го, кроме происходивших между разъездными переговоров, как в ночное, так и в денное время было спокойно.

27-го, поутру, выехало из предписанной изменнической толпы великое число конницы и, рассыпався по степи, с той стороны, где кирпичные сараи и кладбище имеются, подбегали к городу и с высланными из города казаками перестреливались[3].

28-го, после половины дня, видно усмотря те злодеи на той стороне выехавших из города фуражиров великими кучами мимо города, с той стороны, на которой форштадт был, прошло чрез старый свой лагерь на за Яицкую сторону, отколь вскоре возвратились с неудачею[4].

29-го, в ночи и оного днем было спокойно.

30-го, поутру, около обеда, из злодейской толпы многие близ города партии по той же стороне, где форштадт был, разъезжали[5].

31 октября и 1 ноября в ночное и денное время было спокойно.

---

[1] Против оной злодейской толпы с городовой стены из пушек с ядрами и картечами выстрелено зарядов 580, да бомб брошено пудовых 4, фунтовых 24, и оная канонада продолжалась без мало 5 часов, а от того злодея по примечанию пушечных выстрелов было около 1000, коими убитых оказалось на городовой стене татарин 1 да ранен солдат 1.

[2] Из пушек в них с городовой стены выстрелено с ядрами зарядов 2.

[3] С городовой стены выпалено из пушек в них ядрами 16 зарядов.

[4] С городовой стены из пушек выстрелено в них с ядрами и картечами 34 заряда.

[5] С городовой стены из пушек выпалено в них с ядрами 21 заряд.

В ноябре

На 2-е в ночи было спокойно, а днем с начала 8-го часа пополуночи предписанный злодей Пугачев со всею его злодейскою толпою, вышед из лагеря и построя круг всего здешнего города батареи, производил бесперывно до самой ночи сильную канонаду и около половины дня из толпы его до 1000 человек пеших под пушечными выстрелами, закравшись с берега реки Яика, в имеющиеся в форштадте погребы почти к самому валу и рогаткам стреляли из ружей и из сайданов, но напоследок высланными из города за Яик реку 6-й легкой полевой команды егерями не только из тех мест оружейными ж выстрелами выгнаты, но притом многие из них побиты, а 4 человека живыми захвачено[1].

В ночь же на 3-е число из сделанной ими злодеями в имеющейся на том месте, где форштадт был, каменной Георгиевской церкви, также и днем того 3-го числа производилась и из-под горы с батареи сильная канонада, однако отсель соответствующею пальбою отбиты и принуждены в свой лагерь возвратиться[2].

4-го помянутые злодеи разъезжали партиями вокруг города[3].

5 и 6-го было спокойно, между тем злодей Пугачев, возвратя четырех казачьих женок, захваченных 18 числа октября с фуражирами, прислал к губернатору лист, дав сроку на 4 дня, с тем чтобы выйти из города вон, вынести знаме-

---

[1] Против оных злодеев с городовой стены вокруг города выпалено из пушек с ядрами 1643, с картечами 71 заряд, да бомб брошено пудовых 40, 30-фунтовых 34, причем 12-фунтовую пушку в казенной части разорвало.

[2] С городовой же стены выпалено в них из пушек с ядрами и картечами 126 зарядов, да бомб брошено пудовых 5, 30-фунтовых 3.

[3] В них с городовой стены выпалено из пушек с ядрами 2 заряда.

на и оружие и преклонить пред ним злодеем, титулуя себя великим государем, с прещением, ежели того исполнено не будет, его гнева, который также я к Яицкому верному старшине Мартемьяну Бородину присланной отправлен при рапорте в Государственную Военную коллегию.

7-е число в ночи было спокойно, а днем пополуночи в 8-м часу из означенной злодейской толпы человек с полтораста, переехав выше Оренбурга верстах в 4-х чрез Яик реку (по объявлению пленных для осмотра следов не идут ли отколь команды), приблизились к меновному двору, где высланной из города нерегулярною командою разбиты, из коих поймано злодеев казаков Яицких 7, в том числе хорунжих 2, Илецких 1, башкирцев 3, из разных крепостей захваченных ими злодеями казаков, заводских крестьян и Сейтовских татар 38, итого 57, да на месте побито до 70 человек, прочие ж спаслись побегом, а из высланных отсель никому вреда не сделалось.

8 и 9-го числа было спокойно.

10-го в виду города злодейская партия разъезжала и из нее некоторое число подбегало к городовой стене[1].

11-го днем и ночью было спокойно.

12-го против разъезжавшей из злодейской толпы партии чинена была из города высылка, состоявшая нерегулярных команд из 300, да пехоты из 100 человек, которыми из той партии переловлено разного звания. захваченных людей 13 человек, да убито и ранено 20 человек, в том числе и злодейский полковник, а прочие все возвратились в свой лагерь[2].

---

[1] В них с городовой стены выпалено из пушек с ядрами 4 заряда.

[2] На полевом сражении выпалено из пушек ядрами 17, да с городовой стены 1, итого 18 зарядов.

Между тем от шедшего сюда, отправленного от Казанского губернатора господина генерал-аншефа и кавалера фон-Бранта с корпусом, состоявшим в 600 (гарнизонных 500, ставропольских калмык до 100) человек крепостных казаков, полковника и Симбирского коменданта Чернышева, пополуночи в 3-м часу получен здесь от Рычковского хутора, отстоящего от Оренбурга в 35 верстах, рапорт с предъявлением, что он Чернышев намерен оттоль выступить пополудни в 7-м часу и коему от реченного генерал-поручика и кавалера Рейнсдорпа того часу предложено, чтоб он к Оренбургу следовал как ему заблагорассудится, то есть за Яицкую ль стороною или внутреннею, и слушал бы пушечную пальбу, а когда оную услышит, тогда бы маршем своим ускорял, ибо и бригадир Корф с собранным им с верхних Яицких крепостей корпусом, состоящих из регулярных 1418, нерегулярных 1077, итого 2495 человеках и 22-х орудиях артиллерии, того дня прибыть сюда намерен был.

Только затем вскоре и прежде, нежели то предложение до него Чернышева дойти могло, в 8-м часу пополуночи услышан был здесь, с той стороны, с которой он, Чернышев, шел, пушечный и оружейный стрельбы залп, который не более продолжался, как с четверть часа, и тотчас пресекся.

И хотя он генерал-поручик и кавалер старался с своей стороны учинить ему Чернышеву назначенными к высылке командами секурс, только получа сожалетельный о судьбине его рапорт, что он Чернышев со всем корпусом без всякого сопротивления ведется в лагерь злодейской, принужден те здешние команды, не предав равномерному жребию, возвратить в крепость.

А как того 13 числа пополудни в 4-м часу реченный бригадир Корф с корпусом его сюда прибыл, так не приминули они злодеи вомноголюдствии и его встретить, с коими сей

корпус, купно с высланными отсель нерегулярными, сделали им отражение, причем из них злодеев побито человек до 5, а здешние команды в город введены без всякого урону[1].

Между тем чрез пойманного Сибирского батальона солдата получено точное известие, что он Чернышев с корпусом его обманут вожаком из казаков, в команде его бывшим, который обещав провести его мимо толпы злодейской ночью, да вместо того привел поутру увалом к самому себя злодейской толпы лагерю, в коем они злодеи уже против него предъуготовились и как скоро его Чернышева с корпусом усмотрели, так со всею их силою встретили, не дав еще чрез Сакмару-реку переправиться. и начали в него стрелять из пушек, и хотя он, Чернышев, соответствовать старался, только по великому тех разбойников количеству, и что бывшие с ним казаки, и калмыки при самых тех злодеев приступе изменя передались, регулярные ж, будучи от дальнего маршу и от великой стужи утомленные, устоять не могли, и так все солдаты теми злодеями в толпу их захвачены, где он, Чернышев, и все штаб и обер-офицеры и калмыцкий полковник, да ехавшая в том корпусе прапорщица, всего 35 человек, повешены, а солдаты по приводе к присяге и по обрезании волосов в казаки поверстаны.

Да и под отправленную от него ж господина генерал-аншефа и кавалера по новой московской дороге, под предводительством майора Варистеда команду, довольную партию с артиллериею оный злодей посылал и, как чрез выходцев слышно, человек около 200 солдат захватил, почему та команда, обороняясь, несколько назад отступила.

На 14-е в ночь было спокойно, а днем оного 1-го часа пополудни, как здесь собранный, так и с предписанным

[1] С городовой стены из пушек выпалено с ядрами 2 заряда.

бригадиром Корфом прибывший корпус, в числе 2400 человек, с 22 орудиями, под предводительством здешнего оберкоменданта господина генерал-майора Валенстерна выслан был для поиску над тою злодейскою толпою и состоящему от города в Бердской слободе в 7 верстах сборищу, где по выходе оных и учинено сильнее сражение, но как сии злодеи все будучи против здешних доброконными и обыкновенно разъезжают рассеянно, отдаляясь от картечного и оружейного выстрелов, производили единственно из многочисленных орудий пальбу, то совершенно успеха над ними одержать было неможно, а принуждено при наступлении ночи, сделав пехотою батальон каре, в город возвратиться[1].

15-го с утра, хотя вся злодейская толпа рассеваясь поодаль города, ввиду разъезжала, причем и пехота с артиллериею была, только вскоре возвратилась в свой лагерь[2].

16, 17 и 18-го в ночное и дневное время было спокойно.

На 19-е в ночи было спокойно ж, а днем пополуночи в 11-м часу из злодейской толпы во многолюдственном числе партия, усмотря, видно, посланных из города фуражиров, проехала в тою сторону, где фуражирование было, однако по учиненному из города из вестовой пушки сигналу те фуражиры принуждены, брося некоторые возы, возвратиться, а затем вскоре и означенные злодеи, предав те побросанные по дороге фуражирами с сеном возы огню, обратно в тот лагерь проехали.

И так злодейство его Пугачева что далее, то более умножается, коему споспешествует вышеизображенное коварное его себя Священнейшим именем в Бозе почивающего

---

[1] На полевом сражении здешнего Оренбургского корпуса выпалено из пушек ядрами и картечами 271, да из прибывших с бригадиром Корфом 198, а сверх того с городовой стены 4, итого 473 выстрела.

[2] С городовой стены из пушек выпалено с ядрами 2 заряда.

Императора Петра Третьего разглашение, с позволением притом башкирцам грабежа заводов и помещиков, коими многие уже заводы и пограблены, крестьянам боярским и заводским со обещанием наложения подушного оклада токмо по три копейки с души, прочим людям, как ровно и всем вольности, чему обитающей в Оренбургской губернии разных вер в невежестве погруженный подлый народ, невзирая на учиненные от генерал-поручика и кавалера неоднократные увещевания, без сомнения, и верит и чрез рассылаемых от него злодея с коварно составленными ложными указами людей в толпе его собирается, а некоторые при собрании сюда силою захвачены, и там теперь, как по сказкам выходцев и захваченных злодеев, коих под крепким караулом содержится 182 человека, известно, сия его толпа состоит в тысячах около десяти, в том числе Яицких с приехавшими вновь с 1000, Илецких с 400, башкирцев с 5000, калмык Ставропольских с 700, здешних казаков, татар и заводских крестьян около 3000, из которых заводские крестьяне по взбунтовании башкирцев пришед в возмущение и побив приказчиков своих, в ту толпу пришли; да пушек забранных им злодеем из разоренных крепостей и заводов с 80, а и еще как людей умножает, так чрез них тиранства и грабительства производит, посылая их во все здешней губернии места партиями, давая им в вящщее поощрение из пограбленных в крепостях казенных и партикулярных, а паче заводских денег, довольное награждение и провиант и чрез них отправляемых отсель и из прочих мест курьерами и за разными делами людей ловит и тирански губит, о коих при сем под № 3-м реестр.

Не оставил он злодей и к киргиз-кайсацкому Нурали-хану чрез нарочных писать и требовать к себе присылки киргизцев, обещая отдачею ему хану, если он требование

его исполнит, Яицких казачьих жен и детей во владение, почему он хан, как то подполковник Симонов от 9 числа сего рапортует, детей своих Ишима и Пирали солтанов с киргизами и наряжает, и хотя де он хан к нему Симонову сообщил, якобы отправляет сюда на помощь, однако де посланные в понятие приводят, что для содействия помянутому злодею будучи побуждаем обещаемою ему корыстью.

Намерение он злодей имеет, как все выходцы и пленники свидетельствуют, дотоле здесь под городом находиться, доколе оный возьмет, а как город регулярный и приведен в большую осторожность, то старается сделать внутреннее возмущение соблазном подлых людей и пожаром, для чего уже и подсылал неоднократно, из коих подсыльных некоторые с порохом и фитилем переловлены.

Что же принадлежит до учинения над ним Пугачевым поиска, то одними вышеозначенными здешними и собранными с крепостей регулярными и нерегулярными командами по превосходству изменнической толпы учинить оного весьма неможно, потому наипаче, что большее количество из приведенных господином бригадиром Корфом и здесь находящихся конных, затем, что они все лето обращались по линии на службе, к употреблению в поле по разбирательству оказалось неспособными. Лошади же регулярных команд, за сожжением злодеями всего здешнего сена, приведены в крайнее изнеможение, а напротив того, у них злодеев в добром качестве, которых они во всех местах нахватали и, содержа на добром корму, при высылках столь проворно обращаются, что их пешим и худоконными достигать трудно, ибо они во время наступления от картечного и оружейного выстрелов отдаляются, а производя единственно из многочисленных орудий пальбу, рассыпаются так, что

пехоте ни на картечный, ни на оружейный выстрелы сих ветренных злодеев не достичь, следовательно, поиск над ними инаково учинить и неможно, как сообразным им конным войском, коего за поколебанием башкирского и Ставропольского калмыцкого народов и других людей собрать нет средств по последней мере, хотя бы и пехотою атаковать их разными колоннами, коих также по количеству сил здешних сочинить не из чего.

А хотя по здешним сообщениям от господина генерал-поручика и кавалера Деколонга с Сибирских линей и легкие полевые команды и 400 таможних казаков под предводительством господина генерал-майора Станиславского, да от Сибирского губернатора господина генерал-поручика и кавалера Чечерина одна рота Гренадерская и две мушкатерские на здешние линии выкомандированы, только по необходимосги часторeченный генерал-поручик и кавалер Рейнсдорп рассудил и определил помянутому господину генерал-майору Станиславскому с двумя легкими полевыми командами идти и расположиться в Зелаирской крепости, яко в центре всея Башкирии состоящей, с таким ему предписанием: и чтоб он Станиславский по отношению с Уфимскою провинциальною канцеляриею прочих внутренних башкирцев от худых их предприятий удерживал, 2-е — прилежащие ко оной заводы предохранял, 3-е — ежели бы помянутый злодей обратился внутрь Башкирии, то б над ним учинил поиск, а между б тем находящихся в толпе злодейской башкирцев жен и детей в жилищах их тревожил, дабы услыша о том, мужья их могли от злодейства их возвратиться, а третию б легкую полевую команду с казаками и Сибирские роты приблизил к Оренбургу и до усмотрения будущих обстоятельств расположил Сибирские роты в ближайших от Орской крепостях, а легкую полевую команду

с казаками в Озерной крепости в 10 верстах от Оренбурга отстоящей, для предудержания его злодея от нападения на оные.

И так теперь реченный генерал-поручик и кавалер в ожидании остался отправленных от государственной Военной коллегии по Всевысочайшему имянному Ея Императорского Величества указу господ генерал-майоров Кара и Фреймана с войском, к коим, по уведомлении о приближении их от 13 числа, настоящие здешние обстоятельства сообщены, но как оные до них господ генерал-майоров не дошли, ибо нарочно посланные, возвратясь, объявили, что первый из них по причине нападения злодейского назад отступил, как чаятельно для соединения с находящимися позади его следующими войсками, то по поводу полученного чрез выходцев из злодейской толпы известия, что они господа генерал-майоры паки сюда приближаются, от 17 числа сего и еще к ним вторичные посланы со изъявлением вышеписанного над корпусом полковника Чернышева сожаления, достойного приключения и здешнего состояния, а напротив того, о злодейской силе с требованием при том от них уведомления, где они господа генерал-майоры и в каком количестве войска находятся, какое к поиску над злодеями предприятие приняли и распоряжение учинили и в которое точно время сюда прибудут, дабы можно было для содействия им со стороны его генерал-поручика и кавалера, приняв пристойные меры, предуготовиться, коего известия ежечасно ожидается.

А как скоро о прибытии их известие получится, так тотчас и отсель корпус выслан быть имеет, который составлен, быть может, из регулярных и сколько наберется годных лошадей, то есть конных регулярных же и нерегулярных из 200 человек с 22-ю орудиями артиллерии.

РЕЕСТР

Сколько при сражении с злодеями 12 числа октября регулярных и нерегулярных побито, ранено и захвачено

А ИМЕННО		Число оных	
		Убитых	Раненых
Легких полевых команд			
ШЕСТОЙ			
Рядовых мушкатеров		1	1
Егерской барабанщик		—	1
Канонир		—	1
СЕДЬМОЙ			
Мушкатер		1	2
АЛЕКСЕЕВСКОГО ПОЛКА			
Солдат		1	
ГАРНИЗОННЫХ			
Солдат		4	4
НЕРЕГУЛЯРНЫХ			
Войска Яицкого:	Хорунжих	1	1
	Войсковой толмач	—	1
	Сотник	—	1
	Казаков	2	5
	Сакмарской станицы казаков	1	—
Оренбургского войска:	Сотник	1	—
	Капрал	—	1
	Отставной хорунжий	—	1
	Казаков	4	5
СЕНТОВСКИХ ТАТАР			
Хорунжих		2	—
Рядовых		4	7

А ИМЕННО	Число оных
Захваченных злодеями	
Яицких казаков	2
Сакмарской станицы казаков	2
Неизвестно пропалых	
ОРЕНБУРГСКИХ	
Казаков	3
Бердинских и других крепостей	
Урядник	1
Капрал	1

А ИМЕННО		Число оных
Захваченных злодеями		
Казаков		9
Сейтовских татар захваченных		
Рядовых		5
Безвестно пропалых		
Рядовых		50
Итого регулярных и нерегулярных всех чинов		
Убито		22
Раненых		31
Злодеями захваченных		6
Безвестно пропалых		64
Да кроме того, полевых команд ранено лошадей, которые и к службе непригодны		
6 и 7 команд	Драгунских	2
	Подъемная	1
	Драгунская	1
Оренбургских казаков убито лошадей		4

ВЕДОМОСТЬ

Сколько каких команд при сражении со злодеем 14 числа ноября побито и ранено значит под сим

ЗВАНИЕ КОМАНД		Число людей	
		Побито	Ранено
Полевых команд			
Шестой	Порутчик	—	1
	Драгун	—	1
	Мушкатер	1	3
	Егерей	—	3
Седьмой	Порутчик	—	1
	Драгун	1	1
	Мушкатерских капрал	1	1
	Мушкатерских рядовых	1	3
Осьмой	Каптенармус	—	1
	Фурьер	—	1
	Капралов	1	2
	Барабанщик	—	1
	Рядовых	6	23
	Канониров	—	2
Алексеевской	Сержант	—	1
	Рядовых	1	1

ЗВАНИЕ КОМАНД		Число людей	
		Побито	Ранено
Гарнизонных			
Капитан		—	1
Сержант		—	1
Рядовых		7	21
Безвестно пропало рядовых		5	—
Канонир		—	1
Из солдат учеников		—	2
Итого нерегулярных		24	72
Нерегулярных			
Казаков	Оренбургских	1	—
	Крепостных	6	12
	Яицких	—	8
Калмык		1	1
Мещеряков		1	—
Итого нерегулярных		8	21
Всего всех чинов		32	93
Лошадей			
Драгунских		8	—
Каргалинских татар, состоящих под повозками		2	—

Реестр убитым от самозванца людям

1) Под Яицким городком за Чаганом-рекою повешены яицкие сотник Черторогов, да казаки Колпаков с товарищи, всего 12 человек.

2) В Илецком городке тамошний атаман Портнов повешен.

3) В Рассыпной крепости комендант Вяловской, капитан Савинич и поп повешены, да несколько еще офицеров и солдат копьями поколото и два калмыка убиты.

4) Посланные из Нижне-Озерной в Рассыпную крепость с командою на секурс капитан Сурин и порутчик Толбаев убиты.

5) В Нижнее-Озерной крепости комендант Харлов, прапорщики Фигнер, Хабалеров и комендантский писарь Скопин, да из татар казачий капрал Бикбай повешены.

6) Между Нижне-Озерной и Татищевой крепостей Илецкий казачий есаул Жеребятников повешен.

7) В Татищевой крепости бригадир барон Билов заколот копьями и отсечена у него голова, комендант полковник Елагин заколот копьями ж, и снимая кожу вынимали у него сало, а жена его Елагина саблями изрублена, да Рассыпного коменданта жена, один порутчик, один тутошний казак, прафос, и ссыльной своекошной повешены; одна женка, да три киргизца из ружей застрелены, шестой полевой команды сержант Калминской удавлен и брошен с камнем в воду, да выгнавши из крепости в поле из пушек убито солдат 7 человек.

8) Под Чернореченскою крепостью капитан Нечаев повешен.

9) Под Сакмарским городком ехавшие в Оренбург сибирский да уфимской курьеры, из Троицкой крепости капрал здешнего татарского диалекта толмач, коллежского советника Тимашева садовник, да неведомо какие сержант, с рудников приказчик и татарин, всего восемь человек повешены.

10) Под Оренбургом в лагере ехавший из Петербурга курьер, да один татарин, один башкирец, Бугульминской команды капрал Федосеев, двое солдат, один полевой команды, а другой гарнизонной тако ж, взятых с заводов, и с рудников русских людей 10 человек, и один киргизец повешены. Здешний казачий хорунжий Авдеев, Красногорской крепости из татар толмач Бикташ, и посланный сюда от бригадира Корфа курьер потеряны, шесть киргизцев из ружей застрелены, да Нижне-Озернинского каменданта Харлова жена с братом убиты.

11) Под Берденской слободой в лагере сержанты Сорокин, Пантелеев, да села Уральского поп, здешние гарнизон-

ные из поляк солдаты Ивановский, Врачинский, Маньковский, посланный отсель в Петербург курьером прапорщик Белокопытов, двое татар, из мордвы новокрещен один, мещеряков 8, Ногайских татар 7, Яицкий казак Ананьев, да из татар толмач повешены, Вознесенского завода порутчик, Илецкий старшина Копеечкин потеряны.

12) В Берденской слободе Авзянопетровского Демидова завода приказчики Копылев, Федоров, конторщик Набатов, заводских служителей 4 человека. Преображенского Твердышева завода конторщик Фролов, да идущие в Оренбург с командою Симбирской комендант полковник Чернышев, штаб и обер-офицеры. Ставропольский Калмыцкий полковник и одного прапорщика жена, всего Чернышевой команды 35 человек повешены. На Воскресенском Твердышева заводе прапорщик Кулалеев сожжен.

Приложение II

ЭКСТРАКТ,

учиненный в Шадринской Управительской Канцелярии о коснувшихся в злодейского вора Пугачева толпу разных жительств служащих, казаков и крестьян, пойманных при бывшем в 9 число сего марта под Уксянской слободой сражении, и из прочих мест присланных допросов, а кто они именно и какими винами обстоят, о том значит ниже:

№	Кто именно и которых жительств	Лета	Какими винами обстоят	
Тюменского ведомства из крестьян казаки:				
1	Степан Данилов сын Козырев	33	Оные, по командировке из Екатеринбурга на защищение заводов, возмутили на Кыштымском Демидова заводе заводских жителей и к воровской толпе согласились. Бывших при этом заводе командиров майора Чубарова и поручика Кологривова положили повесить, коих они сперва на Кыштымском заводе сковав отвезли к злодейскому полковнику на Косотурский завод и просили его, чтобы их повесить, коим они на том заводе по той их просьбе и повешены, а сами те казаки с заводцами предались в команду того полковника, с ним ходили под Челябу, где также и по выходе из нее Его Высокопревосходительства Господина Генерал-Поручика и кавалера Ивана Александровича Деколонга погоню чинили, неоднократные нападения и сражения, а потом и под Успенскою слободою против войск сражались же.	По законам подлежательны к смерти повесить.
2	Никифор Козьмин сын Вагин	33		
3	Андрей Алексеев сын Носырев	50		
4	Матвей Васильев сын Решетников	45		
5	Николай Иванов Ошконов	40		
6	Иван Самойлов сын Проскурескоов	39		
	Ялуторовского дистрикта:			
7	Иван Иванов сын Варламов			
8	Осип Андреев сын Гилев	37		
9	Антон Яковлев сын Сунгуров	20		
10	Никифор Михайлов сын Сизиков	30		

№	Кто именно и которых жительств	Лета	Какими винами обстоят	
Мияской крепости казаки:				
11	Федор Кашинов	33	Посыланы они были из Челябинска к защищению Варламовой слободы, где их и бывших с ними Чебаркульской крепости с казаками и тутошними жителями подошедшими под ту слободу башкирцами и русскими людьми, человек сот двести, взяты в их воровскую толпу, и как воровская толпа из Челябы пошла под Уксянскую слободу, то и их взяли с собою, где они воинскою командою и пойманы.	По допросам обстоятельству дела виновности их пристания к воровской толпе не оказалось, а взяты злодеями по неволе: то подлежательны с обязательством подписки отпуском в дом.
12	Андрей Заслонов	28		
13	Иван Анфилов	28		
14	Исетской провинции Еманжелинской крепости из казаков канонир Григорий Аверьянов сын Карпоголов	36	Захвачен воровскою толпою и увезен из той крепости в Челябинск и как из нее Господин Генерал-Поручик и кавалер Иван Александрович Деколонг с войсками выступал, то он с воровскою толпою ходил в погоню и, нагнав при озере Курлалах, при нападении коих Каргаполов из пушки стрелял, а пришедши в Уксянскую слободу, был уже он якобы при лагере при пушках в карауле и тут же из них против воинской команды якоже не стрелял.	Означенный Каргаполов при сражении хотел из пушки с воровской стороны противо войск палить, но как по обстоятельству и дела видно, что он оное чинил да и злодеями взят по неволе, но однако, дабы ему впредь чинить было неповадно и в страх другим, полагает учинить наказание плетьми и по наказании о неучинении впредь того, с обязательством подпиской из-под караула освободя в его жительство отпустить.
15	Еткульской крепости из казаков канонир же Василий Евдокимов сын Важенин	26	Взят из той крепости воровскою толпою и определен был при пушке и уведен в Уксянскую слободу, только де его якобы из нее против воинской команды палить не допускали.	Оные Важенин и Парфенов взяты в воровскую толпу поневоле и виновности их не предвидится.
16	Той же крепости казак Егор Васильев сын Парфенов	22	Посылан был до Кичигиной со следующей из Челябниска в Троицкую крепость почтою и, отвезя оную в обратный проезд, на дороге злодейской толпы ворами захвачен и отведен сперва в злодейскую толпу в Челябинск, а оттоль в Уксянскую слободу против воинской команды послан, где и захвачен.	И следует к выпуску безнаказанно и с обязательством подпискою и с отпуском в дом.

№	Кто именно и которых жительств	Лета	Какими винами обстоят	
Шадринского ведомства деревни Подкорытовой крестьяне:				
17	Семен	38	Когда из них Семен наряжен был в казаки, то послужа в них одни сутки, бежал к обществу здешних крестьян, учинился ослушным, а потом, пристав к злодейской толпе и во оную сено и овес возил, и с односельцем Корытовским, не бытности в селе Ухринском якобы за здравие третьего Императора и вино пил и с ним Корытовским ездил под Долматовский монастырь, где бывший с ним и той же толпы есаул Нестерев обещал ему сто рублей, чтобы и он сходил к ограде монастырской и Майору Заворотнову объявил, чтобы он сдался, объявляя ему якобы уже город Екатеринбург, полковник Бибиков без драки сдал да и заводы все склонились, — а после того как он, Семен, так и брат его, Иван, подъезжали под Шадринск для проведывания силы, и как увидав, и что Его Высокопревосходительство с войском ушел под Уксянскую слободу, то они с тем известием, убежав к воровской шайке атаману Рыжеву, чтобы он с своими войсками приостерегся, сказывали как же та злодейская толпа войсками разбита, то оба они для спасения себя с прочими с их же злодейскою толпою бежали в Пещанскую слободу.	Максимовы Семен, как он больший участник был ко всему чинимому злодейству бунту и именно во первых бытием в злодейской толпе и в привозе оной сена и подходе для уговора к Долматовской ограде, и быв в Шадринске, разведав об уходе войск, поехав в слободу Уксянскую воровскому атаману Рыжеву, к осторожности сказал подлежателен смерти повесить. Брат его Иван, хотя с ним и был, но он чинил смотря на брата Семена, как он, Семен, многим его старше и видно без совершенного умысла, да и не в тайне важные проступки чинил, дабы ему итого во вред чинить было неповадно и к примеру другим подлежателен учинением публичного наказания вместо кнута плетьми и с обязательством подпиской отпуском домой.
18	Брат его Иван Фадеевы дети Максимовских	28		

№	Кто именно и которых жительств	Лета	Какими винами обстоят	
Мехонского острога, деревни Плоской крестьянин:				
19	Харитон Андреевич Глазачев	22	Сперва содержался в Шадринской канцелярии по воровству под караулом, — по решении дела не удовольствовав бежал в Челябинск, и как под него пришла воровская злодейская толпа, то он скрылся и к крепости являлся сам собою к командующему в ней злодейскому Полковнику Ивану Никифорову, от коего ему даны были лошадь, ружье и копье, и в той толпе находился — сперва в Челябинске, а потом при атамане Рыжеве ходил для злодейства по разным местам и по выступлении из Челябинска Его Высокопревосходительства в числе прочих злодеев при трех нападениях был, а потом для злодейства же и под Уксянскою слободою был же.	Означенный Глазачев был в воровстве и из Шадринска по умышленности бежал в воровскую толпу, с которой имея ружье против войска сражение имел неоднократно, за что как есть вор и злоумышленно изменял, подлежателен смерти — повесить.
Екатеринбургского ведомства, Уксянской слободы крестьяне:				
20	Василий Тимофеев сын Обухов	25	Оные крестьяне, предався в воровскую злодейскую толпу и верно ей служить обещались, и для удовольствия их хлеб, а для лошадей сено и овес возили и по привозе до прибытия отсель воинской команды находились в той толпе.	Означенным Обухову с товарищами шестью человеками за чинимый ими злодейственный проступок подлежательны наказанию, за неимением кнута, вместо оного нещадно плетьми и с обязательством подписками с отпуском в дома.
21	Иван Васильев сын Бурков	25		
22	Егор Алексеев сын Дожмуров	29		
23	Андрей Петров сын Анкудинов	40		
24	Лука Филатов сын Челебаев	30		
25	Парфен Тимофеев сын Боровых	30		
26	Сидор Алексеев сын Нечеухин	16	Когда отцы их в злодейскую воровскую толпу склонились, тогда они по посылке от них в нее отвозили сено и овес и по привозе, до прибытия отсель воинских команд содержаны были в той толпе, а лошадей их они употребили в повозки.	Оные Нечеухин с товарищами тремя человеками за бытие их и склонность к злодейской толпе, по молодости их, дабы им впредь того чинить было неповадно и в страх другим подлежательны учению наказания плетьми и отпуском с обязательством подписками в дома.
27	Сила Кирилов сын Жителев	17		
28	Герасим Алексеев сын Ильин	16		

№	Кто именно и которых жительств	Лета	Какими винами обстоят	
Косотурского завода, заводчика Лунина крестьяне				
29	Мартын Иванов	35	По приходе на оный Косотурский, также на Кыштымский и Саткинский заводы из Екатеринбурга под командою Майора Чубарова и Поручика Кологривова Тюменского и Ялуторовского ведомств из крестьян казаков, согласясь они с ними и сперва оных Майора и Поручика на Кыштымском заводе, сковав отвезли на Косотурский завод, где большого из злодейской воровской толпы Полковника Ивана, Никифорова просили они общей команды их с казаками, чтобы их повесить, кои на том Косотурском заводе и повешены, а они, сообщась с теми казаками, пошли под предводительством того Полковника под Челябу, где также и по выступлении из Челябы Его Высокопревосходительства в разных местах чинены были со злодейской стороны нападения, в коем собрании и напоследок под Уксянскою слободою и они при сражениях были.	Означенные Батуев с товарищами — одиннадцать человек, за злоумышленность их и измену, бунт и за повешение Майора Чубарова, Поручика Кологривова и за бытие со злодейской стороны против войска вооруженною рукою в сражении, как ни большее зло и смерть учннили, подлежательны смерти — повесить.
30	Атон Михеев сын Батуев	22		
31	Харитон Ульянов сын Носков	20		
32	Тит Иванов сын Баталов	22		
33	Савва Евтефеев сын Болотов	18		
34	Андрей Иванов сын Климов	27		
35	Иван Афанасьев сын Молов	33		
36	Исаак Никитин сын Позняков	36		
37	Филипп Матвеев сын Седов	25		
38	Демид Вавилов сын Нохрин	22		
39	Федор Михайлов сын Леуханов	40		
40	Иван Михалев	22		
41	Кунгурского уезда, села Троицкого помещика князя Михаила Голицына крестьянин Дмитрий Романов сын Сидоров	35	Находился он Сидоров при Буткинском Боровленском винокурением Коллежского Советника Тимашева заводе в работе и, сообщась с бывшими при том заводе в работе же шестнадцатью человеками, бежали в злодейскую под Долматовым монастырем стоящую партию, где против того монастыря в сражении и находились, а оттоль посланы на вспоможение в Уксянскую слободу против пришедшей под оную воинской команды и чинили сражение.	Показанный Сидоров за побег из своего жительства за самовольное бытие в злодейской толпе, измену, бунт и бытие же с воровской толпой против воинской команды в сражении подлежателен смерти — повесить.

№	Кто именно и которых жительств	Лета	Какими винами обстоят	
42	Барневской слободы, деревни Ельнишной, крестьянин Дмитрий Ульянов сын Светоносов	25	Хотя он отсель в Челябу, а из Челябы в Кундравинскую слободу в казаки командирован и был и в ней злодеями в числе прочих взят и потом воровской толпе верностью служить склонился, откуль соединяясь с тою злодейскою толпою, как под Челябою, так и по выступлении Его Высокопревосходительства и при неоднократных сражениях и напоследок и для склонения Барневской слободы крестьян в ту же злодейскую толпу, послан и под селом Макаровским с отклонившимися крестьянами против высланной из Шадринска воинской команды, а напоследок и под Уксянскою слободою был в сражении.	Показанный Светоносов за довольно чинимые им в бытность самовольно в воровской толпе злодейство, измену, бунт и бытие в сражениях с воровской стороны против воинской команды подлежателен смерти -- повесить.
43	Маслянского острога пищик максим Васильев сын Колганов	28	При проезде в тот острог из злодейской партии Хорунжего Жихарева привезенную им яко бы с указа от третьего Императора копию он Калганов, по собрании народа, читал Маслянским крестьянам, также ездил и по прочим местам, читая с того указа копию, склонял маслянцев также речью при чтении с того указа копии, говорил, что лучше воровать и служить нашему батюшке Государю Петру Федоровичу и напоследок и в сражении под Долматовым монастырем со злодейской стороны был.	Означенный пищик Колганов за читание ложно составленного вором Пугачевым якобы от Третьего Императора указа в Масленской, при собрании народа, также и за поездку по другим жительствам и за склонение в злодейскую толпу народа и притом склонен и за проговоры таковые якобы лучше воровать и служить батюшке Государю Петру Федоровичу, и за бытие под Долматовским монастырем со злодейской стороны при сражении против имевшихся в Долматовской ограде войска и за большее его крестьян возмущение, бунт и измену, что все он чинил умышленно и простого народа за немалое возмущение подлежателен смерти — повесить.

№	Кто именно и которых жительств	Лета	Какими винами обстоят	
	Казаки:			
44	Еткульской крепости Иван Алексеев сын Казанцев	37	Посланы они были со следующею из Челябы в Троицкую крепость почтою и, набежав на них злодейской партии башкирцы и отняв ту почту, увезли их, возя с собою по разным местам, привезли под Уксянскую слободу, где они воинскою командою и пойманы.	Реченный Казанцев с товарищами 3 человеками в злодейской толпе был по невольному, ехавши в Троицкую с почтою, злодеями взятие которых по производимым допросам участником вспоможении злодейской толпе не оказали. Никакого наказания, с обязательством подпискою из-под караула освободить и отпустить в дома.
45	Аксен Федоров Пореднев	25		
46	Тимофей Герасимов сын Шишкин	25		
47	Чебаркульской крепости Матвей Денятловский	17	Были сперва на службе в Верхояицкой крепости и по отпуске из оной в дома свои и едучи дорогою злодеями пойманы и сперва под Челябу, а потом и под Уксянскую слободу увезены, и от злодейской толпы против войск из них Девятловский имеющимся при нем туркою стрелял, а Голдинов против войск от злодейской же стороны стоящую пушку куда повелят ворочал стягом.	Означенные Девятловский и Голдинов, хотя они в злодейской толпе и были, но по невольному их взятию едущих в дома из Верхнеяицкой на дороге, которые по производимым допросам показали, что против войск сражение имели, то подлежательны наказанию плетьми и с обязательством подпискою, освободя из-под караула отпустить в дома.
48	Той же крепости Матвей Голдинов	33		
	Уксянской слободы крестьяне:			
49	Михей Черных	22	Когда злодейская под Уксянскою слободою толпа стояла, то они сено и овес возили и были тут с лошадями под свозом разных их злодейских повозок и пушек.	Показанные Черных с товарищами, всего шесть человек, хотя в воровской толпе для провоза сена и были, но как из допросов их видно взяты неволею но однако в страх другим дабы впредь и таковым злодейским толпам пристанища не имели, а всеми силами того избегали, подлежательны наказанию плетьми и с обязательством подпиской отпустить в дома.
50	Никон Вдовых	17		
	Крутихинской слободы			
51	Ульян Боровых	20	По сожжении их деревни башкирцами взят он поневоле в плен и увезен под Уксянскую слободу.	Реченный Попов хотя в злодейской толпе и был, но по допросу значится, что он по сожжении деревня где он жительство имел, взят в злодейскую толпу неволею и участником к споможению злодейской толпе не оказался, да и летами уже немолод, не чиня наказания с обязательством подпискою подлежателен отпуском в дом.
52	Афанасий Лесных	28		
53	Андрей Ксенофонтов	25		
54	Иван Еровских	18		
55	Села Кундравинского, деревни Черной крестьянин Петр Иванов сын Попов	70		

№	Кто именно и которых жительств	Лета	Какими винами обстоят	
Успенской слободы, села Петропавловского крестьяне:				
56	Назар Григорьев сын Красноперов	30	В злодейскую толпу склонясь возили хлеб, сено и овес и были с лошадьми в подводах под разными злодейскими повозками.	Григорий Красноперов с товарищами, пять человек, за самовольное склонение в злодейскую толпу и за возку во оную для продовольствия сена и овса, о чем сами и допросами признались и показали, дабы им впредь таковых возмущений, бунту и измены чинить было неповадно, подлежательны учинению наказания вместо кнута плетьми и по наказании обязательством подлежащими подписками отпуском в дома.
57	Федор Санин сын Бахтеев	32		
58	Федор Семенов сын Луканин	17		
59	Успенской слободы, деревни Елишиной Иван Худорожков	50		
60	Пещанской Наум Семенов сын Зайков	25		
Ерузатского заводчика Твердышева завода крестьяне:				
61	Никита Родионов сын Тормасов	20	Склонясь в злодейскую толпу, с того завода приехали под Челябинск где также и под Уксянскою слободою сражении против воинских команд были.	Тормасов и Коликов, как сущие злодеи, возмутители и изменники и обществу вредители, кои и в допросе своем точно повинились, что в злодейскую воровскую толпу сами добровольно склонились под Челябинской и Уксянской против военных в сражении были, за которые их проступки и подлежательны смерти — повесить.
62	Евсифан Андрианов сын Коликов	25		
Уксинской слободы, деревни Тоушкановой крестьяне:				
63	Козьма Никифоров сын Щербаков	50	Склонясь в злодейскую толпу служить верно, для повозок в злодейской шайке пушек и прочего ездили.	Козьма Щербаков и Степан Семеновских за самовольное к воровской толпе склонение, за бытие во оной для повозок, пушек и прочего, в чем сами в допросах признались, подлежательны учинению вместо кнута жестоким со умножением наказаниям плетьми и обязательством подписками отпускам в дома.
64	Степан Елошнов сын Семеновских	50		
65	Села Воскресенского, крестьянин Никита Иванов сын Варлаков	30	Склонясь верно служить воровской злодейской толпе находился в Уксянской слободе с туркою, где против воинской команды имел сражение.	Означенный Варлаков за склонение в злодейскую толпу добровольно, как и в допросе, признался, что он ко оной склонился верно служить, почему и в Уксянской слободе с воровской толпой против военных с туркою сражение имел как сущий злодей, возмутитель и бунтовщик и изменник, подлежателен смерти — повесить.

№	Кто именно и которых жительств	Лета	Какими винами обстоят	
66	Маслянского острога, деревни Ермаковой крестьянин Павел Нафантов сын Аншуков	72	Был под извозом по найму Челябинского купца Семена Боровинского в Уртазымскую крепость провианта и по возвратном из той крепости проезде на пути, поймав его, башкирцы отвезли в Уксянскую слободу, где воинскою командою и пойман.	Означенный Аншуков в злодейскую команду взят неволею, как и по допросу оказалось, да и никакой он склонности не имел, подлежателен без наказания обязательством подпискою отпуском домой.
Барневской слободы крестьяне:				
67	Иван Федоров сын Санин	18	Были в казаках в Челябе, а из оной командированы в село Кундравинское, где злодейскою толпою захвачены и привезены под Челябинск же, а оттоль по выходе Его Высокопревосходительства Господина Генерал-Поручика и кавалера Ивана Александровича Деколонга с войсками, гнавшись за ними местах в трех и при Уксянской слободе против их от злодейской толпы в сражении были с копьями.	Показанному Санину с товарищами тремя человеками, хотя они во-первых, показали, что взяты в злодейскую толпу якобы неволею, потом, что бывши во оной толпе под слободою Уксянскою и в следовании войск из Челябинска, со стороны воровской толпы против военных за чинимое вооружение подлежательны наказанию плетьми и с обязательством подпискою отпуском в дома.
68	Федор Васильев сын Суханов	20		
69	Никифор Иванов сын Сухоносов	30		
Нижнеувельской слободы деревни Кайсарской крестьяне:				
70	Степан Иванов сын Калинин	36	Были башкирцами, по сожжении их деревни, взяты в плен и привезены ими под Челябинскую крепость под коею два раза также и в погоне за Его Высокопревосходительством в трех местах и под Уксянскою слободою в сражении были с копьями.	Реченные Калинин с товарищами, всего девять человек, хотя в злодейскую партию ворами и захвачены были, но допросами они показали, что против войск в следовании оных из Челябинска в трех местах и под слободою Уксянскою в сражении с злодейской стороны были, к воздержанию их впредь от таковых продерзностей и в страх другим подлежательны учинению им жесточайшего наказания плетьми и отпуском в дома.
71	Галактион Иезнаев	37		
72	Марк Черепанов	44		
73	Кондратьев Зиновьев	19		
74	Аверьян Логинских	24		
75	Еким Миронов	50		
76	Федор Слудных	30		
77	Михей Бобылев	38		
78	Дементий Устюжанин	16		

№	Кто именно и которых жительств	Лета	Какими винами обстоят	
Саткинского завода, содержателя Лугина крестьяне:				
79	Дмитрий Баженов	23	В приезд в тот завод злодейской толпы, согласясь, они с прочими были под Челябою, где также и по выходе из нее Его Высокопревосходительства, когда против войск чинено было от той злодейской толпы нападение, тогда и они находились при их обозе, да и под Укеянскою слободою при сражении от тех войск укрывались и находясь в обозе.	Означенные Баженов и Кудымов за самовольное в злодейской толпе бытие, за умышленное к злодейству намерение подлежательны наказанию вместо кнута плетьми и с обязательством подписками отпуском в дома.
80	Сидор Кудимов	23		
Красномыльской слободы крестьяне деревни Павелевой:				
81	Иван Иванов сын Кулаков	22	Как к ним под Уксянскую слободу из Шадринска воинская команда следовала, то из той слободы послал их злодейский атаман Рыжев для разведываний далеко ль следует, то они в гу воинскую команду в деревне Брюховой сами собой явились, почему они той командою сюда привезены.	Оные Кулаков и Добрачев, как они в злодействе кроме посылки от воровского атамана для разведки воинских команд не признались, то за то злодеев послушание подлежательны наказать батожьем и с обязательством подписками отпуском в дома.
82	Афанасий Борисов сын Добрачев	35		
83	Деревни Никитиной, Игнатий Яковлев сын Хабаров	17	В злодейской партии как их деревни все крестьяне быть согласились, то и они по принуждению их согласие имели же, чтобы служить верно.	Показанные возмутители, изменники, раскольник Григорий Ничегов с товарищем за бытие в воровской толпе и за намерение во оной верно служить подлежательны нещадному наказанию вместо кнута плетьми и по обязательству подпискою отпуском в дома.
84	Екатеринбургского ведомства, деревни Становой из крестьян раскольников Григорий Пичеков	20		
Мехонского острога крестьяне:				
85	Деревни Савиной Константин Лепустин	22	Были в Кундравинском селе в казаках, откуда злодейским Полковником Иваном Никифоровым захвачены и под Челябинск увезены, во время сражения один раз под Челябою были с копьями, а огненного ружья при них не имелось, и из Челябинской слободы из той партии бежали в дома свои, откуда приехавшими злодейской же партии башкирцами сильно с прочими крестьянами до Устьменского завода браны были под их на ворованный экипаж подводы.	Упоминаемые Лепустин и Варнагов за бытие их в злодейской толпе под извозом, а Варнагов и за сражение в Миенском винокуренном заводе, подлежательны жесточайшему наказанию плетьми и с обязательством подпискою отпуском в дома.
86	Деревни Изкульской Феодосий Варнагов	30		

№	Кто именно и которых жительств	Лета	Какими винами обстоят	
Барневской слободы, крестьяне деревни Делиной:				
87	Денис Иванов сын Попов	20	По высылке отсель из Челябинска были в селе Кундравинском для защищения того села от злодеев в казаках, где и захвачены злодейским Полковником Иваном Никифоровым, в сражении же под Челябинском три раза да под деревней Заяковой один раз были с копьями, а огненного ружья при них не было, как те злодейское собрание из Подушенской слободы разогнано, то и они оттоль в дома свои выбежали и в Шадринск пришли.	Означенные Попов с товарищами четыре человека в злодейскую толпу захвачены ворами насильно, которые по допросам никакому возмущению причиной не состоят и подлежательны отпуском с обязательством подписками в дома.
88	Петр Емельянов сын Лукиных	40		
89	Мартель Иванов сын Боровинов	20		
90	Архип Ларионов сын Дурчанинов	19		
Еткульской крепости казаки:				
91	Максим Родионов сын Попов	35	Захвачены при подъезде в ту Еткульскую крепость злодейским атаманом Масловым и по привозе в Челябинск, а оттуда посланы в Чемлецкую слободу и не доехав до оной под деревней Зайковой против войска, следующего при его Высокопревосходительстве Господине Генерал-Поручике и Кавалере Иване Александровиче Деколонге на сражения, а оттоль уже под Уксянской слободой были же с копьями, где тою воинскою командою и пойманы.	Показанные Попов и Горохов в злодейскую толпу захвачены сильно, которые по допросам битием в сражениях оказались, подлежательны наказанию батогами и с обязательством подписками отпускаемы в дома.
92	Ермий Федоров сын Горохов	19		
Помещицы Дебеаусобри крестьяне:				
93	Яков Васильев сын Ензеев	50	Как злодейский есаул, а села Сухринского, крестьянин Корысовский с злодейскою партиею к ним в село приехал, то они про то звали и тутошних жителей, чтобы они верно служили, к их толпе склоняли, и когда молебен служен в церкви был тогда то таковому их возмущению и все крестьяне, да и они у креста были да и после того хотя они знав, что то возмущение ими; народу чинено ложно в чем они и поныне состояли, но как увидев, что воинскими командами некоторые селения за их противнические поступки выжжены, да и в злодеянии оказавшимся в том числе из них Яковлеву, сыну, Родиону по законам казнь учинена, то и они от того страха пришед сюда и Его Высокопревосходительству Господину Генерал-Поручику и кавалеру Ивану Александровичу Деколонгу явились.	Означенные Яков и брат его Парфен, как из показаний их видно, не только о приезде злодейском знали и о верности тому воровскому собранию службы крест целовали, но и тамошних жителей склоняли, да и все то злодейское возмущение от начала оного знали. Сын Якова Родион пред сим повешен, сам же Яков в злодействе и непокорности состоял же, а потому подлежателен он так же, как и сын его, по худому его состоянию смерти — повесить, а Парфен по подлости жесточайшему вместо кнута наказанию плетьми и с обязательством подпискою отпуском домой.
94	Брат его Парфен	45		

№	Кто именно и которых жительств	Лета	Какими винами обстоят	
Села Сухоринского:				
95	Иван Яковлев сын Спицын	52	Когда к ним в село Сухринское, из-под Долматова, из злодейской толпы с командою, называющейся есаулом их села крестьянин Конон Корыстовский приехал, то он про то знал, что он Корыстовский из злодейской толпы, который и квартиру у него в доме имел, а он Спицын тутошних жителей к тому склонял и им толковал, что бы они верно той толпе служили, и у молебна в церкви был и крест целовал, да и прочих к тому склонял, да и после того, что то возмущение народу чинено лживо, знал, к тому же у него и приехавший из-под Долматова монастыря из злодейской же толпы есаул Василий Софонов в доме у него квартиру имел, и как все злодейские дела производили и погребленное привозили он Спицын видел, но как уже воинские команды некоторые селения, также и их село Сухринское, в том числе и его Спицына дом, за противнические проступки выжгли, а как некоторым за преступление и злодеяние и законная казнь учинена, то и он от того страха приехал сюда и у Его Высокопревосходительства явился.	Хотя он Спицын и явился здесь сам, но как он допросом своим показал, что о приезде в село Сухринское воровских есаулов Корыстовского и Софонова и сколь знал, но и в доме своем их держал, да и сам он Спицын тамошних жителей к злодейской толпе склонял и чтобы той толпе верно служили, толковал и за то противное и Государству вредное дело и надлежало ему учинить смертную казнь, но в рассуждения Монаршего Ея Императорского Величества ко всем подданным милосердия, подлежит учинить жестокое вместо кнута плетьми наказание и с обязательством подпискою в дом его отпустить также.
96	Иван Васильев сын Бастрыков	42	О приезде в село Сухринское, из-под Долматова, из злодейской партий есаула их же села Сухринского крестьянина Конова Корыстовских с злодейскою партиею он Бастрыков знал, и в церкви при служении якобы за Третьего Императора у молебна был и по отслужении оного крест целовал. и по согласию всех того села крестьян он Бастрыков и в атаманы выбран, а ныне, как он, Бастрыков, увидав, что воинские команды, некоторые селения также и их село Сухринское, в том числе и его Бастрыкова дом, за противнические проступки выжгли, а некоторым за преступление и злодеяние и законная казнь учинена то и он от того страха приехал сюда и у Его Высокопревосходительства явился.	И оный Бастрыков за знание и непоимку из воровской толпы есаула Корыстовского, и за бытие при служении якобы за Третьего Императора молебна у креста, и за то, что он от злодеев в селе Сухринском постановлен был атаманом, каковое звание ему Бастрыкову от него принимать и в злодейство вступать и называться не подлежало, надлежит ему на страх другим, чтобы в подобные сему злодейства никто не приставал и верностью не посягал, учинить наказание вместо кнута плетьми и с обязательством подпискою отпустить в дом.

№	Кто именно и которых жительств	Лета	Какими винами обстоят	
97	Семен Анисимов сын Спицын	37	Быв он в прошлом 1778 г. у приема и расхода всех сборов в Шадринской канцелярии и денежной казны счетчиком и не сдав всей той денежной казны уведав, что злодейская партия в село Сухринское приехала в ту партию бежал и тем присяжную свою должность нарушил, где будучи по повелениям злодейской партии есаула Корыстовского находился в послушании а напоследок с тем злодейским есаулом и в Волковскую слободу ездил и там присланного из города и Екатеринбурга подканцеляриста Колобова при нем Спицыне злодейский есаул Корыстовский повесил.	Как означенный Спицын, презря свою к Ея Императорскому Величеству присягу, будучи у прихода и расхода денежной всех в Шадринской Канцелярии сборов казны и не сдав оной, бежал и уклонился в злодейскую воровскую партию и во оной находился в послушании, и будучи в Волковской слободе при нем Спицыне злодейским есаулом Каноном Корыстовским присланным из г.Екатеринбурга подканцелярист Колобов повешен, и за то его, Спицына, надлежит казнить смертью повесить.
Села Иванищевского священник:				
98	Иван Федоров сын Некрасов	46	Когда злодейская партия при есауле Корыстовском в село Сухринское приехала, то приходил к нему того же села Иванищевского крестьянин Никита Печенин и просил его, чтобы написать приговор от всех того села крестьян, чтобы он Корыстовский с командою приехал в то их село для защищения из Шадринска от команд, но как он тот приговор писать не стал, то оный и написал их же села крестьянин Ежеменский, с которым приговором и ездил он Некрасов с реченными крестьянином Печениным в злодейскую партию в село Сухринское и просили того есаула, что бы он к ним в село приехал для защищения их, и после того дня чрез три в реченное их село он Корыстовский прислал вместо себя крестьянина Андрея Гусева, где и по приезде его в епитрахили и с крестом и колокольным звоном встретил и привезенный им Гусевым лжесоставленный якобы от Третьего Императора указа, крестьянам читал а потом и молебен якобы за Третьего Императора служил, а при окончании того молебна и крест как сам он, так и бывшие при том целовали, а по выходе из церкви и взятое в дом его из питейного дома вино за здравие якобы же за Третьего Императора пили.	Оный Священник Некрасов за его злодейственные и Государству вредные поступки, в чинении которых и сам он признался и при служении якобы за Третьего Императора молебна на ектинии же Ея Императорского Величества не упоминал, и по всем Государственным правам подлежит смертной казни. но как от духовного чина, то об нем и передать в главное рассмотрение высшей команде.

№	Кто именно и которых жительств	Лета	Какими винами обстоят	
99	Тобольской семинарии студент вышепредписанного священника Некрасова сын Никита	20	Отпущен он Тобольской Семинарии от учителей Софийского собора ключаря священника Василия Копылова с данным билетом сроком прошлаго 1773 года Сентября по первое число, где и находился при отце его в реченном селе и как же из злодейской партии из-под села Сухринского того же села крестьянин Андрей Гусев к их селу стал подъезжать, то по повестке отец его пошел для встречи в церковь, куда по повелению отца его и он пришел, как же отец его ижесоставленный якобы от Третьего Императора указ читал он слышал и при служении молебна был и за здравие якобы же за Третьяго Императора принесеиное из шитейного дома отцом его в дом их вино пил, по приезде же злодейской партии есаул Корыстовский его в пищики звал но он не склонился по вышеписанному же из Тобольска отпуску срок минул пять месяцев и пятнадцать дней.	Показанный Семинарии студенту Некрасову, как он по допросу в злодействии не признался, а только о приезде в село Иванищевское злодейской партии знал, и при нем отец его в церкви народу лжесоставной указ читал он слышал и за здравие якобы Третьего Императора вино пил. Наказать плетьми и отослать в Тобольскую семинарию.
Барневской слободы, деревни Бобыльской:				
100	Крестьянин Михаил Сергеев сын Балуков	40	Наказанный кнутом, Барневской и прочих слобод в злодейскую партию крестьян склонял, да и сам с злодеями в сообществе был, и будучи в Барневской слободе ограбленные злодейской партии есаулом Жихаревым в приезд его обще с ним Балуковым и прочими вырученные за казенное питье и продажную казенную соль деньги он Балуков считал и вино безденежно пил, да и прочих злодейской толпе подносил и противо посланной из Шадринска под село Макаровское воинской команды вооружался, да и под Уксянской слободой при сражении со злодейской стороны был.	Показанному Балукову, как и сам он признался, за склонение в злодейскую партию крестьян и за бытие в обществе на злодействе и за грабеж с теми злодеями казенных за проданное питье и соль денег, и что он противо высыланных команд вооружался, надлежит учинить ему яко уже наказанному прежде сего кнутом смертную казнь — повесить.

№	Кто именно и которых жительств	Лета	Какими винами обстоят	
Села Конашского:				
101	Терентий Фотеев сын Мальцев	47	Оного села крестьян в злодейскую партию он Мальцев склонял и в верности службе якобы Третьему Императору по отслужении молебна тамошним священником Степаном Хабаровым крест целовал, и для зова той злодейской партии на защищение села Конашского в село Сухринское в стоящую тогда во оном злодейскую толпу ездил, которая в то их село прислана и была и противо высланной из Шадринска воинской команды вооружалась, да и сам был он противо оной в село Иванищевское поехал, но не доезжая до оного возвратился и в дом свой в деревню Мальцев уехал.	Оному Мальцеву за склонение в злодейскую партию крестьян и в целовании якобы за Третьяго Императора в верности службы креста и за позыв на защищение села Канашского злодейской партии и за выезд противовысланных из Шадринска военных команд, надлежит ему Мальцеву за такое злое дело учинить жестокое наказание, вместо кнута плетьми и с обязательством подпискою отпуском в дом.

Капитан *Федор Усков.*

Управитель *Филипп Портнягинов.*

Регистратор *Дмитрий Чекачев.*

Канцелярист *Тимофей Куранин.*

МНЕНИЕ

По указу Ея Императорского Величества, по приказанию Генерал-Поручика и Кавалера Ивана Александровича Деколонга, и по силе законов, а именно соборного уложения 2 главы 1-го, 2 и 3 пунктов воинского устава 135, 136 и 137 артикулов, указов 1754 г. сентября 30 и 1773 г. ноября 30 числа предписанным выше сего в экстракте людям за их злодеяния, по мнению Шадринской Канцелярии и 12 лег-

кой полевой команды Капитана Ускова, надлежит учинить следующее: *Смертною казнью — повесить*: *Тюменского ведомства* — Степана Козырева, Никифора Вагина; *Ялуторовского дистрикта* — Ивана Варламова, Осипа Гилева, Антона Сунгурова, Никифора Сизикова; *Мехонского острога* — Харитона Глазачева; *Косотурского завода* — Антона Батуева, Харитона Носкова, Тита Баталова, Саву Болотова, Андрея Климова, Ивана Мосеева, Исака Познякова, Филиппа Седова, Ивана Михалева, Демида Нохрина, Федота Леуханова; *Кунгурского уезда* — Дмитрия Сидорова, *Барневской слободы* — Дмитрия Светоносова; *Маслянского острога* — Пищика Максима Калганова; *Ерузацкого завода* — Никиту Тормасова, Епифана Коликова; *села Воскресенского* — Никиту Варлакова; *Сухринского села* — Семена Спицына, *Канашского* — Якова Ягупьева; *Барневского села* — Михаила Балукова; итого повесить двадцать семь человек, да и поп Некрасов, хотя и подлежателен смерти же, повесить, но как он духовного чина, то отдать в рассмотрение Его Высокопревосходительству Господину Генерал-Поручику и Кавалеру Ивану Александровичу Деколонгу; *Вместо кнута плетьми* крестьян: *Шадринского уезда* — Ивана Максимова; *Уксянской слободы* — Козьму Щербакова, Василья Обухова, Ивана Буркова, Егора Дожмурова, Андрея Анкудинова, Луку Телебаева, Парфена Боровых, Назара Красноперова, Федора Бахтеева, Федора Луканина, Ивана Худорожкова; *Пещанской слободы* — Наума Зайкова, Степана Семеновских; *Саткинского завода* — Дмитрия Баженова, Сидора Кудышова; *Красномыльской слободы* — Игнатия Хабарова, Григория Пичегова; *Помещицы Дебеаусобри* — крестьянина Парфена Егупьева; *села Сухринского* — Ивана Спицына, Ивана Бастрыкова; *деревни Мальцевой* — Терентья Мальцева, итого *вместо кнута плетьми двадцать два человека*;

Просто плетьми из казаков канонира Григория Каргаполова; *Уксянской слободы* — Михея Черных, Никона Вдовина, Ульяна Боровых, Афонасия Лесных, Андрея Ксенифонтова, Ивана Еровских: *Варневской слободы* — Ивана Сонина, Федора Суханова, Никифора Сухоносова; *Нижнеувельской слободы* — Степана Калинина, Галлактиона Незнаева, Марка Черепанова, Аверьяна Логинских, Кондратия Зиновьева, Екима Миронова, Федора Слудных, Михея Бобылева, Дементия Устюжанина; *Меланского острога* — Константина Лепустина, Федосея Варпагова; Семинарии студента Никиту Некрасова; *итого плетми двадцать семь человек*; *Батожьем — Красномыльской слободы* — Ивана Кулакова, Афонасия Добрачева; *Еткульской крепости* — казаков Максима Попова, Ермила Горохова; *итого батожьем четырех человек*; да без наказания *Миясской крепости* казаки — Федор Пашниных, Андрей Заслонов, Иван Анфалов: *Еткульской крепости* — Василий Важенин, Егор Парфенов, Иван Казанцев, Иван Параднев, Тимофей Шишкин; *села Кундравинского* — Петр Попов; *Маслянского острога* — Павел Аншуков, *Варневской слободы* — Денис Попов, Петр Луниных, Мартемьян Боровиков, Архип Дурчанинов; итого *без наказания четырнадцать человек*; и значащихся в экстракте людей по привозе и по принятии в содержание померли *Тюменского ведомства* — Иван Проскуряков, Андрей Носырев, Матвей Решетников, Николай Осноков; *Косогурского завода* — Мартын Иванов; *Шадринского уезда* — Семен Максимовских; *Варламовой слободы* — Демид Власов, кои до допроса померли; *итого семь человек*, которые пойманы по бытности их под слободой Уксянской против военных, в сражении ранены и биты, отчего как выше значит и померли, а так ли сему быть по содержанию Губернаторского и Воеводского наказа 16-го пункта, не чиня наперед эк-

зекуции, представить в главное рассмотрение и апробацию Его Высокопревосходительству вышереченному Господину Генерал-Поручику и Кавалеру Ивану Александровичу Деколонгу и просить на то резолюции; по учинении же всего вышеописанного о ком куда надлежит, чтобы в тех местах об учиненной казни и наказании было известно, послать из Шадринской Управительской Канцелярии указы. — Подписали: Капитан Федор Усков. Управитель Филипп Портнягинов и Регистратор Дмитрий Текачев.

1774 года марта 18 дня, написанным в учиненных в Шадринской Управительской Канцелярии экстракте определении и на оные данной от Его Высокопревосходительства Господина Генерал-Поручика и Кавалера Ивана Александровича Деколонга конфирмации колодникам, изменникам и бунтовщикам, в силу прописанных в выписке и мнении Государственных законов наказаны: *смертною казнью повешены* (кроме умерших значащихся во мнении семи человек) выписные из крестьян в казаки Степан Козырев, Никифор Вагин, Иван Варламов, Осип Гилев, Антон Сунгуров, Никифор Сизиков; крестьяне — Харитон Глазачев, Антон Батуев, Харитон Носков, Тит Баталов, Сава Болотов, Андрей Климов, Иван Мосеев, Исак Позняков, Филипп Седов, Демид Нохрин, Федот Леуханов, Иван Михалев, Дмитрий Сидоров, Дмитрий Светоносов, Никита Тормасов, Епифан Коликов, Никита Варлаков, Семен Спицын, Михаил Балуков, Пищик Максим Налеганов; *вместо кнута плетьми* — Иван Максимов, Козьма Щербаков, Василий Обухов, Иван Бурков, Егор Дожмуров, Андрей Анкудинов, Лука Телебаев, Парфен Боровых, Назар Красноперов, Федор Бахтеев, Федор Луканин,

Иван Худорожков, Наум Зайков, Степан Семеновских, Дмитрий Баженов, Сидор Кудымов, Игнатий Хабаров, Григорий Пичегов, Парфен Егупьев, Иван Спицын, Иван Бастрыков, Терентий Мальцев; *да просто плетьми* — из казаков канонир Григорий Каргаполов; крестьяне — Михей Черных, Никон Вдовин, Ульян Боровых, Афонасий Лесных, Андрей Ксенофонтов, Иван Еровских, Иван Сонин, Федор Суханов, Никифор Сухоносов, Степан Калинин, Галактион Незнаев, Марк Черепанов, Аверьян Логинских, Кондратий Зиновьев, Еким Миронов, Федор Слудных, Михей Бобылев, Дементий Устюжанин, Константин Лепустин, Федосей Варнагов, студент Никита Некрасов; да помещицы Дебеаусобри крестьянин Яков Егувьев; *батожьем* — крестьяне — Яков Куликов, Афонасий Добрачев, казаки — Максим Попов, Ермил Горохов, и как оные наказанные и наказавшиеся невинными всего девятнадцать человек по обязании подпискою, чтобы им впредь того не чинить, кроме казаков отпущены в дома их, а казаки для исправления службы отосланы к здешнему Господину Коменданту Кениху, при которой экзекуции и были: Премьер Майор Фадей Солодов, Обер-Адъютант Михаил Федоров, Управитель Филипп Портнягинов, Регистратор Дмитрий Текачев.

ЛЮДИ, УПОМЯНУТЫЕ В КНИГЕ

Абдула Мурза Муслюмов, ахун из башкир.

Абдуль-Гафер-Мансуров, мулла из башкир, увещавший инородцев бунтовщиков.

Аблай, хан Киргиз-Кайсацкой Средней Орды.

Абним-Тархан, башкирский старшина, укрывавший Пугачева.

Абрамов, поручик. Убит при взятии мятежниками Ильинской крепости.

Авдеев, хорунжий, убит бунтовщиками.

Айчуван, киргиз-кайсацкий султан.

Алексеев Иван, крещеный калмык, подвергнутый пытке по распоряжению генерала Деколонга по подозрению в измене.

Алымов, обер-гинтер-фервальтер Ижевского завода, убит мятежниками.

Андреев, капитан.

Ананьев, яицкий казак, повешен бунтовщиками.

Андреев, священник.

Анкудинов, крестьянин Екатеринбургского ведомства, по приговору суда за участие в мятеже наказан плетьми.

Антонов Лаврентий, священник Курганской слободы. Главный предводитель бунтовщиков Курганской слободы, взят в плен из толпы мятежников при Пуховой слободе.

Анфилов, казак Мияской крепости.

Аншуков, крестьянин Маслянского острога.

Арзамасцев, есаул, атаман мятежников в Кизакской слободе.

Аршеневский, подполковник, начальник команды, расположенной в Красноуфимске, по р. Ай 2-й бригады, 2-й дивизии.

Афанасьев, солдат, посланный разведчиком, повешен бунтовщиками в Кургане.

Ахлестин, гренадер Тобольской гарнизонной роты.

Бабановский, управитель Ялуторовского дистрикта.

Бабич, расстрига в Тобольске.

Баженов, крестьянин Саткинского завода, по приговору суда за участие в мятеже наказан плетьми.

Байжигит, мурза Средней Киргизской орды близ Кокчетова.

Балохонин, сержант.

Балтачев, башкирский старшина.

Балуков, крестьянин Борневской слободы, по приговору суда за участие в мятеже повешен.

Банин, крестьянин Кизакской слободы, участвовал в мятеже.

Бараков, пятидесятник.

Бардаков, священник, принимал участие в бунте.

Бастрыков, крестьянин села Сухринского, по приговору суда за участие в мятеже наказан плетьми.

Баталов, крестьянин Косотурского завода, по приговору суда за участие в мятеже повешен.

Батуев, крестьянин Косотурского завода, повешен.

Бахман, унтер-шихмейстер, повешен Пугачевым.

Башарин, капитан. Взят в плен Пугачевым при осаде Ильинской крепости.

Башкирцев, крестьянин, взят в плен в толпе мятежников при Пуховой слободе.

Бахтеев, крестьянин Успенской слободы, по приговору суда за участие в мятеже наказан плетьми.

Бенеке фон, секунд-майор, комендант Орской крепости.

Беницкий, поручик, преследовавший Пугачева.

Бибиков, Александр Ильич, генерал-аншеф (1729—1774). Сподвижник Императрицы Екатерины II. Маршал Комиссии нового уложения 1767 г. и деятельный ее участник. Выбран был Императрицей для подавления Пугачевского бунта. Преследуя полчища Пугачева, скончался в Бугульме.

Бибиков, полковник, управитель уральских заводов.

Бикбай, капрал, повешен Пугачевым.

Бикташ, толмач, убит Пугачевым.

Билдин, есаул, предводительствовал мятежниками при Кундравшиской слободе.

Билов, барон, бригадир, начальник команды, действовавшей против Пугачева, убит бунтовщиками.

Бирцев, есаул.

Благово Петр Алексеевич, прокурор Исетской провинции.

Бобылев, крестьянин Нижнеувельской слободы, по приговору суда за участие в мятеже наказан плетьми.

Болярский, священник, принимал участие в бунте.

Благово Анна Алексеевна, сестра прокурора Исетской провинции, мученически бита бунтовщиками в Челябинске.

Болотов, крестьянин Косотурского завода, по приговору суда повешен.

Борисов, поручик, преследовавший Пугачева.

Баровых, крестьянин Крутихинской слободы, по приговору суда за участие в мятеже наказан плетьми.

Боровинский, бургомистр г. Челябинска.

Баровых, крестьянин Екатеринбургского ведомства, по приговору суда за участие в мятеже наказан плетьми.

Бородин, старшина яицких казаков, начальник отряда, преследовавшего Пугачева.

Брант фон Яков Ларионович, генерал-аншеф, Казанский губернатор.

Бриль Адам Иванович, генерал-майор, Иркутский губернатор.

Бурков, крестьянин Екатеринбургского ведомства, по приговору суда за участие в мятеже наказан плетьми.

Бурцев, причетник.

Бурцев, есаул, начальствовал мятежниками при Утяцкой слободе.

Бутусов, крестьянин Косотурского завода, по приговору суда повешен.

Бушуев Никита. Пугачевский сотник, осаждал Далматов монастырь.

Быков, староста Иковской слободы, взят в плен в толпе бунтовщиков при Пуховой слободе.

Белобородов, атаман мятежнической толпы, пугачевский подполковник.

Белокопытов, прапорщик, повешен бунтовщиками.

Белоносов, сотник, Исетский казак.

Вагин, крестьянин Тюменского уезда, по приговору суда за участие в мятеже повешен.

Важенин, казак Еткульской крепости.

Валленштерн, генерал майор. Обер-комендант г. Оренбурга.

Варлаам I (Петров), архиепископ Тобольской епархии.

Варнаков, крестьянин Мехонского завода, по приговору суда за участие в мятеже наказан плетьми.

Валия, султан Средней Киргиз-Кайсацкой орды.

Васильев, священник, принимал участие в бунте.

Варнстед, майор, начальник команды, действовавшей против Пугачева.

Варлаков, крестьянин села Воскресенского, по приговору суда за участие в мятеже повешен.

Варламов, крестьянин Ялуторовского уезда, по приговору суда за участие в мятеже повешен.

Вдовых, крестьянин Уксянской слободы, по решению суда за участие в мятеже наказан плетьми.

Венцель, управляющий Ижевскими заводами, убит мятежниками.

Вершинин Сава, фурьер Екатеринбургской роты, произведенный Пугачевым в свои полковники.

Винклер фон, капитан, начальник команды, командированной генералом Станиславским для поисков Пугачева.

Витте фон, жена подполковника, была в плену у Пугачева.

Волков, генерал-майор, начальник пехотной бригады первой дивизии, действовавшей против Пугачева.

Вонифатий, иеремонах Далматова монастыря, защитник монастыря от нападения мятежников.

Воронов, поручик, командовал взводом гусар, посланных в Звериноголовск.

Воронов, прапорщик, повешен Пугачевым по взятии Ильинской крепости.

Врачинский, солдат Оренбургского гарнизона, повешен бунтовщиками.

Высоких, староста Марайской слободы, взят в плен из толпы мятежников при Пуховой слободе.

Вяловский, майор, комендант Рассыпной крепости, повешен со своей женой Пугачевым.

Гагарин, прапорщик, начальник команды, сформированной из башкир и мещеряков, для действий против мятежников.

Гагрин, секунд-майор, начальник команды, командированной А.И. Бибиковым в Екатеринбургскую провинцию.

Гилев, крестьянин Ялуторовского уезда, по приговору суда за участие в мятеже повешен.

Глазычев, крестьянин Мехонского острога, по приговору суда за участие в мятеже повешен.

Гноенко Василий. Запорожский казак, сосланный в Сибирь. Наказан кнутом в Тобольске.

Голдинов, казак Чебаркульской крепости, по приговору суда за участие в мятеже повешен.

Голицын, князь Петр Михайлович, генерал-майор, командовал частями войск, действовавшими против Пугачева.

Голицын, князь Михаил Михайлович, его дом в Москве.

Голицын, князь, помещик Кунгурского уезда.

Голуб, Яицкий казак, сосланный в Тобольск.

Голубь, секунд-майор.

Голушин, мастеровой Аннинского завода.

Гонцов, крестьянин Курганской слободы.

Горев, ссыльный.

Горновенины Федор, Степан, запорожские казаки, сосланные в Сибирь.

Горохов, казак Еткульской крепости, по приговору суда за участие в мятеже наказан батогами.

Григорьев Никифор, расстрига, сообщник самозванца Рябова, наказан кнутом.

Гринев, подполковник, начальник команды, расположенной в Илецком городке, 1-й бригады, 2-й дивизии.

Гриченин, запорожский казак, сосланный в Сибирь.

Грязнов Иван Никифоров, атаман мятежнической толпы. Пугачевский полковник.

Гряткин, крестьянин, пойманный из толпы бунтовщиков, допрашивался «под битьем плетьми».

Гуляева, вдова прокурора Исетской провинции.

Гусев, крестьянин, предводитель мятежнической толпы.

Гусев, причетник.

Добрачев, крестьянин Красномыльской слободы, по приговору суда за участие в мятеже наказан батожьем.

Давыд Федоров, крестьянин Белорецкого завода, получил именной указ от самозванца 17 октября 1773 г. для предъявления крестьянам.

Данилов, запорожский казак, сосланный в Сибирь.

Дашков Павел Яковлевич, известный собиратель гравюр.

Девятловский, казак Чебаркульской крепости, по приговору суда за участие в мятеже повешен.

Дебезаусобри, помещица.

Деколонг Иван Александрович, генерал-лейтенант (1716—1778). В 1771 году назначен был командиром Сибирского корпуса. С 1773 г. ѣо главе войск Сибирского корпуса неоднократно дрался с бунтовщиками, приверженцами Пугачева, а под Троицкой крепостью сражался с самим Пугачевым.

Де-Кастро-Ласерда, граф, премьер-майор, начальник 11-й легкой полевой команды.

Де Марин, полковник, исправлял обязанность коменданта Озерной крепости.

Демидовы, горнозаводчики.

Демидов, секунд-майор Троицкого батальона.

Демидов, секунд-майор, комендант Кизильской крепости.

Десятовы Афанасий, Прокопий, — казаки, взятые в плен из толпы мятежников при Пуховой слободе.

Дожмуров, крестьянин Екатеринбургского ведомства, по приговору суда за участие в мятеже наказан плетьми.

Долбежев, горный смотритель заводов купца Лугинина, изрублен взбунтовавшимися башкирами.

Долгорукий, князь, генерал-майор.

Долотов, бывший солдат, сосланный в Тобольск, сообщник Гноенки. Наказан кнутом в Тобольске.

Древиц, полковник, начальник легкой бригады первой дивизии, действовал против Пугачева.

Дубинин, капитан, начальник конной команды.

Дубровин, атаман, взятый в плен из мятежнической толпы.

Дурганинов, крестьянин Варневской слободы.

Дусали-султан, племянник Нурали-хана.

Дубровин Карп, атаман мятежнической толпы в Салторайской слободе, взят в плен при мятежнической толпы при Пуховой слободе.

Дьяконов, сотник Чебаркульской крепости, служил в отряде мятежников.

Егерсон, лекарь, убит при взятии мятежнической Ильинской крепости.

Екатерина II, Императрица.

Елизавета Петровна, Императрица.

Елагин, полковник, комендант Яицкой дистанции, убит с женой бунтовщиками.

Ензевы, крепостные крестьяне, Яков, Парфен, Яков, по приговору суда за принятие участия в мятеже повешены.

Ермолаев, яицкий казак, сосланный в Тобольск.

Еровских, крестьянин Крутикинской слободы, по приговору суда за участие в мятеже наказан плетьми.

Жвачка, запорожец.

Жедринский, подпоручик.

Железняк, запорожец.

Жеребятников, есаул, повешен бунтовщиками.

Жернаков, казак, взят в плен в толпе мятежников из Пуховой слободы.

Жилин, крестьянин Саткинского завода.

Жителев, крестьянин Екатеринбургского ведомства, по приговору суда за участие в мятежах наказан плетьми.

Жихарев, хорунжий.

Жолобов, премьер-майор, начальник 12-й легкой полевой команды.

Жуланов, крестьянин Саткинского завода.

Журавлев, выборный Кизакской слободы, принимал участие в мятежах.

Заворотков, секунд-майор, экономический казначей, защитник Далматова монастыря от нападения мятежников.

Заев Ефрем, секунд-майор, командовал отрядом, посланным из Тобольска против Пугачева. Убит при взятии мятежниками Ильинской крепости.

Замаралов, крестьянин, взят в плен из толпы мятежников при Пуховой слободе.

Замиралов, крестьянин Кизакской слободы.

Заслонов, казак Мияской крепости.

Зайков, крестьянин Успенской слободы, по приговору суда за участие в мятеже наказан плетьми.

Зейферт, секунд-майор, начальник 10-й легкой полевой команды.

Зиновьев, крестьянин Нижнеувельской слободы, по приговору суда за участие в мятеже наказан плетьми.

Зубов, секунд-майор, начальник 8-й легкой полевой команды.

Зубарев Федор, священник, принимал участие в бунте.

Зыков, сержант, начальствовал командой егерей, поймавшей бунтовщика атамана Новогородова.

Иерман, генерал-поручик, главный командир Колывано-Воскресенских заводов.

Ивановский, солдат Оренбургского гарнизона, повешен бунтовщиками.

Иванов, капитан.

Иванов, крестьянин Косотурского завода, по приговору суда за участие в мятеже повешен.

Иванов, канонир.

Ильин, крестьянин Екатеринбургского ведомства, по приговору суда за участие в мятеже наказан плетьми.

Иматбаев, мурза, из башкир, предавшийся бунтовщикам.

Ишим, сын Нурали-хана.

Казанцев, казак Еткульской крепости.

Кайгородов, капрал Тобольской гарнизонной роты.

Калганов, писарь Маслянского острога, по приговору суда за участие в мятеже повешен.

Калинин, крестьянин Нижнеувельской слободы, по приговору суда за участие в мятеже наказан плетьми.

Калминский, сержант, убит бунтовщиками.

Калугин Федор, дворовый человек Павлуцкого, атаман мятежнической шайки, взят в плен при слободе Пуховой.

Камешков, капитан. Повешен Пугачевым по взятии Ильинской крепости.

Камшилов, староста.

Кондалинцев, прапорщик, начальник команды, сформированной из башкир и мещеряков для действия против мятежников.

Карпов, майор, член Оренбургского главного соляных дел правления.

Катанаев, крестьянин Курганской слободы.

Кар Василий Алексеевич, генерал-майор.

Касьяновский, комиссар.

Кашигин, атаман Уйских казаков.

Кашников, казак Мияской крепости.

Кених, премьер-майор, комендант г. Шадринска.

Кирьянов, сержант.

Клепиков, обер-гинтер-фервальтер Воткинского завода, убит мятежниками.

Клавер, бригадир, комендант Омской крепости.

Климов, крестьянин Косотурского завода, по приговору суда повешен.

Клюшников, приказчик, повешен Пугачевым.

Ковалевский, атаман мятежнической толпы, убит при слободе Пуховой.

Кожин, полковник, начальник команды, расположенной в Богульянской слободе 1-й бригады 2-й дивизии.

Козицкий Савелий, польский конфедерат, служивший нижним чином в Омском батальоне, зачинщик заговоров в войсках Сибирской линии.

Козловский, подпоручик, начальник команды, сформированной из башкир и мещеряков для действия против мятежников.

Козырев, крестьянин Тюменского уезда по приговору суда за участие в мятеже повешен.

Кокорин, сотник, взят в плен из мятежнической толпы при слободе Пуховой.

Колесников, регистратор, бит розгами бунтовщиками в Челябинске.

Коликов, крестьянин Ерузатовского завода, по приговору суда за участие в мятеже повешен.

Колобов, подканцелярист, повешен.

Кологривов, поручик.

Колпаков, яицкий казак, повешен бунтовщиками.

Комшилов, староста Киргизской слободы.

Кокорин, крестьянин Верх-Суерской слободы.

Копылов, приказчик Авзянопетровского завода, повешен бунтовщиками.

Каргаполов, казак Исетской провинции по приговору суда за участие в мятеже наказан плетьми.

Коркин, сотник, взят в плен при толпе мятежников при Пуховой слободе.

Коробченин, гусар.

Королев, казак Чебаркульской крепости, служил в отряде мятежников.

Корыстовских, есаул, пугачевской шайки.

Корф, бригадир, комендант Озерной крепости.

Костицин, отставной сержант.

Коченев, оренбургский купец.

Кошкаровский Гавриил, дьячок Курганской слободы, предводительствовал мятежниками, взят в плен из мятежнической толпы при слободе Пуховой.

Крауз, майор, комендант Чернореченской крепости.

Красноперов, крестьянин Успенской слободы, по приговору суда за участие в мятеже наказан плетьми.

Ксенофонтов, крестьянин Крутихинской слободы, по приговору суда за участие в мятеже наказан плетьми.

Кудрин, казак.

Кудрявцев, беглокаторжный, бывший крестьянин Тобольской губернии, взбунтовавший Ялотуровский дистрикт.

Кудымов, крестьянин Саткинского завода по приговору суда за принятие участия в мятеже наказан плетьми.

Кузнецов Иван, Красноуфимский казак, атаман мятежнической толпы, любимец Пугачева.

Кулаков, крестьянин Красномыльской слободы по приговору суда за принятие участия в мятеже наказан батожьем.

Кулалеев, прапорщик, сожжен бунтовщиками.

Кулсара, батырь, старшина Киргиз-Кайсацкой Средней Орды.

Куракин, канцелярист Шадринской управительской канцелярии.

Курляндский Петр (1724—1800), герцог, женат во 2-м браке на княжне Евдокии Борисовне Юсуповой.

Лагунов, казак, взят в плен в толпе мятежников при Пуховой слободе.

Лазарев, полковник. Исетский воевода.

Лапин Яков, священник, принимал участие в бунте.

Лепустин, крестьянин Мехонского острога, по приговору суда за участие в мятеже наказан плетьми.

Лапин Петр, священник, принимал участие в бунте.

Лаптев, крестьянин Чумазской слободы, главный виновник бунта в Челябинске, наказан кнутом и сослан в Азов.

Леуханов, крестьянин Косотурского завода, по приговору суда повешен.

Лосенков, подпоручик, начальник егерской команды.

Логинских, крестьянин Нижеувельской слободы, по приговору суда наказан плетьми.

Лопатин, поручик, начальник команды в Ильинской крепости, убит мятежниками.

Лугинин, тульский купец, владелец Троицкого и Саткинского заводов.

Луканин, крестьянин Успенской слободы, по приговору суда за участие в мятеже наказан плетьми.

Лукин, подпоручик.

Луков, священник, принимал участие в бунте.

Луниных, крестьянин Варневской слободы.

Любимов, крестьянин Белорецких заводов, находившийся в бегах у бунтовщиков и принесший на завод манифест Пугачева.

Лесных, крестьянин Крутихинской слободы, по приговору суда за участие в мятеже наказан плетьми.

Ляпилин, отставной сотник Яицкого казачьего войска.

Максимовских Семен и Иван, крестьяне Шадринского уезда. Семен по приговору суда за участие в мятеже повешены.

Малявкины, уйские казаки, убиты взбунтовавшимися башкирами.

Мальцев, крестьянин села Конашского, по приговору суда за участие в мятеже наказан плетьми.

Мансуров Павел Дмитриевич, генерал-майор, начальник первой бригады второй дивизии, действовавшей против Пугачева.

Мансуров Александр Павлович, генерал-майор, Астраханский губернатор.

Маньковский, солдат оренбургского гарнизона, повешен бунтовщиками.

Маныкин, прапорщик гарнизона Таналыцкой крепости.

Маслов, атаман пугачевской шайки.

Матвеев, заводский крестьянин, взбунтовавший Белорецкий завод.

Межентинова, жена поручика, повешена Пугачевым при взятии Магнитной крепости.

Мезенцов, беглый драгун Азовского полка, повешен в Звериноголовске.

Меллин, граф, секунд-майор, начальник отряда командированного кн. Щербатовым.

Мельников, крестьянин, староста Белозерской слободы.

Меньшиков, пушкарь, взят в плен из толпы мятежников при Пуховой слободе.

Микеров, крестьянин Воскресенского завода, состоял в мятежнической шайке атамана Грязнова.

Милюков, действ. ст. советн., товарищ Оренбургского губернатора.

Минеев, подпоручик гарнизона г. Осы, произведенный за донос Пугачевым в полковники.

Миронов, крестьянин Нижнеувельской слободы, по приговору суда за участие в мятеже наказан плетьми.

Михаил Осипов, крестьянин Белорецкого завода. Получил именной указ от самозванца 17 октября 1773 года для предъявления крестьянам.

Михайловский Василий, атаман мятежнической шайки, пугачевский полковник.

Михалев, крестьянин Косотурского завода, по приговору суда повешен.

Михельсон Иван Иванович (1739—1807). В особенности прославился своими действиями против Пугачева, командуя особым отрядом в чине подполковника. В 1788—1789 гг. в чине генерал-поручика командовал корпусом в Финляндии. В 1803 г. был Белорусским военным губернатором. В 1806 г. назначен был главнокомандующим Днестровской армией.

Могутов, подполковник, войсковой атаман Оренбургского Казачьего войска.

Моисеев, приказчик завода Лугинина.

Макринский, капитан, начальник роты рекрут, командированной в Звериноголовск.

Молов, крестьянин Косотурского завода, повешен.

Морозов, ссыльный колодник, содержавшийся в Омской тюрьме, признанный виновным в восстановлении бунта в Омской крепости, повешен.

Мосеев, крестьянин Косотурского завода, по приговору повешен.

Мосолов, владелец Новоникольского завода.

Мурашев, староста Верх-Суэрской слободы, взят в плен из мятежнической толпы при Пуховой слободе.

Муфель, подполковник, начальник отряда, командированного кн. Щербатовым.

Мясниковы, купцы, владельцы Белорецких заводов.

Мясоедов, коллежск. советн. Товарищ Оренбургского губернатора.

Набатов, конторщик Авзянопетровских заводов, повешен бунтовщиками.

Назаров, целовальник, взят в плен из толпы мятежников при Пуховой слободе.

Наталья Алексеевна. Великая Княгиня.

Наумов, подполковник, начальник команды, расположенной в Вознесенском заводе, 1-й бригады 2-й дивизии.

Наумов, премьер-майор, командир легкой полевой команды, действовавшей против Пугачева.

Невзоров Наум, хорунжий, возмущавший челябинских казаков, был пойман и умер под плеткой.

Незнаев, крестьянин Нижнеувельской слободы, по приговору суда за участие в мятеже наказан плетьми.

Некрасов Иван Федоров, священник села Иванишевского, осужден Шадринской Управительской канцелярией за измену.

Некрасов Никита, студент Тобольской духовной семинарии, по приговору суда за участие в мятеже наказан плетьми.

Нестеров Прохор, пугачевский полковник, осаждал Долматов монастырь.

Неупокоев, староста Усть-Суэрской слободы, взят в плен из толпы мятежников при Пуховой слободе.

Нечаев, капитан, повешен бунтовщиками.

Нечеркин, крестьянин Екатеринбургского ведомства, по приговору суда за участие в мятеже наказан плетьми.

Никитин Степан, расстрига.

Никифоров Иван, пугачевский полковник.

Николин, подпоручик. Убит при взятии мятежниками Ильинской крепости.

Никонов, прапорщик.

Новопашенный, причетник.

Новогородов Семен, атаман мятежнической толпы, взбунтовавший Ялуторовский дистрикт.

Носков, крестьянин Косотурского завода, по решению суда за участие в мятеже повешен.

Носырев, крестьянин Тюменского уезда, по решению суда за участие в мятеже повешен.

Нохрин, крестьянин Косотурского завода, по приговору суда повешен.

Нурали, хан Киргиз-Кайсацкой и Малой орды.

Обухов, надворный советник и директор Оренбургской пограничной таможни.

Обухов, крестьянин Екатеринбургского уезда, по приговору суда за участие в мятеже наказан плетьми.

Овчинников, атаман яицких казаков, предавшихся Пугачеву и осаждавших вместе с ним Магнитную крепость.

Орлов Тимофей, казак, на имя его указ из стана пугачевского.

Орешков, капитан 13-й легкой полевой команды.

Осипов Михаил, крестьянин Белорецкого завода, указ самозванца на его имя.

Ошконов, крестьянин Тюменского уезда, по приговору суда за участие в мятеже повешен.

Ошурков, крестьянин Верх-Суэрской слободы.

Павел Петрович, Великий князь.

Павлуцкий, коллежский асессор.

Палицын, капитан, убит при взятии мятежниками Ильинской крепости.

Панина С.В., графиня, владетельница портрета графа П.И. Панина.

Панин Петр Иванович (1721—1789), граф. Генерал-аншеф, сенатор. Герой семилетней войны. В 1767 г. В 1770 г. взял в плен Пугачева и судил его.

Панов, фурьер Тобольской губернской роты.

Пономарев, крестьянин.

Пантелеев, сержант, повешен бунтовщиками.

Панфила, ссыльный.

Парфенов, казак Еткульской крепости.

Пелагея, малоросска, проживавшая в Тобольске.

Перфильев, сотник из отряда яицких казаков, предавшихся и осаждавших Магнитную крепость.

Петр III, Император.

Печенин, крестьянин с. Иванищевского.

Пивоваров, поручик. Убит при взятии мятежников Ильинской крепости.

Пиль, бригадир, начальник пехотной бригады первой дивизии, действовавшей против Пугачева.

Пирали, сын Нурали-хана.

Пиригримов, крестьянин, взятый в плен из толпы мятежников при Пуховой слободе.

Пичегов, крестьянин Екатеринбурского ведомства по приговору суда за принятие участия в мятеже наказан плетьми.

Плешивцев, капитан, начальник команды, отправленной из Тобольска в Краснослободск.

Плотников, канонир.

Погодаев, крестьянин Кизакской слободы, участвовал в мятеже.

Позняков, крестьянин Косотурского завода, по приговору суда за принятие участия в мятеже наказан плетьми.

Поливанов, полковник Верхнеяицкого батальона.

Поляков, майор, смотритель казенных винокуренных заводов.

Пономарев, крестьянин.

Попов, майор, начальник пермской рекрутской команды, командированной А.И. Бибиковым к г. Кунгуру.

Попов, подполковник, начальник отряда, действовавшего в Красноуфимске.

Попов Кирилл, рукоприкладчик, взят в плен в толпе мятежников.

Попов, крестьянин слободы Варневской.

Попов, крестьянин села Кундравинского.

Попов Прокопий, казак. Взят в плен из толпы мятежников при Пуховой слободе.

Попов, казак Еткульской крепости, по приговору суда за участие в мятеже наказан батогами.

Пореднев, казак Еткульской крепости.

Портнов, атаман Илецких казаков, повешенный Пугачевым.

Портнягинов, управитель шадринской канцелярии.

Поспелов, крестьянин.

Потемкин Павел Сергеевич, граф, генерал-аншеф. Начальствовал в Казани, когда Пугачев осадил этот город. В 1782 г. был назначен начальником кавказских корпусов, исправлял должность Кавказского наместника.

Преволоцкий, капитан, начальник конной казачьей команды. Убит при взятии мятежниками Ильинской крепости.

Привиков, крестьянин Верх-Суэрской слободы.

Проскуряков, крестьянин Тюменского уезда, по приговору за участие в мятеже повешен.

Протопопов, копеист, взят в плен из толпы мятежников при Пуховой слободе.

Пугачев Емельян Иванов, беглый Донской казак Зимовейской станицы, самозванец, выдававший себя за Императора Петра III, свирепствовал в юго-восточной России в Зауралье и в Сибири с весны 1773 г. до осени 1774 г., предводительствуя шайками казаков, крестьян, башкир и калмык. Выданный своими приверженцами, был отведен в Москву, судим и казнен чрез обезглавление 10 января 1775 года.

Пуртиф, солдат.

Пушкарев, поручик, командир рекрутской роты.

Певцов Степан, донской казак, сообщник самозванца Рябова. Наказан кнутом в Тобольске.

Раздуев, поручик, начальник для очищения от мятежников Екатеринбург-Тюменской дороги.

Рас фон, подполковник, командир Таналыцкой крепости.

Рафен, лекарь.

Рейнсдорп, генерал-поручик. Оренбургский губернатор.

Родичев, сержант.

Рот, запорожский казак, сосланный в Сибирь.

Румянцев, Петр Александрович, граф. Генерал-фельдмаршал.

Рыжев, атаман пугачевской шайки.

Рылеев, подполковник, начальник в Уфе.

Решетников, крестьянин Тюменского уезда, по приговору суда за участие в мятеже повешен.

Рябов Григорий, разбойничий атаман, именовавший себя Петром Третьим.

Савинич, капитан, повешен бунтовщиками в крепости Рассыпной.

Салават, башкир, предводитель мятежнической толпы башкир, сын Юлая.

Санин, крестьянин Барневской слободы, по приговору суда за участие в мятеже наказан плетьми.

Сафонов, рукоприкладчик, взят в плен из толпы мятежников при Пуховой слободе.

Свербеев Василий Иванович, коллежский асессор, товарищ Исетского воеводы.

Светоносов, крестьянин Барневской слободы, по приговору суда за участие в мятеже повешен.

Селезнев, атаман мятежнической толпы, взят в плен при Кундравинской слободе.

Семеновских, крестьянин Уксянской слободы, по приговору суда за участие в мятеже наказан плетьми.

Серединин Иван, донской казак, сообщник самозванца Рябова. Наказан кнутом в Тобольске.

Сесюнин, казак села Вишерского.

Сидоров, крестьянин Кунгурского уезда, по приговору суда за участие в мятеже повешен.

Сизиконов, крестьянин Ялуторовского уезда, по приговору суда за участие в мятеже повешен.

Сизинг фон, капитан 10-й легкий полевой команды.

Симонов, подполковник, Яицкий комендант, затем начальник команды, расположенной в Яицком городке, 1-й бригады 2-й дивизии.

Ситников, капрал.

Скалон Антон Данилович, генерал-поручик (1720—1777), отличился в Семилетнюю войну, в походах против Пугачева.

Скопин, писарь Нижне-Озерного коменданта, повешен бунтовщиками.

Скорин Матвей, хорунжий, взят в плен в толпе мятежников, повешен в Пуховой слободе.

Скрипицын, майор, начальник гарнизона в г. Осе. Повешен Пугачевым.

Скрябин, крестьянин, взят в плен в толпе мятежников при Пуховой слободе.

Слудков, есаул, взят в плен при мятежнической толпе при Пуховой слободе.

Слудных, крестьянин Нижнеувельской слободы, по приговору суда за участие в мятеже наказан плетьми.

Смирнов, капитан гарнизона г. Осы, повешен Пугачевым.

Смолокуров, старшина Суэрского острога, взят в плен из толпы мятежников при Пуховой слободе.

Смольянинов, капитан, повешен бунтовщиками в Иковской слободе.

Соколов Василий, полковой писарь при пугачевском атамане полковнике Михайловском.

Сорокин Назар, служащий на медеплавильном Новониколькском заводе Мосолова, именной указ на его имя от самозванца.

Сорокин, бывший солдат, сосланный в Тобольск, сообщник Гноенки. Наказан кнутом в Тобольске.

Сорокин, сержант, повешен бунтовщиками.

Спицын Яков, крестьянин села Сухринского, по приговору суда за участие в мятеже наказан плетьми.

Спицын Семен, крестьянин села Сухринского, по приговору суда за участие в мятеже повешен.

Станиславский, генерал-майор, командовал частью войск Сибирского корпуса под главным начальством генерала Деколонга.

Ступишин, полковник, комендант Верхнеяицкой крепости.

Суворов Александр Васильевич. Князь Италийский, генералиссимус. В чине генерал-поручика состоял начальником первой дивизии, действовавшей против Пугачева.

Сумароков, бригадир, комендант Петропавловской крепости.

Сумароков, капитан 11-й легкой полевой команды.

Сунгуров, крестьянин Ялуторовского уезда, по приговору суда за участие в мятеже повешен.

Сурин, комендант Татищевской крепости, заколот Пугачевым.

Сурин, капитан, убит бунтовщиками.

Сутормин, сотник.

Сухонов, крестьянин Борневской слободы, по приговору суда за участие в мятеже наказан плетьми.

Сухоногов, крестьянин деревни Першиной.

Сухоносов, крестьянин Барневской слободы, по приговору суда за участие в мятеже наказан плетьми.

Сухоруков, крестьянин.

Сысоев, подпоручик.

Седов, крестьянин Косотурского завода, по приговору суда повешен.

Танеев А.С., владелец портрета А.И. Бибикова.

Тараканов Тимофей, пугачевский есаул, осаждал Долматов монастырь.

Татин, оренбургский казак, капрал.

Твердышевы, купцы, владельцы Белорецких заводов.

Тимашев Иван, отставной коллежский советник, начальник отряда, командированного кн. Голицыным для поисков Пугачева.

Тихановский, капитан, комендант Магнитной крепости, повешен с женой при взятии Пугачевым крепости.

Ткачев, регистратор Шадринской управительской канцелярии.

Толбаев, поручик, убит бунтовщиками.

Топорков Василий, сотник.

Топорков, сотник, взят в плен в толпе мятежников при Пуховой слободе.

Тормасов, крестьянин Ерузатовского завода, по приговору суда за участие в мятеже повешен.

Трейблют фон, секунд-майор, начальник команды, командированной из Омска в Курган.

Трейблют фон, поручик 13-легкой полевой команды.

Туманов, крестьянин Кизакской слободы, участвовал в мятеже.

Тупеев, почтовый комиссар.

Турсуков, крестьянин.

Тюменев Андрей, беглокаторжный, бывший крестьянин Тобольской губернии, взбунтовавший Ялуторовский дистрикт.

Убуши-хан, султан орды Торгоутов.

Ульянов, штык-юнкер.

Унгеен фон, генерал-поручик, командир корпуса.

Упал, сотник, башкир, посланный Пугачевым для склонения башкир.

Урванцев, казак, взят в плен из толпы мятежников при Пуховой слободе.

Уржумцев Михаил, казак, атаман мятежнической шайки в Челябинске. Был пойман и после пыток умер.

Урус-Султан, киргизский старшина.

Усков, капитан 12-й легкой полевой команды, рапорт его генералу Деколонгу.

Устьянцев, подполковник, Тюменский комендант.

Устюшанин, крестьянин Нижнеувельской слободы, по приговору суда за участие в мятеже наказан плетьми.

Ушаков, оренбургский губернский прокурор.

Фрейман, генерал-майор, начальник 2-й бригады 2-й дивизии, действовавшей против Пугачева.

Фадеев, секунд-майор, начальник команды, командированной Сибирским губернатором Чичериным.

Федоров, приказчик Авзянопетровского завода, повешен бунтовщиками.

Федоров Давид, крестьянин Белорецкого завода, указ самозванца на его имя.

Федосьев, капрал, повешен бунтовщиками.

Феофилов, подпоручик, участвовал в команде, отправленной из Тобольска в Краснослободск.

Фейервар Де, бригадир, комендант Троицкой дистанции, убит при взятии Пугачевым Троицкой крепости.

Фейервар Де, жена коменданта Троицкой дистанции, подвергнута была истязанию бунтовщиками.

Фигнер, прапорщик, повешен бунтовщиками.

Фишер, секунд-майор.

Фролов, конторщик Преображенского завода, повешен бунтовщиками.

Хабалеров, прапорщик, повешен бунтовщиками.

Хабаров Степан, священник, принимал участие в бунте.

Хабаров, крестьянин деревни Никитиной, по приговору суда наказан плетьми.

Харин, секунд-майор, начальник команды, расположенной в Ильдинском заводе, 2-й бригады 2-й дивизии.

Харлов, майор, комендант Нижне-Озерной крепости, повешен Пугачевым.

Хахилев, комиссар.

Хитров, священник, принимал участие в бунте.

Хлопуша, атаман мятежнической толпы, пугачевский полковник.

Хорват, полковник, начальник команды, расположенной близ Кинели, 1-й бригады 2-й дивизии.

Худорожков, крестьянин Успенской слободы, по приговору суда за участие в мятеже наказан плетьми.

Челебаев, крестьянин Екатеринбургского ведомства, по приговору суда за участие в мятеже наказан плетьми.

Черепанов, крестьянин Нижнеувельской слободы, по приговору суда за участие в мятеже наказан плетьми.

Черноусов, прапорщик 13-й легкой полевой команды.

Черных, крестьянин Уксянской слободы, по решению суда за участие в мятеже наказан плетьми.

Чернышев, полковник, Симбирский комендант, начальник отряда, действовавшего против Пугачева, повешен Пугачевым.

Чернышев Захар Григорьевич (1722—1784), граф. Герой Семилетней войны. Взял Берлин (1760 г.). Президент Военной коллегии, генерал-фельдмаршал.

Черторогов, сотник Яицкого казачьего войска, повешен бунтовщиками.

Чинять, мурза средней Киргиз-Кайсацкой орды.

Чичерин Денис Иванович, генерал-поручик, Сибирский губернатор. В продолжение 17 лет управлял Сибирью

(1763—1781). При появлении Пугачева принимал деятельные меры для предупреждения распространения мятежнического бунта в пределы Сибири.

Чорба, генерал-майор, начальник отряда, командированного из Москвы, затем начальник кавалерийской бригады первой дивизии, действовавшей против Пугачева.

Чубаров, секунд-майор, начальник казачьей команды, умерщвлен изменниками.

Чунин, крестьянин, взят в плен из толпы мятежников при Пуховой слободе.

Шалобанов, крестьянин Усть-Оуэрской слободы.

Шарыпов, башкирский старшина.

Шевич, премьер-майор.

Шепелев, подполковник, начальник команды, расположенной в Уфе, 2-й бригады 2-й дивизии.

Шепелев, полковник, начальник постов от Оренбурга до Стерлитомакской соляной пристани.

Шершенев, штейгер заводов купца Лугинина, изрубленный взбунтовавшимися башкирами.

Широносов Авраам, атаман мятежнической толпы в Утяцкой слободе, взят в плен из мятежнической толпы при Пуховой слободе.

Шишалов Иван, казак Еткульской крепости, на имя его указ из стана пугачевского.

Шишнин, казак Еткульской крепости.

Шишлов, казак, взят в плен из толпы мятежников при Пуховой слободе.

Шмаков, сборщик, взят в плен из толпы мятежников при Пуховой слободе.

Шорин, рукоприкладчик, взят в плен из толпы мятежников при Пуховой слободе.

Шпаг, запорожский казак, сосланный в Сибирь.

Шпанский, секунд-майор, начальник команды, сформированной в Верхнеяицке.

Шпрингер, генерал-поручик.

Штерн, премьер-майор.

Шундеев, сотник.

Шундеев Иван, хорунжий, был секретарем у Пугачева.

Щепкин, комиссар.

Щербаков, крестьянин Уксянской слободы, по приговору суда за участие в мятеже наказан плетьми.

Щербатов, князь Федор Федорович, вступил в командование войсками, действовавшими против Пугачева по смерти А.И. Бибикова.

Эртман, премьер-майор, начальник 13-й легкой полевой команды, разбил мятежников под Пуховой слободой.

Эстко, полковник, комендант Звериноголовской крепости.

Южанов, крестьянин.

Юлай, башкир, атаман мятежнической толпы, осаждавшей Соткинский и другие заводы.

Юсупов Борис Григорьевич, князь, замужество дочери его с герцогом Курляндским.

Ягев, целовальник, взят в плен из толпы мятежников при Пуховой слободе.

Якимсон, премьер-майор, начальник команд, расположенных в Осе, Сарапуле, Кунгуре, 2-й бригады 2-й дивизии.

Яковлев, шихтмейстр, заколот башкирами.

Якубович, полковник, начальник поста в Мензелинске.

Янов, управляющий Белорецким заводом Мясниковых и Твердышевых.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3
ГЛАВА I. 6
ГЛАВА II 23
ГЛАВА III 42
ГЛАВА IV 54
ГЛАВА V 72
ГЛАВА VI 87
ГЛАВА VII 102
ГЛАВА VIII 118
ГЛАВА IX 136
ГЛАВА X 159
ГЛАВА XI 176
ГЛАВА XII 192
ПРИЛОЖЕНИЯ 207
ЛЮДИ, УПОМЯНУТЫЕ В КНИГЕ 257

Научно-популярное издание

Моя Сибирь

Дмитриев-Мамонов Александр Ипполитович

ПУГАЧЕВСКИЙ БУНТ
В ЗАУРАЛЬЕ И СИБИРИ

Выпускающий редактор *Н.М. Смирнов*
Корректор *Б.С. Тумян*
Верстка *И.В. Левченко*
Дизайн обложки *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:
129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 07.08.2013. Формат 84×108 $^{1}/_{32}$.
Гарнитура «NewtonC». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 9. Тираж 2000 экз. Заказ № 1844.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.
e-mail: printing@r-d-p.ru www.printing.yaroslavl.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»

ООО «ВЕСТЬ» является основным поставщиком
книжной продукции издательства «ВЕЧЕ»

Юридический адрес:
129110, Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:
129337, Москва, а/я 63.

Фактический адрес:
127566, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Интернет: www.veche.ru
Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «ВЕЧЕ».
Тел.: (499) 940-48-70
E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!
Книги издательства «ВЕЧЕ» вы можете приобрести также
в наших филиалах и у официальных дилеров по адресам:

В Москве:
Компания «Лабиринт»
115419, г. Москва, 2-й Рощинский проезд, д. 8, стр. 4.
Тел.: (495) 780-00-98, 231-46-79
www.labirint-shop.ru

В Киеве:
ООО «Издательство «Арий»
г. Киев, ул. Леся Курбаса, д. 2б
Тел.: (380 44) 537-29-20,(380 44) 407-22-75.
E-mail: info@ariy.com.ua

Всегда в ассортименте новинки издательства «ВЕЧЕ»
в московских книжных магазинах:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Новый книжный».

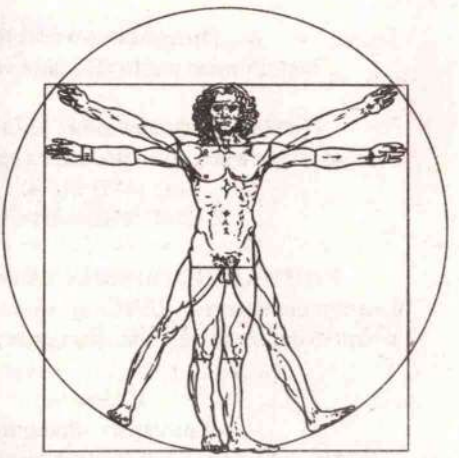

ВЕЧЕ

ПИШЕШЬ РЕФЕРАТ?
СДАЕШЬ ЭКЗАМЕНЫ?

«100 великих» помогут на все 100!

- 100 томов в серии
- Энциклопедическая полнота
- Отечественные и зарубежные авторы

Лучшие книги серии изданы в подарочном исполнении в серии

Золотая коллекция
«100 великих»

- Цветные иллюстрации на мелованной бумаге
- Оригинальное оформление

Пугачевское восстание 1773—1775 годов началось с выступления яицких казаков и в скором времени переросло в полномасштабную крестьянскую войну под предводительством Е.И. Пугачева. Поводом для начала волнений, охвативших огромные территории, стало чудесное объявление спасшегося «царя Петра Федоровича». Волнения начались 17 сентября 1773 года с Бударинского форпоста и продолжались вплоть до середины 1775 года, несмотря на военное поражение казацкой армии и пленение Пугачева в сентябре 1774 года. Восстание охватило земли Яицкого войска, Оренбургский край, Урал, Прикамье, Башкирию, часть Западной Сибири, Среднее и Нижнее Поволжье. В ходе волнений к казакам присоединились башкиры, татары, казахи, чуваши, мокшане, эрзяне, уральские заводские рабочие и многочисленные крепостные крестьяне всех губерний, где разворачивались военные действия.

Впервые изданная в 1895 году и написанная на основе архивных документов и воспоминаний современников, книга историка и библиографа Александра Ипполитовича Дмитриева-Мамонова (1847—1915) и в наше время представляет немалый интерес как для историков, так и для рядовых читателей.

ISBN 978-5-4444-1319-7

Вече